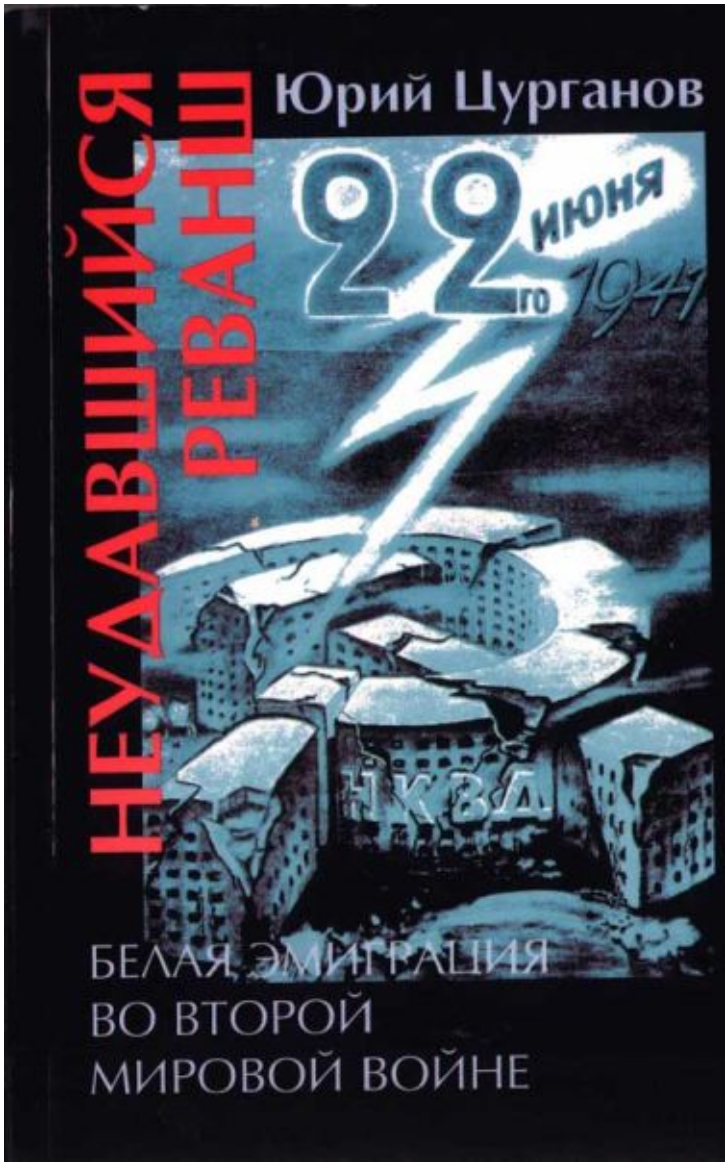
VISIT…


Юрий Цурганов
НЕУДАВШИЙСЯ РЕВАНШ
22 июня го 1941
НКВД
БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ
ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Юрий Цурганов

# РУССКИЕ БЕЛОЭМИГРАНТЫ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

## Попытка реванша

**СОДЕРЖАНИЕ**

ВВЕДЕНИЕ……..

ЧАСТЬ I. ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА РУБЕЖЕ 1930-1940-х гг.
Глава 1. Русский Обще-Воинский Союз ……..……..
Глава 2. Казачьи организации..……..…….
Глава 3. Невоенные объединения…….…….

ЧАСТЬ II. БЕЛОЭМИГРАНТЫ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ 1941—1945 гг.
Глава 4. Взаимоотношения с германской администрацией……..
Глава 5. Участие в боевых действиях на стороне Германии…..…..
Глава 6. Участие в движении Сопротивления……..

ЧАСТЬ III. БЕЛОЭМИГРАНТЫ И ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава 7. Период зарождения Власовского движения……..…..
Глава 8. Период организационного оформления Власовского движения…
Глава 9. Окончание войны и первые послевоенные годы……..

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА…….……..

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….……

**Введение**

Термин «белая эмиграция» часто используют для обозначения общности людей, оказавшихся за пределами России в 1917-1920-е годы. То есть понятия «белая эмиграция» и «первая волна русской (или российской) эмиграции» преподносятся как равнозначные. На наш взгляд, это не совсем так. Эмиграция не была едина в отношении к революции; к прошлому, настоящему и будущему России. Даже тех, кто вел активную борьбу с большевистским режимом и вследствие этого был вынужден покинуть страну, не всегда можно причислить к категории белоэмигрантов. В военно-политическом противостоянии в России 1917-1920-х годов принимало участие множество партий и вооруженных структур. Они преследовали разные цели и отстаивали разные идеологические принципы. Генералы Русской Императорской Армии П. П. Скоропадский и К. Г. Маннергейм порвали со своим прошлым, и повели борьбу за независимость государств, возникших на территории бывшей Российской Империи. Скоропадский за независимость Украины, Маннергейм – Финляндии. Бывший подданный Российской Империи Ю. Пилсудский боролся за суверенитет Польши. Скоропадский оказался на положении эмигранта ввиду того, что Украина, в отличие от Финляндии и Польши, так и не стала независимым национальным государством. Маннергейма и Пилсудского к категории эмигрантов отнести невозможно – они стали крупными политическими деятелями своих стран. Цели С. В. Петлюры и Н. И. Махно, ставших эмигрантами, не имели ничего общего с целями Белого движения. Лишь с очень серьезными оговорками можно причислить к Белому движению Б. В. Савинкова. Многие представители социалистических и либеральных партий, оказавшиеся в конечном итоге за пределами России, в годы Гражданской войны считали для себя недопустимым участие в Белом движении. Для некоторых из них большевики были не столько врагами, сколько конкурентами. Другие, сотрудничавшие с Белым движением, позже сочли свой выбор ошибочным.

Определить общую программу Белого движения непросто. (В этом одна из важнейших причин его поражения в Гражданской войне). Легче идти от персоналий. Белое движение возглавляли военачальники Русской Императорской Армии, крупнейшие среди них: Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. М. Каледин, А. И. Деникина, П. Н. Краснов, А. В. Колчак, Н. Н. Юденич, П. Н. Врангель, А. И. Дутов, Е. К. Миллер. Белое движение составляли люди признавшие за ними право говорить от имени России и

принявшие участие в борьбе за установление, укрепление и расширение их власти. Участие в борьбе могло осуществляться: на фронтах, в составе регулярных войск; в партизанских отрядах, действовавших в тылу большевиков; в подполье на контролируемой большевиками территории. К Белому движению, бесспорно, относятся и штатские лица – сотрудники гражданской администрации на подконтрольных генералам территориях.

Белое движение было общностью мировоззренческой. Участников движения объединяло: Во-первых, ощущение себя гражданами (или подданными) России. Во-вторых, стремление восстановить законность, правопорядок, преемственность государственной власти, наконец, уклад жизни, нарушенные большевиками. В-третьих, осознание того, что вне зависимости от формы государственного устройства освобожденной от большевиков России, будущее правительство должно руководствоваться национальными интересами страны.

Мировоззренческой общностью явилась, соответственно, и белая эмиграция. К ней мы относим: Во-первых, участников Белого движения, за исключением тех, кто, в конце концов, стал считать власть большевиков законной. Во-вторых, тех людей, которые, в силу разных жизненных обстоятельств, не смогли принять активного участия в Белом движении, но разделяли его основные принципы. В-третьих, людей, вывезенных за рубеж в юном возрасте, или родившихся в эмигрантских семьях, сформировавшихся как личность за пределами России и осознающих для себя необходимость продолжать традиции Белого движения.

В конечном счете, для каждого человека, оказавшегося за пределами России, вопрос о том, является ли он белоэмигрантом, или нет, был вопросом самоощущения.

Понятия «русская эмиграция» и «российская эмиграция» в данной работе будут использоваться в зависимости от контекста. Национальная самоидентификация была весьма важным аспектом в жизни политически активных эмигрантов. Вопрос принадлежности к той или другой нации далеко не всегда был связан с этническим происхождением.

В настоящее время существуют две основные точки зрения на политическую сущность белой эмиграции. Согласно одной, более распространенной, политические и военные структуры, отбыв из России за

рубеж, раз и навсегда утратили право представлять страну, говорить от ее имени, участвовать в ее общественной жизни. В качестве наследницы российской государственности, по этой теории, предстает советская власть. Сторонники данной схемы готовы признать научно подтвержденные факты преступлений советской власти против народов России, однако считают, что сама победа большевиков над силами «контрреволюции» делает их правление легитимным. За эмиграцией в этом случае признается лишь миссия сохранения элементов культуры, которые не могли существовать в пореволюционной России.

Другая точка зрения исходит из того, что, несмотря на поражение в Гражданской войне и вынужденную эмиграцию, именно противники большевизма имели моральное право говорить от имени России. Кто именно, и в какой степени – вопрос отдельный. Возможно, это представители Династии, бывшие делегаты Учредительного собрания, корпус послов, Русский Обще-Воинский Союз, Зарубежный съезд, но явно не ВЦИК и Совнарком. Такая точка зрения базируется на том понимании сущности советской власти, которое было характерно для Белого движения. Советская власть рассматривалась как форма господства интернациональной политической мафии, которая эмоционально, культурно, духовно не связана ни с Россией, ни с какой-либо другой страной мира.

Причина возникновения разных взглядов на данный вопрос достаточно ясна. В Россию, в отличие от стран Восточной Европы в 1940-е годы, большевизм не был принесен на штыках иностранной армии. Он явился результатом внутренних конфликтов.

Спор о том, кто имел право говорить от имени России на протяжении большей части XX века – большевики, несмотря на преступный характер их режима, или политическая эмиграция, несмотря на поражение в борьбе, достаточно интересен сам по себе. Но этот спор носит не только теоретический характер. В ходе такого спора неизбежно возникают вопросы: о правомерности всего корпуса законов, принятых в советский период, о правопреемстве с досоветской государственностью, о реституции собственности, в конце концов – о кардинальном переосмыслении национальной истории.

Применительно к теме данного исследования, самым важным является вопрос о моральном праве белой эмиграции продолжать борьбу с советской

властью из зарубежья, о праве предпринять попытку реванша, опираясь на иностранную силу.

Автор отдает себе отчет в том, что эта тема имеет очень яркую эмоциональную окраску. В связи с этим, в рамках введения к книге, приводятся лишь юридически аспекты проблемы.

2 марта 1917 года Император Всероссийский Николай II подписал документ, в котором говорилось: «В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены…» [1]

3 марта 1917 года Великий Князь Михаил Александрович поставил свою подпись под заявлением, в котором содержались слова: «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа Нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» [2].

2 марта 1917 года Временное правительство издало Декларацию, в которой назвало своей главной задачей немедленную подготовку созыва Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которое установит форму правления и конституцию страны.

25 октября 1917 года отряды «красной гвардии», исполнявшие волю руководства большевистской партии, арестовали Временное правительство. Следует учитывать, что никто к этому моменту не отменял статью 108 Уложения об уголовных преступлениях «О вооруженном мятеже с целью свержения законной власти».

Новое временное правительство – «Совет народных комиссаров» – во главе с Лениным было создано 26 октября по решению Второго всероссийского съезда советов. Система «советов» и их съезд не являлись легитимными органами власти. Соответственно, сформированное по решению съезда правительство не может рассматриваться как законное.

22 ноября 1917 года Ленин подписал декрет, полностью ликвидировавший всю систему российского права. Первым пунктом этого декрета были распущены все суды, вплоть до высшей кассационной инстанции – Сената. Были упразднены все должности, связанные с судопроизводством: прокуроров, адвокатов и мировых судей.

5 января 1918 красногвардейцы разогнали Учредительное собрание, так и не успевшее установить образ правления, принять новые основные законы государства. Вопрос о возможном вступлении Великого Князя Михаила Александровича на Российский Престол остался открытым. 13 июня 1918 года Великий Князь был похищен и убит группой чекистов.

При отсутствии законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, единственной организованной структурой в России, имевшей юридическое и моральное право говорить от имени страны, оставалась Русская Армия. 20 ноября 1917 года Главнокомандующий Русской Армии генерал Н. Н. Духонин был растерзан толпой большевистских матросов. Представителям высшего командного состава, не признавшим большевистского правительства, предстояло действовать по обстоятельствам. По инициативе генералов и старших офицеров Русской Армии в разных регионах страны начали создаваться воинские формирования и административные структуры, совокупность которых принято именовать «Белым движением». Одной из главных задач Белого движения, как уже говорилось, было восстановить в стране правопорядка и уничтожить большевистскую анархию.

В ходе Гражданской войны последним Главнокомандующим Русской Армии стал генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель. Особое

присутствие Правительствующего Сената в Ялте присвоило ему звание Правителя Юга России. Войска и административный аппарат Врангеля были вынуждены в ноябре 1920 года оставить Крым – последнюю подконтрольную им территорию, и уйти за пределы России. Это было решение не об эмиграции, а только о *временном* отступлении, за которым должно последовать продолжение военных действий. В силу многих причин, продолжение борьбы в форме восстановления линии фронта откладывалось на необозримый срок, что превращало участников Белого движения в эмигрантов. Но Главнокомандующий подчеркивал: «Принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма» [3].

# Часть I
# Политические течения в российской эмиграции на рубеже 1930 — 40-х годов.

## Глава 1. Русский Обще-Воинский Союз.

В науке до сих пор нет единой точки зрения о численности российской эмиграции 1917-20-х годов, противоречивы и данные источников по этой проблеме. По сведениям Лиги Наций, всего Россию после большевистского переворота и Гражданской войны покинуло 1 млн. 160 тыс. беженцев. Американский Красный Крест отмечал, что на 1 ноября 1920 численность российских эмигрантов составляла 1 млн. 966 тыс. 500 человек. В дальнейшем в исторической литературе закрепилась цифра в 2 миллиона.

Современный исследователь называет шесть этапов эмиграции, которая с 1919 года приняла массовый характер. Первый этап был связан с уходом германских войск с территории Украины в январе-марте 1919. Второй – с эвакуацией французских войск с юга России в марте 1919. Третий – с уходом из Северной области России англо-американских войск в феврале 1920. Четвертый – с эвакуацией Вооруженных Сил Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина из Новороссийска в феврале 1920. Пятый – с уходом Русской Армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920. Шестой – с поражением войск адмирала А. В. Колчака и эвакуацией японской армии из Приморья в 1920-21 годах [4].

Зарубежную Россию составили не только беженцы. Более восьми миллионов русского населения проживало на территориях, включенных в состав Польши, Румынии, Чехословакии, Латвии, Эстонии и Литвы. Современный исследователь, ссылаясь на переписи населения 1920-х годов, приводит данные о том, что в Польше русскими записались 5 млн. 250 тысяч человек, в Румынии 742 тысячи, в Чехословакии 550 тысяч, в Латвии 231 тысяча, в Эстонии 91 тысяча, в Литве 55 тысяч, в Финляндии 15 тысяч [5]. Они не покидали территорию бывшей Российской империи.

Российская эмиграция 1917-1920-х годов включала представителей многих классов, не исключая рабочих и крестьян. Российское зарубежье представляло собой «сколок» общества, но социальные группы были представлены не пропорционально. По этому эмиграция ассоциируется, прежде всего, с представителями Дома Романовых, дворянством, духовенством, интеллигенцией, крупными предпринимателями, сотрудниками государственного аппарата, политическими деятелями, не принадлежавшими к большевистской партии. Чем выше был социальный статус того, или иного слоя, тем полнее он был представлен в зарубежье. Исключение составляли военные, которых было около четверти от общего числа эмигрантов [6]. Этот факт определил лидирующее положение военных в «Зарубежной России».

Наиболее крупный контингент, ведший традицию от первого ядра добровольцев, прибыл из Крыма в Константинополь в ноябре 1920 года. Россию в те дни покинуло примерно 70 тысяч военных. С ними эвакуировалось около 80 тысяч гражданских лиц.

Вопрос о возобновлении вооруженной борьбы с большевизмом был поставлен Врангелем еще до прибытия в Константинополь. План предстоящих действий обсуждался на совещании военачальников Русской Армии на крейсере «Генерал Корнилов» в водах Босфора. Расчет делался на то, что при помощи союзников по Антанте – Франции и Великобритании, армия будет сохранена и до 1 мая 1921 года высадится десантом на Черноморском побережье России. Надежда на осуществление «весеннего похода» станет смыслом существования многих российских военных за рубежом.

Контингент Русской Армии, состоявшей из трех корпусов, был размещен на территории бывшей Османской империи, в районах,

контролируемых войсками союзников. 1-й Армейский корпус генерал-лейтенанта А. П. Кутепова – на Галлиполийском полуострове. Донской корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова и Кубанский корпус генерал-лейтенанта В. Г. Науменко – на острове Лемнос и на континенте – в Чаталджи, в 50 километрах от Константинополя. Военно-морская эскадра под командой контр-адмирала М. А. Беренса отправлена в Северную Африку на базу союзников в Бизерте. В организованных для временного пребывания армии и флота лагерях поддерживалась воинская дисциплина, проводились тактические учения и двусторонние маневры. Был произведен ремонт кораблей. Сохранялись дивизии, полки, батальоны, батареи, эскадроны и военные училища. Происходило производство из юнкеров в офицеры.

В силу многих обстоятельств, о которых будет сказано ниже, лагеря Галлиполи, Лемнос, Чаталджа и Бизерта не стали плацдармом для возобновления борьбы с большевиками. Основной контингент Русской Армии предстояло переместить в славянские страны Балканского полуострова. Разрешение разместить русские воинские структуры на территории Болгарии было дано начальником Штаба болгарской армии. Переезд белогвардейцев в Болгарию был осуществлен в конце 1921 года. Они рассчитывали использовать территорию славянской страны в качестве плацдарма для осуществления «белого реванша» в России. Болгарское монархически настроенное офицерство, в свою очередь, рассчитывало на поддержку белогвардейцев в своей борьбе против левого правительства А. Стамболийского и местных коммунистов.

9 июня 1923 года правительство Стамболийского было низложено [7]. Однако организовать новой поход против большевиков с территории Болгарии белогвардейцам не удалось. В 1924 году Франция, Англия, а также Италия, Греция, Норвегия, Швеция, Дания, Мексика и Китай установили дипломатические отношения с СССР. Рассчитывать на возобновление интервенции в обозримом будущем уже не приходилось. А без поддержки ведущих европейских держав возобновить Гражданскую войну в России белогвардейцы не могли. Командование Русской Армии сохраняло уверенность, что иностранные правительства со временем придут к мысли о необходимости возобновить борьбу с большевизмом. И тогда белогвардейцы предпримут новую попытку продолжить борьбу за освобождение России. Однако, начало «весеннего похода» откладывалось на необозримый срок.

В сложившихся условиях, Врангель считал своей главной задачей сохранить армию: «Армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни… Армия будет существовать в полураскрытом виде, но армия должна быть сохранена во что бы то ни стало» [8].

1 сентября 1924 года в Сремских Карловцах (Сербия) Врангель подписал приказ об образовании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) [9]. С этого момента можно говорить о превращении Русской Армии в эмигрантскую организацию. Врангель стремился объединить под своим началом всех российских военных за рубежом. Поэтому в РОВС был открыт доступ ветеранам армий А. В. Колчака, Н. Н. Юденича и других вождей Белого движения. За офицерскими обществами, союзами, воинскими частями и войсковыми группами, принятыми в РОВС, сохранялись их названия и порядок внутреннего управления. Общее управление делами РОВС сосредотачивалось в Штабе Врангеля.

Приказ о создании РОВС предписывал сформировать пять Отделов в конкретно названных европейских странах. I Отдел объединял белоэмигрантов, проживающих в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии. II Отдел – в Германии и Венгрии. III – в Польше, Данциге, Литве, Эстонии и Латвии. IV – в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (так до 1929 года называлась Югославия), а также в Греции. V Отдел – в Болгарии и Турции. В связи с массовыми перемещениями российских эмигрантов по Европе в 1920-30-е годы, распределение Отделов РОВС по странам менялось. К 1938 году существовало шесть европейских Отделов: I – «французский», II – «германский», III – «болгарский», IV – «югославский», V – «бельгийский» и VI – «чехословацкий».

В состав Отделов РОВС входили объединения бывших однополчан, участников тех или иных важных событий Первой мировой и Гражданской войн: Союз участников Первого Кубанского похода генерала Корнилова, Галлиполийское Землячество в Брно, Общество Галлиполийцев в Словакии и другие. Были объединения, созданные по родам войск: Общество русских офицеров-артиллеристов в Югославии, Морская группа в Праге, Морской кружок «Звено», Объединение кавалерии и конной артиллерии в Праге… Объединения по профессиональному признаку: Пшибрамскии союз русских горных инженеров, Союз русских врачей, Союз русских сестер милосердия.

Наконец, существовали военные объединения, создаваемые просто по месту проживания: Русский Воинский Союз в Праге, Русская Воинская Группа в Градеце Карлове и другие.

По данным Штаба РОВС в 1920-е годы в организации состояло 100 тысяч человек [10]. На протяжении 1920-30-х годов в состав РОВС включались группы участников Белого движения, проживавшие не только в Европе, но также в США, Южной Америке, Китае и других странах и регионах. Создавались новые Отделы.

Количество организаций в составе РОВС постоянно увеличивалось, но при этом общая численность организации снижалась – многие утрачивали контакт со структурами РОВС. В этом проявились две тенденции, характерные для российской военной эмиграции. Часть ветеранов Белого движения переставала надеяться на возобновление борьбы с большевиками, погружалась в частную жизнь. Но другие, не отказавшиеся от идеи «весеннего похода», демонстрировали стремление к консолидации. К 1937 году РОВС насчитывал 13 отделов и подотделов, и объединял в себе около 30 тысяч человек [11]. При сокращении численности, организация становилась более монолитной и целеустремленной.

В случае возобновления иностранной интервенции в СССР, РОВС уже не мог трансформироваться в армию, которая могла бы противостоять РККА. Но он мог стать костяком армии, рядовой состав которой предполагалось набрать из граждан СССР, настроенных враждебно по отношению к советской власти. Руководители РОВС делали ставку на то, что часть Красной Армии в ходе начавшейся войны может повернуть оружие против большевистского правительства. Принимался в расчет тот факт, что по своему социальному составу Красная Армия была преимущественно крестьянской, то есть враждебной по отношению к коллективизации.

Руководители РОВС заботились о том, чтобы белые офицеры поддерживали на должном уровне свои военные знания. В 1927 году в Париже начали работу Высшие военно-научные курсы, созданные для переподготовки офицеров и воспитания новых военных кадров. Курсами руководил генерал-лейтенант Н. Н. Головин, признанный военный теоретик, автор двух фундаментальных трудов: «Военные усилия России в Мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.» В основу организации курсов была положена система обучения, существовавшая в

Николаевской военной академии. В программу обучения, рассчитанную на 4,5 – 5 лет, входили: стратегия, тактика артиллерии, тактика воздушных войск, боевая химия, военная психология, война и международное право. На курсах преподавали известные военные специалисты П. Н. Шатилов, А. А. Зайцов и другие.

В белградском отделении Высших военно-научных курсов читал лекции генерал-майор Н. С. Батюшин – специалист по истории разведки времен Первой мировой войны. Курс его лекций был в 1939 году сведен в книгу «Тайная военная разведка и борьба с ней» [12].

Параллельно действовала Офицерская школа усовершенствования военных знаний, в которой чины РОВС знакомились с последними достижениями мировой военной науки. С 1932 года при Офицерской школе был организован отдел по изучению советской России [13].

Руководство РОВС заботилось о военно-политической подготовке нового поколения. Молодежные организации создавались практически во всех странах российского зарубежья. Наиболее массовыми были: Общество Русский сокол, Национальная организация русских разведчиков, Национальная организация витязей, Национальная организация скаутов. При РОВС действовали многочисленные военные курсы для подготовки и совершенствования знаний молодых офицеров, а также исторические кружки [14].

К началу Второй мировой войны численность русских «сокольских обществ» за рубежом составила 75 действующих организаций, в которые входило 5 700 человек. «Просветительские курсы» осуществляли идеологическую работу, в специальных лагерях проводилась военная подготовка.

Были разработаны теоретические и практические курсы: по организации вооруженных сил, тактике, топографии, стрелковому делу, разведке, связи, маскировке и другим дисциплинам [15].

Наиболее дееспособным был Краевой союз «соколов» в Югославии, который к 1938 году объединял 28 обществ [16]. В качестве примера можно привести работу стрелкового отдела общества в Земуне. Здесь было введено обучение стрельбе из пистолета и карабина при разном освещении, в темноте, при кратком освещении цели, стрельбе по горящей свече, движущейся мишени и т.д. К началу Второй мировой войны отдел

подготовил сотни квалифицированных стрелков, занимавших высокие места на «общесокольских слетах» [17].

В 1937 году в Болгарии из добровольцев Национальной организации русских разведчиков и Национальной организации витязей была сформирована «Рота молодой смены имени генерала Кутепова» при III Отделе РОВС. Рота состояла из трех взводов и носила форменную одежду – зеленые рубашки с высоким воротником и буквами «АК» на погонах – инициалами Александра Кутепова. Занятия проводились трижды в неделю и помимо обычной военной подготовки включали специальные тренировки для «будущих кутеповских боевиков». Добровольцы обучались пересекать минные поля и преодолевать проволочные заграждения; взрывать мосты и железнодорожные пути; вести уличные бои и организовывать вооруженные восстания [18].

Группа активистов РОВС проверила себя в деле в ходе гражданской войны в Испании 1936-39 годов [19]. Симпатии белоэмигрантов были на стороне генерала Франсиско Франко, противопоставившего себя правительству, попавшему в зависимость от прокоммунистического Народного фронта.

Русский отряд в количестве 72 человек воевал в составе Кастелиано-Арагонского легиона Национальной испанской армии Франко. Отряд возглавлял генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, прошедший переподготовку на Высших военно-научных курсах Головина. Генерал Франко провел несколько встреч с русскими добровольцами. Они участвовали в параде победы в Валенсии 3 мая 1939 года, получили воинские звания испанской армии, были удостоены военных наград.

Таким образом, группа белоэмигрантов в Испании выполнила представительскую функцию, показав Франко, что помимо военных советников, направленных в Испанию Сталиным, существуют «руссо бланко» – белые русские.

Таким образом, в 1920-30-е годы РОВС удалось консолидировать ветеранов Белого движения, поддерживать их военные знания на должном уровне, готовить новые кадры. Российская военная эмиграция в лице РОВС образовала единый штаб, объединявший большинство офицерских организаций и союзов. РОВС стал символом непримиримости в борьбе с советской властью.

Белая эмиграция стремилась донести до международной общественности суть происходящих в России событий. В 1926 году Российский зарубежный съезд, проходивший в Париже, выступил с «Обращением ко всему миру»: «Над Россией властвует ныне международная коммунистическая организация – III Интернационал. Она говорит и действует именем России, притязает на ее наследие и на ее права для того, чтобы тратить силы и средства, накопленные веками русской государственности, на дело мировой революции, т. е. на разрушение политического и социального уклада во всех странах, у всех народов. Организация III Интернационала, властвующая над Россией, не только не должна быть отождествляема с Россией и рассматриваема как русское правительство, но она есть, наоборот, злейший враг нашей родины»[20].

При этом иностранным правительствам было сделано предупреждение: «Всякие соглашения, а тем более союзы с этой силой есть величайшая ошибка. Русский народ… стряхнет с себя ненавистное иго, и тогда все, кто строил свои расчеты на заявлениях советской власти, окажутся строившими свое здание на песке» [21].

Эмигранты рассчитывали подвести правительства зарубежных стран к таким решениям, которые могли бы способствовать осуществлению «белого реванша». Историк и общественный деятель С. С. Ольденбург подготовил доклад о сущности коммунистической власти: «По своей интернациональной природе, коммунистическая власть угрожает всем государствам и только временно сосредотачивает свои усилия то на тех, то на других, стремясь найти себе попутчиков в лице врагов той или иной страны… Мировая коммунистическая партия является международной опасностью, международным злом, в борьбе с которым, в первую очередь, конечно, заинтересована Россия, но борьба эта едва ли на много менее существенна для уцелевших государств» [22].

Съезд выступил с обращением ко всему миру, содержащим призыв оказать помощь России: «Формы этой помощи могут быть многообразны, как многообразна сама борьба России с ее врагом – Интернационалом… Не будет мира в мире, пока не займет в нем своего, по праву ей принадлежащего, места воскресшая и возрожденная Национальная Россия» [23].

В сущности, белая эмиграция стремилась обратить внимание международной общественности на те намерения большевиков, из которых сами большевики отнюдь не делали секрета. О том, что Коминтерн является мировой коммунистической партией, сказано в первом параграфе устава этой организации. Здесь же определена ее главная задача: «Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется… за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик…» [24] Подобная постановка вопроса, по сути, являлась объявлением войны всему миру.

РКП (б), согласно уставу Коминтерна, являлась одной из его секций, но играла главенствующую роль: «Число решающих голосов каждой секции на всемирном конгрессе определяется… согласно числу членов данной партии и политическому значению данной страны» [25]. Таким образом, Коминтерн являлся инструментом внешней политики РСФСР, а затем – СССР. В то время, как по линии Народного Комиссариата Иностранных Дел, большевистское руководство добивалось международного признания, по линии Коминтерна, оно стремилось дезорганизовать Западное общество, провоцировать в нем социальные конфликты, разжигать революции. Зарубежные компартии были послушными исполнителями воли руководства РКП (б): «Постановления Исполнительного конгресса Коммунистического Интернационала обязательны для всех секций Коммунистического Интернационала и должны ими немедленно проводиться в жизнь»[26].

В произведениях Ленина и других большевистских вождей можно найти немало высказываний о том, что любые договоры и соглашения с капиталистическими странами являются лишь тактическим маневром. Но стратегическая цель остается неизменной – полное уничтожение капиталистического окружения и победа коммунизма в мировом масштабе. Программа Коминтерна указывает, что должно произойти в ходе реализации этого плана и после его завершения: «Крупная *буржуазия и помещики*, преданные им части офицерского корпуса и высшая бюрократия являются последовательными врагами рабочего класса, с которыми необходима самая беспощадная борьба» [27]. Иными словами, предполагалось истребление ведущих слоев общества зарубежных стран, что уже полным ходом осуществлялось большевиками в России. «Для массового порождения

коммунистического сознания… необходимо *массовое изменение людей*, которое возможно только в практическом движении, в революции…» [28] В качестве плацдарма для осуществления этого плана большевики использовали территорию бывшего российского государства.

Стремление белой эмиграции указать международной общественности на опасность, которую несет в себе большевизм, давала определенные результаты. Наиболее ощутимый из них – создание в 1924 году Лиги по борьбе с III Интернационалом – международной организации, которую возглавил гражданин Швейцарии Теодор Обер. Одним из первых, кто поддержал ее организаторов, был П. Н. Врангель. Ближайшим помощником Обера стал руководитель Российского общества Красного Креста в Женеве Ю. И. Лодыженский. Штаб-центры «Лиги Обера», как называли эту организацию, имелись во многих странах мира. В состав штаб-центров входили представители белой эмиграции, чины РОВС работали доверенными корреспондентами. В Берлине таким корреспондентом был руководитель II Отдела РОВС генерал-майор А. А. фон Лампе. С 1924 по 1927 год были проведены четыре международные конференции Лиги: в Париже, Женеве, Лондоне и Гааге. В начале 1928 года было объявлено об учреждении постоянного секретариата русской секции Лиги. Секретариат имел своих представителей в семнадцати странах [29].

Большевики предвидели, что белогвардейцы не оставят попыток продолжить борьбу с ними после ухода за пределы России. В связи с этим большевики стремились не допустить отбытия в эмиграцию наиболее активных борцов с коммунистическим режимом. В частности, была предпринята попытка, путем агитации и пропаганды, воспрепятствовать отступлению Русской Армии из Крыма в 1920 году. Когда войска Южного фронта РККА прорвали укрепления белых, командующий фронтом М. В. Фрунзе обратился по радио к П. Н. Врангелю: «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться… В случае принятия вами означенного предложения Революционный военный совет армии Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное

прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой…»[30] Специальное обращение было адресовано офицерам, солдатам и матросам Русской Армии: «…Мы не стремимся к мести. Всякому, кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Если Врангель отвергнет наше предложение, вы обязаны положить оружие против его воли… Одновременно с этим нами издается приказ по советским войскам о рыцарском отношении к сдающимся противникам…» [31]. Пропаганда возымела определенное действие.

После занятия Крыма Красной Армией, известный деятель Коминтерна Бэла Кун опубликовал заявление принципиально иного содержания: «Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России…» [32]

В городах начались облавы. В первую ночь пребывания большевиков в Симферополе было расстреляно 1 800 человек, в Керчи – 1 300, в Феодосии – 420. Затем террор был «упорядочен» – начало производиться анкетирование населения. Большевиков интересовало не только отношение к Врангелю, но и социальное происхождение, имущественное положение анкетируемых, а также их родственников.

Жертвами террора становились: офицеры, солдаты, военные чиновники, члены их семей; а также врачи, медицинские сестры, инженеры, земские деятели, священники, студенты, гимназисты. В Севастополе было расстреляно свыше пятисот портовых рабочих, помогавших эвакуации беженцев. 28 ноября в «Известиях временного севастопольского ревкома» был опубликован первый список расстрелянных – 1 634 человека, в том числе 278 женщин. 30 ноября – второй список – 1 202 человека, в том числе 88 женщин. В Симферополе зафиксированы случаи расстрелов женщин с грудными детьми, в Ялте и Севастополе – расстрелов раненых и больных, вынесенных из лазарета на носилках. В качестве способа убийства применялись также массовые затопления в трюмах барж. Общее количество жертв красного террора в Крыму оценивается в пределах от 50 до 150 тысяч человек [33].

Борьба против РОВС была важным направлением деятельности Иностранного отдел ОГПУ и Разведывательного управление Главного штаба РККА. Советские спецслужбы стремились внедрить в ряды РОВС свою

агентуру, провоцировали конфликты между эмигрантскими организациями и правительствами стран-рецепиентов, организовывали похищения людей.

26 января 1930 года в Париже советской агентурой был похищен генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов, возглавлявший РОВС после Врангеля, умершего в 1928 году. СССР отрицал причастность своих спецслужб к похищению генерала, объявив его «пропавшим без вести». В настоящее время существует три версии относительно обстоятельств гибели Кутепова. По одной версии, он был в бессознательном состоянии доставлен на советское судно, где умер от сердечного приступа. По другой версии, в момент похищения генерал оказал сопротивление и был заколот ножом. По третьей версии – умер от сердечного приступа, оказывая сопротивление похитителям, после чего тело было захоронено в Пригороде Парижа во дворе дома одного из агентов советской разведки [34].

На пост председателя РОВС вступил генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, командовавший в 1919-20 годах войсками Северной области. В 1922-23 годах он был начальником Штаба Врангеля.

22 сентября 1937 года в Париже он был похищен агентами НКВД и тайно вывезен в СССР. После отказа выступить с открытым письмом, призывающим эмиграцию отказаться от борьбы с большевиками, Миллер был расстрелян 11 мая 1939 года[35].

До марта 1938 года во главе РОВС находился генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов. Он добровольно сложил с себя обязанности председателя в связи с попытками советских спецслужб дискредитировать его.

Абрамова сменил генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский, который будет возглавлять РОВС на протяжении Второй мировой войны и после нее.

Архангельский был выпускником Александровского военного училища и Николаевской академии Генерального штаба. Как профессиональный генштабист, он с 1898 по 1918 год занимал ряд ответственных должностей. После прихода большевиков к власти продолжал руководить Управлением по командному составу. Этот пост он использовал для того, чтобы предупреждать генералов и офицеров о готовящихся арестах ЧК и тайно переправлять группы офицеров в Добровольческую армию.

В феврале 1919 года, используя подложные документы, Архангельский сам прибыл в распоряжение Деникина и настоял на том, чтобы предстать перед военно-полевым судом. Суд не только оправдал генерала, но и высоко оценил его заслуги перед Белым движением.

В 1919-20 годах Архангельский служил в Военном управлении Вооруженных Сил Юга России, в 1920-26 возглавлял Отделение личного состава Штаба Врангеля. С 1927 состоял председателем Общества офицеров Генерального штаба в Бельгии.

При Архангельском РОВС впервые получил возможность проверить реальность своего плана привлечения военнослужащих Красной Армии на свою сторону. Эта возможность возникла в связи с войной начатой Советским Союзом против Финляндии 30 ноября 1939 года. В. В. Орехов, главный редактор журнала «Часовой», писал: «Наш долг – долг русской эмиграции – принять посильное участие в борьбе с большевизмом, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не надо преувеличивать свои силы: никаких армий и никаких корпусов мы выставить не можем, единственно, что можно сделать – это создать значительный русский отряд под нашим флагом, который привлечет к себе русских людей, ненавидящих советскую власть… И если Финляндия захочет нашей помощи, мы должны будем вложиться в эту борьбу, памятуя, что каждая пуля против красной армии нам выгодна, каждый удар по большевикам идет на пользу России и каждая неудача Сталина – радость русского народа…» [36].

Белым эмигрантам, отправившимся в Финляндию, удалось сформировать из советских военнопленных отряд численностью до двухсот человек. Отряд принял участие в боевых действиях и даже пленил 30 красноармейцев [37]. Скоротечность войны, закончившейся 12 марта 1940 года, не позволила развить данное начинание. Однако, накопленный в Испании и Финляндии опыт белая эмиграция будет использовать в ходе предстоящей войны Германии против СССР.

Эмиграция проявляла особый интерес к морально-политическому состоянию военнослужащих Красной Армии. Советско-финская война дала ценный опыт в этом отношении. В 1944 году в Нью-Йорке В. М. Зензинов опубликовал книгу «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939-1940». Весь материал, положенный в основу книги, был собран на полях сражений в Финляндии. Это преимущественно

письма, найденные на трупах советских солдат. «В известном смысле, – пишет Зензинов, – публикуемый материал по-настоящему может быть понят только теперь, после войны России с Германией. Для внимательных исследователей этот материал будет неоценимым и незаменимым источником для знакомства с людьми, жившими в сороковых годах двадцатого столетия в России, и для их понимания» [38].

«Всего больше в письмах можно найти материала о повседневной жизни в деревне, со всеми ее мелочами и заботами. Письма полны подробностей о жизни в колхозе, полны жалоб на тяжелую жизнь, на высокие налоги, на отсутствие товаров, дороговизну, на отсутствие одежды и обуви и невозможность достать новую, на затруднения в деле получения пособия, на тяжелые заработки. О многом говорит уже один тот факт, что повседневным заботам о существовании уделено в этих письмах со всех концов и из всех углов Советского Союза столько места и столько внимания» [39].

Первый опыт создания общей политической платформы белой эмиграции относится ко времени созыва Российского зарубежного съезда. Генералы Белого движения направили приветствие съезду, но П. Н. Врангель на нем не присутствовал, подчеркнув тем самым внепартийность РОВС, как военной организации, его независимость от возможных политических дискуссий.

В итоговом документе съезд провозгласил отказ от реституции собственности после падения большевизма. Сделал заявление о том, что восстановление российского государства не может означать посягательства на суверенитет других государств, возникших на территории бывшей Российской Империи. Провозгласил принцип обеспечения всем народностям России свободного развития их бытовых, культурных и религиозных особенностей.

Вместе с тем, съезд, на котором присутствовали как монархисты, так и республиканцы, не счел возможным предрешить будущий государственный строй России [40]. Такой подход соответствовал тактике Врангеля.

Военные эмигранты не занимались разработкой политических программ, считая своей главной задачей сохранение имеющихся и воспитание новые кадров армии. В приказе № 82 за 1923 год Врангель

запретил военнослужащим вступать в политические организации, чтобы не допустить размежевания монархистов и республиканцев.

Активная работа по составлению программ началась со второй половины тридцатых годов – стали образовываться уже не просто военные, а военно-политические организации. В 1935 году – полковник Н. Д. Скалон формирует Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД), в 1936 генерал-майор А. В. Туркул создал и возглавил Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ). Туркул добился наибольших успехов. К 1939 году отделы РНСУВ существовали во Франции, Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Аргентине и Уругвае. Своей главной задачей Союз считал «политическую подготовку к деятельности в России».

На страницах печатного органа РНСУВ – журнала «Военный журналист», позже получившего название «Всегда за Россию», постоянно публиковались материалы программного характера. «Непредрешенчество, – писал «Военный журналист», – страшное зло, главным образом потому, что оно избавляет его сторонников от обязанности продумать, разработать и сформулировать основные вопросы будущего государственного устройства России» [41].

Союз избрал себе лозунг: «Бог, Отечество и Социальная справедливость». Идеологи РНСУВ признавали, что события 1917 года были именно революцией, а не просто бунтом, то есть, были вызваны объективными причинами. Из этого делался вывод, что к прошлому возврата нет, реставрация старого режима невозможна, и следует вести борьбу за новую Россию. Члены Союза полагали, что либерализм и демократия с их парламентаризмом тоже «отжили свои век»: «Сейчас на смену им пришли новые веяния, новые течения… Мы должны взять, и мы возьмем от нового все, что в нем хорошо и полезно, но переделаем это на русский лад…» При этом утверждалось, что «единственным строем, подходящим для России, была и будет монархия» [42].

Статьи в «Военном журналисте» писались по материалам монархического семинара Югославского отдела РНСУВ. В них вырисовывается следующая картина будущего государственного устройства России: «Это должна быть социально ориентированная модель монархии, стоящая на принципах надклассовости, надсословности, самодержавия, гражданских прав и законности» [43]. «При отсутствии классов, сословий и

привилегий, в будущей России не будет низких и высоких профессий, не будет также отношения свысока одних людей к другим, не будет и вопиющей разницы в окладах» [44].

Туркуловцы считали, что программа переустройства России должна быть написана именно эмигрантами: «Опыт финской войны показал, что подсоветские люди политически незрелы, поэтому было бы не только ошибочно, но и преступно предоставлять этим людям решать судьбы будущей Российской империи» [45].

РНСУВ выработал план действий во время предстоящей войны: русская национальная эмиграция должна объединить программы идеологически близких политических группировок и партий. Затем, не рассчитывая на внутренний переворот в СССР, предполагалось создать «освободительное движение на началах военно-политической акции», направленной из-за рубежа. Только потом, слившись с «национальными русскими силами на русской земле», планировалось начать боевые действия против Сталина. Еще до начала войны предполагалось создать авторитетный центр в эмиграции, который сумел бы доказать противостоящим Советскому Союзу странам выгодность для них включения элемента гражданской войны в их войну против СССР. Планировалось в срочном порядке выбрать кандидатуру будущего российского главнокомандующего и поставить его во главе эмигрантского национального центра. Этот главнокомандующий должен был положить начало превращению РККА в Русскую Императорскую Армию. «Если мы не создадим соответствующего центра, возглавляемого будущим главнокомандующим,… мы опять опоздаем, как опоздали в Финляндии» [46]. Допускалось, что в ходе войны какой-либо доселе неизвестный красноармейский военачальник («комкор Сидорчук») попытается повернуть оружие против Сталина. Такое развитие событий туркуловцы приветствовали.

В 1938 начались существенные изменения политической карты Европы. 12 марта в состав Третьего Рейха была включена Австрия. 1 октября – Судетская область, входившая ранее в состав Чехословакии. 15 марта 1939 года Гитлер оккупировал Чехию и Моравию, создав на этих территориях протекторат. На территории Словакии было создано формально независимое

государство, которое, в действительности, находилось под контролем Германии.

Эти изменения отразились на структуре РОВС. В 1938 году в самостоятельную организацию был выделен II («германский») Отдел, возглавляемый генерал-майором А. А. фон Лампе. Новая организация стала называться Объединением Русских Воинских Союзов (ОРВС). В мае 1939 из РОВС был выделен VI («чехословацкий») Отдел, возглавляемый капитаном первого ранга Подгорным. Так возник Союз Русских Воинских Организаций (СРВО), который немедленно вошел в ОРВС в качестве его Юго-восточного Отдела [47].

Новые реорганизации последовали после раздела Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 года, оккупации немцами части Франции в июне 1940 и Югославии в апреле 1941 года, оккупации Советским Союзом Литвы, Латвии, Эстонии, отторжения от Румынии Бесарабии и Северной Буковины летом 1940 года.

Генерал-лейтенант П. Н. Краснов писал, что поскольку возглавляемый генерал-лейтенантом В. К. Витковским I («французский») Отдел РОВС и возглавляемый адмиралом М. А. Кедровым Военно-Морской Союз, а также другие эмигрантские организации «в течение многих лет ориентировались на страны Антанты, то они не могли в новых условиях рассчитывать на сочувственное отношение со стороны германских властей. Естественно было образование какой-то новой группы, стоящей на платформе совместно с Германией, ей содружественной и сплетающей интересы будущей национальной России с интересами Германии»[48].

Группа стала называться Объединением Русских Воинских Организаций (ОРВО) во Франции. 25 декабря 1941 года генерал-лейтенант Н. Н. Головин принял начальствование над этим Объединением и приказом № 1 огласил его состав: соответствующая часть РОВС, Союз русских военных инвалидов во Франции, Гвардейское объединение, Общество по изучению Мировой войны, Союз офицеров Кавказской армии, Союз Георгиевских кавалеров, Союз кадетских корпусов, Российское Национальное и Социальное Движение, Русский Национальный Союз Участников Войны и Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища [49]. Генерал-лейтенант М. А. Свечин возглавил организации РОВС на юге Франции, оставшейся вне германской оккупации.

В сложившихся условиях роль генерал-майора фон Лампе существенно возросла, поскольку на подвластной Германии территории оказались четыре из шести европейских отделов РОВС, и фон Лампе из Берлина было гораздо проще устанавливать контакт с ними, чем находящемуся в Брюсселе руководителю РОВС А. П. Архангельскому. Последний в связи с этим обратился к фон Лампе с письменной просьбой временно взять в свое ведение V («бельгийский») и IV («югославский») Отделы в дополнение к бывшим II («германскому») и VI («чехословацкому») Отделам [50].

Несмотря на то, что германские власти отказались санкционировать это переподчинение, Объединение, возглавляемое фон Лампе стало до конца войны центром белоэмигрантских военных организаций на территории Германии и оккупированных ею стран. 9 декабря 1941 года фон Лампе подписал приказ № 50, в котором были перечислены организации, отныне находившиеся в его подчинении [51].

Алексей Александрович фон Лампе был выпускником кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и Николаевской военной академии. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. К моменту захвата власти большевиками исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Летом и осенью 1918 года вместе с полковником Б. А. Штейфоном возглавлял подпольный Добровольческий центр в Харькове. В то время город находился под германской оккупацией, а затем попал под контроль гетмана С. Петлюры. Организация, в которой работал фон Лампе, переправляла русских офицеров в Добровольческую армию. Сам фон Лампе прибыл в распоряжение Деникина в конце 1918 года, занимал должность начальника оперативного отдела в штабе Врангеля. После отступления из Крыма, выступал в качестве представителя Русской Армии в Дании, Венгрии, с 1923 года – в Германии. После ликвидации этих должностей возглавил II Отдел РОВС [52].

Фон Лампе был личным другом Врангеля, после кончины главнокомандующего взял на себя заботу о его семье, подготовил к публикации воспоминания барона. Фон Лампе можно назвать летописцем белой эмиграции. На протяжении многих лет он вел подробный дневник, где фиксировались все сколько-нибудь важные события из жизни российской диаспоры в разных странах. Свой личный архив, насчитывавший 27 тысяч листов, фон Лампе в 1943 году передаст в Русский заграничный

исторический архив в Праге – крупнейший центр хранения документов эмиграции [*].

В связи со сложившейся в Европе военно-политической ситуацией, фон Лампе предстояло стать до окончания войны одной из ключевых фигур белой эмиграции.

Известие о начале войны между Германией и СССР полномочные представители российской военной эмиграции встретили восторженно. Они связывали с этим свою давнюю надежду на «освобождения России от власти Третьего Интернационала и восстановления национальной власти» [53].

6 июля 1941 года в Праге белоэмигрантские активисты провели собрание, посвященное «военной борьбе Германии с иудо-большевизмом и начавшемуся освобождению русского народа от красного ига» [54]. С соответствующими речами выступили: К. Н. Малюшицкий от Юго-восточного отдела ОРВС, В. Ф. Веригин от Русского Национального и Социального Движения, К. А. Калякин от Национальной Организации Русской Молодежи, И. Л. Новосильцев от Объединения Профессиональных Союзов, И. Т. Камышанский от Союза Русских Врачей, Н. С. Запорожцев от Профсоюза Русских Инженеров и Техников, генерал-лейтенант Е. И. Балабин от Общеказачьего Объединения, профессор Д. Н. Иванцов от Объединения Культурно-Благотворительных Организаций и генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг от Союза Русских Военных Инвалидов.

Тезис о том, что Гитлер воюет с врагами России во имя ее освобождения, присутствует в персональных обращениях к эмигрантской общественности генерал-майора В. В. Бискупского [55], председателя Галлиполийского Союза в Праге генерал-майора М. М. Зинкевича [56], начальника I Отдела РОВС генерал-лейтенанта В. К. Витковского [57], руководителя Юго-восточного отдела ОРВС капитана первого ранга Подгорного [58] и других. Подгорный назвал военные действия германской армии продолжением белой борьбы с коммунизмом.

РНСУВ был более сдержан в оценках происходящих событий. Свое понимание проблем войны, Союз сформулировал еще в 1940 году:

---

[*] Русский заграничный исторический архив (“Пражский архив”) был в 1945 году передан Советскому Союзу. Находится в составе Государственного архива Российской Федерации. Фонды “Пражского архива” являются ценнейшим источником по истории белой эмиграции.

«Настоящих союзников у русского белого дела нет и теперь, но теперь наши надежды на возобновление борьбы на родной земле имеют серьезные основания» [59]. Туркуловцы считали, что сотрудничать с интервентами следует в любом случае, но неизбежно наступит момент расхождения путей.

Прогерманская позиция, занятая представительной частью российских военных за рубежом, была до известной степени закономерна. На протяжении двух десятилетий они жили мечтой о «весеннем походе». Как уже отмечалось, это словосочетание означало ситуацию, когда какая-либо европейская держава, или группа держав, возобновит интервенцию против СССР. Тогда белогвардейцы смогут возобновить и гражданскую войну с большевиками. Подготовка к «весеннему походу» была основным содержанием жизни военных эмигрантов, она вносила смысл в их существование.

Тот факт, что зачинательницей «весеннего похода» стала Германия Адольфа Гитлера, смутил не всех. Среди тысяч приказов, постановлений, распоряжений, циркуляров, отчетов, рапортов и частных писем из собрания Русского заграничного исторического архива в Праге, трудно обнаружить документы, содержащие оборонческие настроения. Идея защиты СССР от внешней агрессии, невзирая на существующий в нем строй, очевидно, представлялась многим белоэмигрантам настолько абсурдной, что они даже не находили нужным полемизировать с ней.

К 1941 году белая эмиграция сохранила свое видение сущности советской политической системы. Большевистский период по-прежнему не рассматривался как логическое продолжение российской истории. С середины 1930-х годов советская идеология претерпевала определенную трансформацию. Произошла «реабилитация» Александра Невского, мощи которого в свое время были выброшены из Лавры, Петр I стал преподноситься как прогрессивный исторический деятель. Сталин уже полностью состоялся как диктатор, и ему, по всей видимости, хотелось иметь соответствующую политическую родословную. Само понятие «патриотизм» было реабилитировано как побудительный мотив в действиях человека, что было необходимо Сталину в условиях предстоящей войны. Эмиграция внимательно следила за всем, что происходит в СССР. Патриотический антураж заставил многих поверить, что большевизм превращается в русскую национальную власть. Однако, видные деятели РОВС оставались верны

своим представлениям о большевизме. Попытки Сталина и его приближенных апеллировать к русскому прошлому воспринимались как идеологическое мародерство.

Белоэмигранты не воспринимали Гитлера как врага России, так как на момент его прихода к власти, России, как государства, в их понимании, не существовало. Они не воспринимали предупреждений об угрозе немецкой оккупации страны, которая и так уже находилась под оккупацией Интернационала.

Белоэмигранты не считали, что большевистский режим обрел легитимность за два с небольшим десятилетия пребывания у власти. Государственные структуры СССР не стали и никогда не смогут стать русским национальным правительством. В связи с этим, любые военные действия против СССР воспринимались белой эмиграцией как миссия освобождения, или, в крайнем случае, как замена одного оккупационного режима другим: «Власть антинациональной секты по существу губительнее и отвратнее господства другой нации. Под татарским игом русская самобытность менее искажалась, нежели под игом коммунистическим. Оно внешне менее заметно, так как коммунист говорит на том же языке… и, потому, сопротивление коммунистическому разложению требует большей сознательности, нежели противодействие иноземному засилью» [60].

Более того, именно Германия, и даже непосредственно Гитлер, зачастую вызывали симпатии у белой эмиграции. Важной причиной появления прогерманской ориентации у белоэмигрантов стало их разочарование в бывших союзниках по Антанте. Многие русские офицеры были убеждены, что главная причина, по которой Россия в 1914 году вступила в Великую, как ее называли, войну, это стремление оказать помощь союзной Франции. Помощь была оказана должным образом – русские армии П. К. Ренненкампфа и А. В. Самсонова, наступавшие в Восточной Пруссии, отвлекли на себя часть германских войск. В результате французам удалось победить в битве на Марне и не допустить сдачи Парижа. Таким образом, Франция оказывалась в долгу перед русскими, тем более, что участие в войне закончилось для России революцией.

В ходе Гражданской войны в России державы Антанты занимали двойственную позицию по отношению к Белому движению. Первоначально ему оказывалась материальная и моральная поддержка. Войска интервентов

сохраняли союзнические отношения с Белыми армиями и правительствами. Но после того, как военный успех начал сопутствовать красным, отношение начало меняться. Официальные представители Великобритании и Франции стремились убедить белогвардейцев сложить оружие. При этом они обещали начать переговоры с Лениным об амнистии участникам борьбы с большевизмом [*]. Страны Антанты были заинтересованы в скорейшем прекращении Гражданской войны, чтобы начать торговать с советской Россией. Такая постановка вопроса воспринималась российским офицерством как предательство. И все же, надежда на то, что союзники по мировой войне 1914-1918 годов, будут верны своему долгу, еще сохранялась.

«Я ушел из Крыма, – писал генерал Врангель, – с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаянием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы» [61]. Правительство Франции смотрело на сложившуюся ситуацию иначе.

Константинополь, куда в ноябре 1920 года прибыл основной контингент Русской Армии Врангеля, был оккупирован войсками Антанты. Они отнеслись к русским как к нежеланной обузе и потребовали роспуска армии. Это было абсолютно недопустимо для русского командования, поскольку уход из Крыма рассматривался как временное отступление. Франция сочла себя свободной от союзнических обязательств и согласилась лишь обеспечить снабжение русских войск на кратковременный период их рассредоточения. Великобритания вообще отказалась оказывать помощь, настаивая на немедленной репатриации белогвардейцев обратно в Россию. Русские беженцы были бесправны, никто не был гарантирован от произвола

---

[*] 2 апреля 1920 г. Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего правительства предложение сделать ген. Деникину следующее заявление: «Верховный Совет держится того взгляда, что продолжение гражданской войны в России вызывает наибольшую тревогу при современном положении Европы. Правительство Великобритании желает представить на усмотрение генерала Деникина, насколько для него было бы полезно в настоящем положении, чтобы было сделано предложение Советскому Правительству о даровании амнистии, как вообще для населения Крыма, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее важно для России, Великобританское правительство, получив согласие генерала Деникина, взяло бы на себя ведение переговоров и готово оказать генералу Деникину и его ближайшим сотрудникам гостеприимный приют в Великобритании.

Британское правительство, оказавшее в прошлом в широких размерах помощь, благодаря которой только и возможно было продолжение борьбы до сего времени, по справедливости рассчитывает – что предложение его будет принято. Если бы, тем не менее, генерал Деникин его отклонил, и решил бы продолжать явно безнадежную борьбу, то Британское Правительство сложило бы с себя всякую ответственность и прекратило бы раз навсегда оказывать ему какую бы то ни было поддержку». (Цит. по: В.Х. Даватц, Н.Н. Львов Русская армия на чужбине. – Нью-Йорк: Possev-USA, 1985. – с. 5).

любого агента власти каждой из держав Антанты. В порядке компенсации за снабжение Русской Армии продовольствием, французы реквизировали имущество, эвакуированное ею из Крыма: 45 тысяч винтовок, 350 пулеметов, несколько сот тысяч гранат и снарядов, 12 миллионов патронов, 300 тысяч пудов зерна, 20 тысяч пудов сахара, 50 тысяч пудов другого продовольствия, 200 тысяч комплектов обмундирования, три парохода с углем, запас материалов для шитья теплой одежды и многое другое. Были конфискованы все русские военные и торговые суда, остатки денег врангелевского правительства в парижском банке, личные счета лиц из окружения Врангеля [62].

Французы сокращением пайков и угрозами стремились заставить российских военных возвращаться в Россию, ехать в Бразилию рабочими на плантациях, вступать в ряды Французского Иностранного легиона, переходить на положение беженцев и рассредоточиться по Европе. На одной из встреч с представителями недавних союзников Врангель заявил: «Если французское правительство настаивает на том, чтобы уничтожить русскую армию, наилучшим выходом было бы высадить ее с оружием в руках на берегу Черного моря, чтобы она могла, по крайней мере, достойно погибнуть…» [63] Врангель был изолирован французами на яхте «Лукулл». Она была протаранена итальянской подводной лодкой и затонула. В момент столкновения на яхте никого не было, и главнокомандующий не пострадал. По официальной версии, столкновение произошло случайно, однако инцидент произвел крайне неблагоприятное впечатление на российскую общественность.

Державы Антанты, и, прежде всего, Франция, стремились превратить отступившую, но сохранившую боевой настрой и организованность Русскую Армию, в сообщество политических эмигрантов. Именно по этому Врангель перевел свои войска в славянские земли, где можно было рассчитывать на добросердечный прием. К 1922 году большая часть русских войск была принята Югославией и Болгарией.

Жизнь среднестатистического эмигранта в Европе между двумя мировыми войнами была сложной. Офицеры и генералы, принадлежали к социальной элите дореволюционной России. В эмиграции они вынуждены были работать в качестве обслуживающего персонала, или заниматься тяжелым и мало оплачиваемым физическим трудом, например в угольных

шахтах. Это вело к психологическому надлому и мировоззренческому кризису. С правовой точки зрения выходцы из России имели слабую защиту, и рассматривались как люди «второго сорта». Конвенции, вынесенных под эгидой Лиги Наций, взявшей эмигрантов под свое покровительство, качественно не меняли ситуацию. Российские эмигранты не имели права перемены места жительства без особого разрешения. Эмигранты подлежали процентной норме в вопросе о труде, не имели всех прав по законам о социальной помощи и так далее. Следует отметить, что Германия, по сравнению с другими странами, чинила беженцам наименьшие бюрократические препятствия.

В то же время, эмигранты платили все налоги, к которым прибавлялся дополнительный налог за свидетельство о личности. С 1936 года во Франции к эмигрантам стали применять понятие «апатридов», и как таковых обязывать воинской повинностью, не дав при этом никакой правовой компенсации [64].

Положение эмигрантов осложнилось в правовом и психологическом отношении после того, как, начиная с 1924 года, европейские державы стали устанавливать дипломатические отношения с СССР. Еще большим ударом для эмигрантов было принятие СССР в Лигу Наций в 1934 году.

В социальном отношении ситуация ухудшилась в период мирового экономического кризиса («великой депрессии») 1929-1933 годов. Кризис был во многих отношениях уникален по своей глубине. Промышленное производство было отброшено к уровню начала века, число безработных в странах Запада приблизилось к 30 миллионам. Безработица, прежде всего, коснулась лиц, не имеющих гражданства. Все эти факты в совокупности подталкивали белоэмигрантов к выводу, что они являются свидетелями фиаско либерально-демократических основ построения общества. Все больший интерес у них вызывали авторитарные режимы Муссолини в Италии, Салазара в Португалии, Гитлера в Германии. Во время гражданской войны в Испании многие открыто сочувствовали Франко.

На Пиренеях и Аппенинах сформировалась небольшая по сравнению с Центральной и Юго-восточной Европой диаспора эмигрантов из России. По этому интерес к политическим событиям в этих регионах был скорее теоретическим. Но в Германии в 1919-21 годах находилось от 250 до 300 тысяч эмигрантов из России. К 1922-23 годам их число возросло до 600

тысяч, из которых 360 тысяч проживало в Берлине. Кроме того, Берлин превратился в один из главных культурных центров российской эмиграции. По причине инфляции марки там были выгодны типографские работы. К 1924 году из 130 русских эмигрантских издательств, 87 находились в Берлине. Годовая продукция русских книг в Германии превысила число немецких [65].

После поражения в Первой мировой войне, Германия оказалась в ужасающем положении. По Версальскому мирному договору, подписанному державами-победительницами 28 июня 1919 года, Германия потеряла 67,3 тысячи квадратных километров территории в Европе, что составляло 1/8 часть ее территории. Эльзас и Лотарингия переходили к Франции. Германия теряла все колонии. Ей было запрещено иметь авиацию, подводный флот и крупные бронированные корабли, производить самолеты и дирижабли, броневики и танки, химическое оружие. Она имела право только на 100-тысячную армию в составе семи пехотных и трех кавалерийских дивизий. Введение всеобщей воинской обязанности запрещалось. Германия не имела права размещать гарнизоны в Рейнской области. К 1921 году был установлен общий объем репараций в 132 миллиарда золотых марок, которые Германия должна была выплатить Антанте. Из этих денег 52% должна была получить Франция. Державы-победительницы руководствовались принципом: «Побежденный платит за все».

В психологическом отношении, положение немцев, и, прежде всего, ветеранов кайзеровской армии, оказалось сродни положению их недавних противников – ветеранов Русской Императорской Армии. И те, и другие чувствовали себя оскорбленными. И для тех, и для других было характерно стремление к реваншу.

Стабилизация германской экономики, совпавшая с приходом Гитлера к власти, дала возможность выходцам из России, проживающим в Германии, решить многие социальные проблемы. Эмигрантские общественные и политические организации помогали своим соотечественникам покинуть Францию, Бельгию и другие страны российского рассеяния, чтобы переселиться в Рейх. Здесь были реальные шансы найти работу и, соответственно, обрести социальный статус в обществе. «Совершенно естественно, – писал «Военный журналист», – что белый эмигрант, не принявший марксизма, с оружием в руках боровшийся с ним, узнав

подлинную демократию на собственной шкуре, стал «фашистом» [66]. Помимо симпатий к Гитлеру, имевших социально-экономическую первопричину, были и идейные соображения: безусловный антикоммунизм германского диктатора, взятый им курс на построение имперской государственности, культивирование национального вопроса в Третьем Рейхе.

В названии партии Гитлера присутствуют слова «социалистическая» и «рабочая», что, по идее должно, было оттолкнуть белогвардейцев. Но, во-первых, белоэмигрантам, сохранившим к концу 1930-х годов решимость вести борьбу с большевизмом, выбирать союзников и покровителей, было все равно не из кого.

Во-вторых, эмигранты из правого лагеря, в силу своего тяжелого материального положения, проявляли все больший интерес к вопросам социальной политики. Пример тому – возникновение Российского Национального и Социального Движения. Тезис о том, что труд будет являться почетным правом и обязанностью всех граждан освобожденной от большевиков России, присутствует в программах многих партий российского зарубежья. Весьма показательно в данной связи название одной из организаций – Национально-Трудовой Союз. Слова «социалистическая» и «рабочая» в названии НСДАП, при желании можно было трактовать как «социальная» и «трудовая».

В-третьих, среди российской военной эмиграции наметилась достаточно устойчивая тенденция обходить вниманием неприятные моменты. Так, например, эмигранты из правого лагеря игнорировали высказывания вождей Рейха, о славянах вообще и о русских, в частности, как о представителях «низшей расы». Справедливости ради следует отметить, что в Германии было запрещено переводить на русский язык «Майн кампф» Гитлера, «Мифы двадцатого века» Розенберга и речи партийных вождей, содержавшие нападки на русских. Однако, российское офицерство могло ознакомиться с текстами и на языке оригинала, но такого стремления в массе своей не проявляло. Такое стремление было более характерно для эмигрантской молодежи. Вместе с тем, вожди национал-социализма порою заявляли, что политика Германии не идет в разрез с интересами национальной России. В 1936 году Гитлер провел прямое различие между Россией и большевизмом [67].

Определенную психологическую проблему представлял тот факт, что Германия была главным противником России в Первой мировой войне,

участие в которой и привело Россию к революции. В кругах российского офицерства Ленина считали немецким шпионом или, по крайней мере, агентом влияния. Членов большевистской партии именовали «петроградскими немцами». Большое значение придавалось информации о широкой финансовой поддержке, которую оказало Ленину правительство кайзера. В ходе Гражданской войны, едва ли не главной претензией белогвардейцев к большевикам был подписанный ими сепаратный мир с Германией. Это воспринималось как большее преступление перед Россией, чем, например, разгон Учредительного собрания и ликвидация оппозиционной печати.

Кроме того, со времен Александра III, переориентировавшего внешнюю политику России на союз с Францией, Германия стала восприниматься российским офицерством как потенциальный противник. Такие настроения в армии поддерживались и культивировались.

С другой стороны, с давних пор выходцы из Германии играли заметную роль в формировании и укреплении русской армии. Многие немецкие офицеры на российской службе снискали себе почет и уважение. Только род Эссенов дал России 24 георгиевских кавалера. Российским военачальникам мог импонировать тот особый уклад, который господствовал в вооруженных силах Германской империи, основанный на прусских традициях.

Германофильство некоторых российских военных шло достаточно далеко. Не все считали, что выбор союзников в Первой мировой войне был сделан правильно. Разумеется, подобные соображения не могли высказываться в слух в ходе самой войны. Но в период противостояния белых и красных, позиции офицеров бывшей Императорской Армии обозначились достаточно четко. Часть руководителей Белого движения, прежде всего А. И. Деникин, продолжали ориентироваться на Антанту, другие, например П. Н. Краснов, склонялись к союзу с Германией. Полковник М. Г. Дроздовский во время своего похода из Ясс в Новочеркасск весной 1918 года создал прецедент соглашения с внешним противником – немцами, чтобы получить возможность вести борьбу против внутреннего врага – большевиков. Есть основания говорить о том, что этой тенденции была суждена достаточно долгая политическая жизнь.

У представительной части российской военной эмиграции были психологические возможности примириться с Германией. Тем более, что

участие в Первой мировой войне привело к революции и Германию. Бывший непосредственный противник вызывал больше симпатий, чем изменившие союзники. В любом случае, белогвардейцам предстояло иметь дело не с кайзеровским правительством. Подчеркнуто прохладное отношение Гитлера к особе экс-императора Вильгельма II было хорошо известно.

Если в 1933 году председатель РОВС Е. К. Миллер еще сомневался в целесообразности установления контактов с германскими нацистами: «Стоит ли разговаривать с человеком, не только удельный вес которого не может быть определен, но и моральный облик которого для Вас не ясен» [68], то во второй половине 1930-х годов он пришел к идее сотрудничества с гитлеровской Германией [69].

Прогерманская позиция П. Н. Краснова – вопрос особого рода, связанный с судьбами казачества, начиная с 1917 года. Этой теме посвящена отдельная глава.

В 1933 году РОВС заявил, что он «с радостью пойдет на сотрудничество с государством, которое заинтересовано в свержении советской власти и образовании в России общенационального правительства» [70]. Драматизм ситуации заключался в том, что гитлеровская Германия, будучи заинтересованной в свержении советской власти, вовсе не ставила перед собой цель создания в России общенационального правительства.

Нет оснований утверждать, что в рядах РОВС наблюдалось полное единодушие относительно сотрудничества с Германией. Однако, официальных заявлений о поддержке СССР, которые исходили бы от полномочных представителей Отделов РОВС в разных странах, обнаружить не удается.

Особую позицию, отличную от позиции руководства РОВС, занял в связи с надвигающейся советско-германской войной, бывший главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин.

В эмиграции он был занят преимущественно написанием книг. Главной среди них был фундаментальный пятитомный труд о революции и Гражданской войне – «Очерки русской смуты», в котором автор выступает как мемуарист, историк-исследователь и публикатор документов.

Деникин стремился отмежеваться от политически активных эмигрантов, предпочитая общение с И. А. Буниным, А. И. Куприным и К. Д. Бальмонтом. «Очерки русской смуты» и другие произведения генерала получили высокую оценку русской литературной общественности за рубежом.

По оценке современного исследователя, Деникин отвергал «любые попытки втянуть его не только в политическую борьбу внутри эмиграции, но и в возобновление вооруженной борьбы против Советской России» [71].

Отношения между Деникиным и руководством РОВС складывались не просто. Сказывались последствия конфликта между Деникиным и Врангелем периода 1919-20 годов. Конфликт окончательно завершился лишь со смертью Врангеля в 1928 году. Деникин отдал дань уважения его памяти, приняв участие в панихиде. Однако, бывший главком выступил и против политики нового председателя РОВС А. П. Кутепова, направленной на проведение террористических актов против представителей большевистского истеблишмента. Деникин считал подобную практику «бессмысленной, вредной и приводящей к прислужничеству белых лидеров иностранным правительствам» [72].

Е. К. Миллер, возглавивший РОВС после похищения Кутепова, повел политику «решительного отгораживания» от Деникина. Окончательный разрыв произошел после того, как руководители РОВС пошли на организационные контакты с германскими нацистами.

Несмотря на попытки уйти из политической жизни белой эмиграции, Деникин, в конечном счете, стал ее активным участником: писал статьи, выступал публично. В 1929 году совместно с историком С. П. Мельгуновым и бывшим промышленником А. О. Гукасовым создал газету «Борьба за Россию», в 1938 году собственную организацию – «Союз добровольцев».

В 1939 в книге «Мировые события и русский вопрос» он обозначил свои позиции в связи с надвигающейся войной, участие СССР в которой представлялось неизбежным: «Нельзя – говорят одни – защищать Россию, подрывая ее силы свержением власти… Нельзя – говорят другие – свергнуть советскую власть без участия внешних сил, хотя бы и преследующих захватные цели… Словом, или большевистская петля, или чужеземное иго. Я же не приемлю ни петли, ни ига. Верую и исповедую: Свержение советской власти и защита России» [73].

Деникин писал, что свержение сталинского режима до войны «сорвало бы «идеологические» покровы с захватных устремлений, разрушило бы все просоветские комбинации…» [74]. Под «идеологическими покровами», очевидно, подразумевались заявления Гитлера о том, что он будет не порабощать Россию, а освобождать ее от большевизма. Под «просоветскими комбинациями» – стремление представителей левого крыла эмиграции сформировать оборонческое движение. Это движение было лояльно по отношению к советскому строю и пользовалось поддержкой Москвы.

Вместе с тем, бывший главнокомандующий не смог предложить конкретную технологическую схему ликвидации большевистского правления в невоенных условиях.

В отношении перспектив Красной Армии Деникин допускал два возможных варианта развития событий: «Если в случае войны, народ русский и армия отложат расчеты с внутренним захватчиком и встанут единодушно против внешнего…, мы, не меняя отнюдь своего отношения к советской власти,… были бы бессильны вести прямую борьбу против нее. Но и тогда наша активность… должна быть направлена не в пользу, а против внешних захватчиков… Если Красная армия и Вооруженный Народ сбросят советскую власть и обратятся… в русскую национальную силу,… наше место – там, в их рядах … Все равно, откуда раздастся призыв – отсюда или оттуда. Все равно, если возглавит движение не воин стана белого, а бывшего красного» [75].

Категорически отказавшись рассматривать гитлеровскую Германию как союзника в борьбе с большевизмом, Деникин мог руководствоваться не только этическими соображениями, но и верностью прежним союзникам по Антанте. Позицию Деникина иллюстрирует эпизод из истории Гражданской войны, описанный другом Деникина полковником П. В. Колтышевым: «Борясь с немцами, а потом с большевиками, он призывал в то же время своих соратников – белых воинов – оставаться верными обязательствам, принятым на себя старой русской властью в отношении ее бывших союзников: Франции, Англии, Соединенных Штатов Северной Америки. «Мы, русские, мира с немцами не заключили», – любил говорить генерал Деникин. И когда в июле 1918 года немецкая кавалерия, стремясь на Кубань, занятую Добровольческой армией, стала переходить реку Ею через Кущевский железнодорожный мост, последний по приказу Деникина был

взорван, несмотря на то, что этим Белая армия прервала свою связь с Севером» [76].

Кардинальное отличие позиции Деникина от позиции руководителей РОВС в 1941 году было закономерным. Эта организация претендовала на то, чтобы объединить всех ветеранов Белого движения за рубежом. Это ей во многом удалось, но вместе с тем, это была врангелевская организация. Чины РОВС неизбежно находились под влиянием авторитета основателя и первого председателя Союза. Его мировоззрение становилось мировоззрением его подчиненных. Влияние авторитета начальника сохранялось и после его смерти.

Деникин не участвовал в деятельности РОВС, из-за конфликтных отношений с Врангелем, которые начались еще в 1919 году во время разработки «Московской директивы», и достигли апогея весной 1920 года. Находясь вне РОВС, Деникин был и вне прогерманских тенденций, широко распространившихся в этой организации к концу 1930-х годов. Безусловно, Врангель в крымский период своей деятельности ориентировался на Антанту, прежде всего на Францию. Но в то время других союзников у него быть уже и не могло. Германия давно капитулировала. Свою общую схему выбора союзников Врангель вывел в виде формулы: «Хоть с чертом, но против большевиков» [*].

Другим человеком, помимо Деникина, не принявшим «генеральной линии» РОВС, теоретически мог стать генерал-майор А. В. Туркул. Группы фон Лампе, Подгорного и Головина покинули организацию в 1938-40 годах по тактическим соображениям. Их выход из Союза был вызван изменением политической карты Европы, носил формальный характер, не был результатом конфликтов в руководстве и не может рассматриваться как раскол. Группа Туркула – исключение. Создание в 1936 году обособленной организации под его началом явилось результатом кризиса в руководстве РОВС. Туркул обвинял председателя Союза Миллера в уклонении от создания политической программы. Туркул из РОВС был официально исключен.

Однако, восхождение Туркула как военного руководителя началось во

---

[*] Один из ближайших соратников Врангеля – генерал-майор фон Лампе писал 28 октября 1944 года: "Лозунг "ХСЧНПБ" был вызван к жизни и исповедывался покойным Главнокомандующим, о чем он не раз говорил мне лично". (ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 284).

время Гражданской войны в связи с вступлением его в должность командующего Дроздовской дивизией после гибели М. Г. Дроздовского. Традиции этого воинского соединения Туркул чтил, и даже выход его из РОВС в эмиграции называли «вторым дроздовским походом». Как уже отмечалось, Дроздовский в 1918 году пошел на соглашение с немцами, чтобы получить возможность бороться с большевиками.

Таким образом, если замена Деникина Врангелем на посту главнокомандующего ВСЮР, сопровождалась конфликтом между ними, отголоски которого звучали и в 1941 году, то приход Туркула на место Дроздовского был событием органичным.

В преддверии советско-германской войны в кругах российской военной эмиграции проявилась еще одна тенденция, прямо противоположная устремлениям руководства РОВС. Генерал П. С. Махров призывал к созданию эмигрантского «оборонческого батальона» для оказания помощи Красной Армии в борьбе с немцами [77]. Это начинание развития не получило[*].

Такая тенденция берет начало в 1917 году, когда после захвата власти большевиками часть российского офицерства и генералитета продемонстрировала технократический подход к происходящим в стране событиям, руководствуясь принципом «армия вне политики». Высказывалось суждение о недопустимости снимать с германского фронта боевые части и направлять их на подавление большевистских мятежей в тылу – «берлинские немцы, опасней петроградских немцев». Примерно 20% сотрудников Генерального штаба «продолжала делать свое дело на своем месте», что означало переход на службу большевикам [78].

Справедливости ради следует отметить, что, во-первых, организатор Красной Армии Троцкий широко практиковал круговую поруку и взятие в заложники членов семей «военспецов». Российские офицеры и генералы, служившие в РККА, далеко не всегда делали свой выбор добровольно. Во-вторых, часть из них использовала службу в РККА для того, чтобы подыграть белым или при первой возможности перейти на их сторону [79]. Помимо уже упоминавшегося генерал-лейтенанта А. П. Архангельского, из Красной Армии ушли в Добровольческую генерал-лейтенант Н. Н. Стогов,

[*] Отбыв за границу после захвата Крыма большевиками, Махров примкнул к тем русским военным кругам за границей, которые признавали своим вождем ген. Деникина.

занимавший у красных должность начальника Всероссийского главного штаба и генерал-майор Д. А. Мельников – начальник 3-го отдела Управления военных сообщений Южного фронта РСФСР. И Стогов и Мельников, еще находясь на командных должностях РККА, поддерживали связь с Добровольческой армией и белогвардейским подпольем. Генерал Кузнецов, полковник В. В. Ступин, полковник В. Я. Люденквист (начальник штаба 7-й Красной армии в Петрограде) были расстреляны большевиками за участие в антисоветском Национальном центре [80]. Разумеется, этот список не полон.

Мировоззрение российских командующих, вступивших в РККА сознательно и добровольно, отобразил в форме памфлета известный мыслитель и общественный деятель Сергей Булгаков: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики: style russe… Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться-б!» [81]

В ходе Гражданской войны офицеры Белых армий могли переходить на сторону большевиков. Это, как правило, наблюдалось в периоды военных неудач белых.

Наиболее яркий пример возвращения из эмиграции связан с именем бывшего генерала Русской Армии Я. А. Слащова, который с группой сослуживцев добровольно вернулся в советскую Россию в ноябре 1921 года. По инициативе Троцкого и Уншлихта, рассмотренной и утвержденной на заседании Политбюро ЦК РКП (б), Слащов и сопровождавшие его лица подписали воззвание к белогвардейцам, находящимся за границей: «…Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ… Вас пугают тем, что возвращающихся белых подвергают различным репрессиям. Я поехал, проверил и убедился, что прошлое забыто. Со мной приехали генерал Мильковский, полковник Гильбих, несколько офицеров и моя жена. И теперь, как один из бывших высших начальников добровольческой армии, командую вам: «За мной!»…» [82]

Этот призыв носил провокационный характер и стал в руках большевиков инструментом борьбы против белой эмиграции. Большевики уже нарушили обещание амнистии белогвардейцам, которые сложат оружие в Крыму. Участь тех, кто последовал призыву Слащова, отражена, в

частности, в письме казаков, находящихся в Югославии, руководителю Российского Общества Красного Креста в Женеве Ю. И. Лодыженскому: «…Возвращающиеся в Советскую Россию казаки подвергаются ужасным репрессиям, расстрелу и ссылке в концентрационные лагери, в коих гибнут массами. Гарантии большевиков – ложь…» [83]

5 апреля 1921 г. в Москве было составлено «Обращение Советского правительства к руководителям Советов, правительствам зарубежных стран, редакциям газет в связи с возвращением на Родину репатриантов из Константинополя»: «…Большинство беженцев состоит из казаков, мобилизованных крестьян, мелких служащих. Всем им возвращение в Россию больше не возбраняется, они могут вернуться, они будут прощены, а после возвращения в Россию они не подвергнутся репрессиям»[84]. В тот же день появился другой документ: «Российская Коммунистическая Партия (большевиков). Центральный Комитет. № 847. Москва, 5 апреля 1921 г. Товарищу Дзержинскому. Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП. Слушали: О возвращении в РСФСР врангелевцев. Постановили: Подтвердить постановление Политбюро о недопущении в РСФСР врангелевцев. Исполнение возложить на тов. Дзержинского. Секретарь ЦК В. Молотов»[85].

В СССР Слащов возобновил карьеру – преподавал тактику в школе комсостава «Выстрел». 11 января 1929 года он был убит, по официальной версии – из личной мести за расстрелянного во время Гражданской войны брата. Но по времени убийство Слащова совпадает с началом очередной волны репрессий, направленных против бывших офицеров Белых армий. Трагично сложилась и судьба лиц из ближайшего окружения Слащова, которые вернулись вместе с ним. В 1931 году были расстреляны полковник Гильбих и капитан Войнаховский, во второй половине 1930-х годов – полковник Баткин и начальник личного конвоя Слащова полковник Мезернецкий. Участь жены Слащова и генерала Мильковского не известна [86].

В 1925-27 годах ОГПУ осуществляло операцию «Трест». Ее целью было скомпрометировать в глазах международной общественности руководителей белой эмиграции, а также заманить на советскую территорию и уничтожить эмигрантских активистов. Одну из ключевых ролей в этой операции сыграл

бывший генерал Русской Императорской Армии, перешедший на службу в РККА, Н. М. Потапов.

К похищению в 1937 году руководителя РОВС генерал-лейтенанта Е. К. Миллера были непосредственно причастны белоэмигрант генерал-майор Н. В. Скоблин и его жена Н. В. Плевицкая. Скоблин был завербован советской разведкой в 1930 году, получил персональную амнистию, и в течение семи лет являлся платным агентом. Участвуя в похищении Миллера, Скоблин рассчитывал занять пост председателя РОВС, но был разоблачен. После того, как в штаб-квартире РОВС ему было предъявлено неопровержимое доказательство его причастности к похищению, Скоблин скрылся бегством в неизвестном направлении. Плевицкая предстала перед французским судом и была приговорена к длительному сроку тюремного заключения. 11 ноября 1937 года, через неполных два месяца после похищения Миллера, Скоблин написал письмо в НКВД: «…Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза… Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине – Советском Союзе… Сейчас я тверд, силен и спокоен, и тихо верю, что Товарищ Сталин не бросит человека…» [87] Дальнейшая судьба Скоблина неизвестна.

В 1937 году в СССР вернулся бывший военный атташе во Франции генерал А. А. Игнатьев. В 1917 году в его распоряжении находилось свыше 50 миллионов франков, принадлежавших российской казне. Игнатьев сдал эти деньги большевистскому представителю Красину. Несмотря на то, что этот поступок был беспрецедентным для российской дипломатии, он не был оценен большевиками как достаточное доказательство лояльности Игнатьева. Оставаясь во Франции, он доказывал свою преданность новому режиму еще в течение 20 лет, работая советским торговым представителем. «Нельзя жить без мечты, – вспоминает Игнатьев, – и с минуты передачи мною всех дел товарищу Красину мечтой моей жизни было возвращение в ряды Красной Армии. С детских лет воспитали меня на военных уставах, и военная выучка во всех делах меня выручала. Неужели же не найдется для меня работы по старой моей специальности?» [88] В качестве награды за многолетнюю службу большевикам, Игнатьев выбрал право присутствовать на первомайском параде 1937 года: «… Я оказался на брусчатой мостовой за малиновым

бархатным канатом, отделявшим перед Мавзолеем площадку с надписью: «Для высшего комсостава». «Какая честь! Какая честь!» – подумал я… Десятки тысяч глаз устремились на Мавзолей. То подымался по ступеням Мавзолея… Иосиф Виссарионович Сталин… Из Спасских ворот к построенным безупречными квадратами войскам коротким галопом выехал Климент Ефремович Ворошилов, я подумал: «Не было у нас таких парадов в старой армии!» [89]

Такова краткая история бывших офицеров и генералов Русской Императорской и Белых армий, ставших проводниками большевистской политики. У этих людей могла быть разная мотивация от своеобразного понимания долга перед родиной до алчности и карьеризма. Мотивация могла и вовсе отсутствовать – люди, не обладавшие политическим мышлением, предпочитали «плыть по течению».

Махров, призывая эмиграцию оказать помощь Красной Армии, объяснил свою позицию так: «Оборончество исходит из инстинкта самосохранения нации. Оборончество и национализм – тесно связаны» [90]. Однако, «оборонческая позиция» не довела Махрова до «советского патриотизма», он до конца жизни оставался верен тем идеям, с которыми он участвовал в гражданской войне.

## Глава 2. Казачья эмиграция.

История казачества в российской эмиграции имеет свою специфику, которая обусловлена той своеобразной ролью, которую играло казачество в годы Гражданской войны в России. Позиции казаков в период противостояния 1917-20-х годов, в свою очередь, уходит корнями в историю взаимоотношений с центральной властью в России. Они складывались в течение нескольких веков и носили двойственный характер. Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах государства, где шла непрерывная война. Власть мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта и допускала большую или меньшую независимость казаков. Государство не стремилось абсолютно регламентировать их действия, если они обращались только против зарубежных стран. По-видимому, считалось целесообразным давать выход беспокойным силам. Но действия казаков не раз обращались и против Москвы. Это обстоятельство вызывало затяжную внутреннюю борьбу, которая длилась до конца XVIII

века, когда после подавления пугачевского бунта вольному юго-восточному казачеству был нанесен окончательный удар. Оно постепенно утратило свой оппозиционный характер и даже приобрело репутацию наиболее консервативного, государственного элемента, опоры Престола. Власть, в свою очередь, демонстрировала свое расположение к казачеству, подчеркивая его исторические заслуги и обещая сохранять «казачьи вольности» и неприкосновенность угодий и владений. Вместе с тем, власть принимала меры, чтобы «вольности» не развивались чрезмерно в ущерб централизованному устройству российской государственности. К числу таких мер следует отнести ограничение казачьего самоуправления, назначение атаманами лиц не казачьего сословия, зачастую совершенно чуждых казачьему быту.

Не взирая на огромную тяжесть поголовной военной службы, казачество, в особенности южное, пользовалось известным благосостоянием, исключавшим тот важный стимул, который поднимал против власти рабочий класс и крестьянство центральной России. В силу узко-территориальной системы комплектования, казачьи части в армии имели однородный состав, обладали большой внутренней спайкой и твердой, хотя и несколько своеобразной, дисциплиной. По свидетельству А. И. Деникина, казачество после «Приказа № 1» [*] в противовес всем прочим составным частям армии, не знало дезертирства [91].

На основании имеющихся многочисленных источников, можно сделать вывод, что события 1917 года были восприняты многими представителями казачества как банкротство российской государственности. После получения известия об отречении Николая II от Престола, среди казаков появилось, и все более усиливалось, стремление к созданию обособленных от центральной власти казачьих организаций. В течение 1917 года повсеместно возникали казачьи правительства, выборные атаманы и представительные учреждения:

[*] “Приказ № 1” был издан Петроградским Светом Рабочих и Солдатских Депутатов 1 марта 1917 г. Документ предписывал создать в армии и на флоте комитеты из выборных представителей от нижних чинов. Воинские части отныне должны были подчиняться Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам. Приказы военной комиссии Государственной Думы следовало исполнять только в тех случаях, когда они не противоречили приказам и постановлениям Совета. Оружие поступало в распоряжение комитетов, и не должно было выдаваться офицерам. Отменялось титулование офицеров. “Приказ № 1” повлек за собой дезорганизацию армии, привел к потере боеспособности, вызвал массовое дезертирство солдат с фронта.

Круги и Рады. Их компетенция расширялась в зависимости от ослабления авторитета и власти Временного правительства.

Даже те казаки, которые тяготели к революционной демократии, не стали в полной мере составной частью общероссийского революционного движения. «Казачий социализм» оказался явлением замкнутым в своих сословно-корпоративных рамках.

У казаков появилось стремление самим обеспечить себе максимум независимости, чтобы поставить будущее Учредительное собрание перед свершившимся фактом. Наблюдалась постепенная эволюция идеи казачьей независимости – от создания областного самоуправления к созданию автономии, федерации и конфедерации. Все чаще высказывалось намерение сформировать самостоятельную казачью армию. Эти тенденции значительно усилились после захвата власти большевиками в Петрограде и Москве, после разгона ими Учредительного собрания и подписания сепаратного мира с немцами. В казачьей среде начало развиваться «молодое национальное чувство» [92]. Многие казаки стали ощущать себя представителями особого народ.

Мысль о банкротстве российской государственности в 1917 году наиболее четко и откровенно сформулирует генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов в самом конце Второй мировой войны:

«1) В свое время была Великая Русь, которой следовало служить. Она пала в 1917, заразившись неизлечимым или почти неизлечимым недугом.

2) Но это верно только в отношении собственно русских областей. На юге (в частности, в казачьих областях), народ оказался почти невосприимчивым к коммунистической заразе.

3) Нужно спасать здоровое, жертвуя неизлечимо больным. Есть опасность, что более многочисленный «больной элемент» задавит здоровый (т. е. русские северяне – казаков)…» [93]

П. Н. Краснов, – один из наиболее авторитетных вождей казачества, пришел к идее самостийности не сразу. Будучи убежденным монархистом, он воспринял события февраля-марта 1917 года как трагедию. В августе 1917 года, будучи командиром 3-го Конного корпуса, выполнял приказ Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова о наступлении на Петроград. Целью этого мероприятия была ликвидация Совета рабочих и солдатских депутатов – источника дезорганизации армии и государственной

власти. По вине Керенского, этому плану не суждено было реализоваться, дорога к власти казалась открытой для большевиков. 25 октября Краснов откликнулся на призыв Керенского снять войска с фронта и направить их на подавление большевистского мятежа в Петрограде.

Здесь проявились два очень важных качества Краснова, которые проявятся и в годы Второй мировой войны. Во-первых, Краснов обладал политическим мышлением. Он был едва ли не единственным командующим Северного фронта, который поддержал Керенского. Другие отказались, считая, что армия должна защищать страну от внешнего врага, а не участвовать во внутриполитических баталиях. Сил, находившихся под началом Краснова, оказалось не достаточно для успешного завершения операции.

Во-вторых, Краснов был прагматиком, умевшим подняться над своими антипатиями. Самоустранению от дел, он предпочитал выбор меньшего из двух зол. И в своем выборе он следовал до конца: «Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского… Все мне было в нем противно до гадливого отвращения… А вот иду же я к нему… как к Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение? Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к Родине…» [94]

Большевики брали под свой контроль все большее количество территорий. В силу этого обстоятельства, а также под впечатлением неудач 1917 года, Краснов, видимо утратил надежду на скорое освобождение всей России. Как прагматик он пришел к мысли, что если не удается спасти целое, то надо спасать хотя бы часть.

С этой идеей Краснов прибыл в Новочеркасск, где 3 мая 1918 года Круг спасения Дона избрал его атаманом. Краснов считал, что до восстановления законной власти в России, на территории Всевеликого Войска Донского должно быть образовано самостоятельное государство со всеми необходимыми институтами власти [95]. В качестве естественного союзника независимого донского государства Краснов рассматривал Германию: «Без немцев Дону не освободиться от большевиков» [96]. Такой выбор был продиктован географическим фактором – сопредельная Украина была оккупирована немцами.

Краснов выступал против единого командования Белыми армиями на Юге России. По всей видимости, он не верил в возможность повсеместной победы Белого движения. Краснов согласился подчиниться Деникину лишь после капитуляции Германии в ноябре 1918 года, когда на Дон прибыли представители держав Антанты, поддерживавших концепцию единого белого командования. Но и тогда, Краснов продолжал настаивать на сохранении автономии Донской армии. В итоге Краснов был вынужден сложить с себя полномочия атамана. Большой Войсковой круг передал атаманскую власть генерал-лейтенанту А. П. Богаевскому.

«Не вмешайся в дела войска генерал Деникин и союзники, – писал Краснов, – может быть и сейчас войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существует Эстония, Финляндия, Грузия – существовало отдельно от *советской* России»[97].

В эмиграции Краснов занимался литературным творчеством, опубликовал более сорока книг: «Опавшие листья», «Понять-простить», «Единая-неделимая», «Выпашь», «Белая свитка», «Largo», «Подвиг», «Ненависть», «Цесаревна», «Екатерина Великая», «Цареубийцы», «С нами Бог», «Все проходит» и другие. Роман «От двуглавого орла к красному знамени» стал одной из самых популярных книг в русском зарубежье, был переведен на 15 иностранных языков.

Находясь в эмиграции, Краснов стал одним из организаторов Братства Русской Правды – организации, существовавшей с 1921 по 1932 год. БРП имела отделения в Германии, Франции, Югославии, в прибалтийских странах, в Маньчжурии и США. Основу организации составляли боевые отряды, осуществлявшие партизанские рейды по приграничным территориям СССР. Организация выступала под монархическими лозунгами, но не имела четкой политической программы [98].

За пределами России объединения казаков Донского, Кубанского, Терского и других войск создавались по принципу хуторов и станиц. Были также общеказачьи станицы, в которых жили казаки разных войск. В эмиграции казаки образовали большое количество военных, политических и хозяйственных организаций. Некоторые из них входили в состав РОВС, другие держались особняком. Так, например Союз Активных Борцов за

Россию (САБЗАР), созданный генерал-лейтенантом А. Г. Шкуро в 1923 году, не был принят в РОВС, поскольку являлся политической организацией.

Одной из наиболее весомых, казачьих организаций, созданных в эмиграции, был Объединенный совет Дона, Кубани и Терека (ОСДКТ). В нем воплотилась идея объединения южнороссийских казачьих областей, не раз возникавшая в период революции и Гражданской войны. А. П. Богаевский и другие вожди ОСДКТ выражали намерение действовать обособленно от РОВС, хотя и не стремились к полному разрыву отношений с Врангелем.

Среди казачества в эмиграции в 1920-30-е годы обнаружилось три политических тенденции. Одни видели будущее казачьих территорий только в составе российского государства, после его гипотетического освобождения от большевиков. Другие допускали создание независимого казачьего государства как переходного этапа, в случае если освободить всю Россию сразу не удастся. Третьи хотели видеть казачьи земли суверенными вне зависимости от судьбы России. Такие представлениям о будущем казачья общественность в зарубежье имела к началу Второй мировой войны.

Здесь речь идет только о той части казачества, которая сохранила антисоветский политический потенциал. Имели место и другие настроения, так, например, Общеказачий сельскохозяйственный союз (ОСХС) и Союз возрождения казачества (СВК) были склонны к поиску компромиссов с советской властью. Определенное количество казаков просто вернулось в СССР в порядке реэмиграции.

В конце 1939 года в Протекторате Чехия и Моравия была образована новая белоэмигрантская организация – Общеказачье Объединение, которое возглавил генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин. С 1940 организация стала именоваться Общеказачьим Объединением в Германской Империи. Инициатива создания этой структуры исходила от немцев, стремившихся облегчить для себя контроль над казаками. Балабин же стремился объединить казаков всех войск, проживающих в данном регионе, в одну неполитическую организацию, чтобы представлять их перед властями и защищать их интересы [99].

Многие авторитетные вожди казачьей эмиграции увидели в событиях 22 июня 1941 года возможность реванша. «Я прошу… передать всем казакам, – писал П. Н. Краснов, – что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да

поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 г.» [100]

Краснов проводит аналогию с заграничным походом русской армии, начавшимся после изгнания Наполеона из России. Во время этого похода Пруссия была освобождена от французской оккупации.

28 июня 1941 года донской атаман генерал-лейтенант граф Михаил Николаевич Граббе издал приказ: «Атаманам всех донских казачьих и общеказачьих станиц, по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет казаков. Всем казакам в станицах и организациях казачьих не состоящих, приказываю в таковые записаться. Связь со мною держать всемерно» [101].

3 июля 1941 года в Париже было составлено обращение Казачьего Совета во Франции, подписанное председателем Совета М. Н. Граббе, его заместителем генерал-лейтенантом А. В. Черячукиным и членами Совета от казачьих Войск. Всевеликое Войско Донское представлял генерал-майор С. Д. Позднышев, Кубанское – генерал-майор Малышенко, Терское – полковник М. А. Медведев, Оренбургское – генерал-майор Акулинин, Уральское – войсковой старшина Потапов, Астраханское – полковник Астахов.

В документе содержался призыв к казакам «приобщиться к делу борьбы с большевиками – каждый на своем (или указанном ему) месте» [102].

С началом войны активизировалась работа по составлению проектов обустройства казачьих территорий после их освобождения от власти Сталина. Кубанский походный атаман генерал Ткаченко организовал в Софии несколько комиссий для разработки проектов военного и административного устройства Кубани, экономического восстановления края и других вопросов. Комиссии были созданы «в виду значительного разнообразия взглядов у казаков на наше будущее» [103]. Бывший земский деятель А. С. Щекотурин писал атаману М. Н. Граббе о необходимости восстановления земства в покинутых большевиками областях России [104].

Итогом этой деятельности стал документ, озаглавленный: «К вопросу о восстановлении области Войска Донского (Меры переходного времени)». «Казачество надеется, – говорилось в документе, – что германская государственная власть даст возможность Донскому Атаману теперь же приступить к подготовительным действиям для исполнения той великой

миссии, которую возлагают на него события» [105].

Согласно данному проекту, высшая власть на Дону должна принадлежать войсковому атаману, который организует управление по двум принципам: областная войсковая власть – по назначению, власть на местах – по избранию. Предполагалась отмена всех ограничений, связанных с вероисповеданием («кроме иудейства»).

В обязательном порядке подлежали регистрации все коммунисты и комсомольцы, с последующей передачей их дел казачьим атаманским военным судам. К тем из них, кто непосредственно принимал участие в расстрелах мирных граждан, должна была применяться высшая мера наказания.

В области экономики планировалось преобразовать колхозы и совхозы в сельскохозяйственные трудовые артели с последующей их ликвидацией, отменить государственную монополию на торговлю, восстановить права собственности на мелкие и средние земельные владения. Для поддержания общественного порядка авторы документа намеревались создать охранные полки и сотни, преимущественно из казаков, вернувшихся из эмиграции.

«…Все изложенные меры, – говорилось в конце документа, – могут в равной степени быть применены к землям Войск Кубанского и Терского, условия существования коих более или менее общи с областью Войска Донского» [106].

К этой декларации была приложена «Смета», носящая, однако, тоже скорее идеологический, нежели финансовый характер. Она не столько дополняла, сколько обосновывала предшествующий текст: «Неминуемое занятие в ближайшее время Донской Области армиями Великогерманского Рейха выдвигает на первый план необходимость организации донской казачьей власти на месте» [107].

20 июля 1941 года донской казачий офицер И. Г. Акулинин писал атаману М. Н. Граббе из Парижа: «Если до нашего прихода, на Дону, на Кубани и в других Казачьих краях… будет организована Войсковая власть – немецким Командованием или самими Казаками – наш долг явиться в распоряжение этой власти и дать ей отчёт о наших действиях» [108].

Вариант, что «Войсковая власть» вообще не будет создана, не допускался даже теоретически.

В конце сентября 1941 года Общеказачье Объединение в Германской

Империи сформулировало «Тезисы к меморандуму Германскому правительству и Германскому Военному Командованию» с просьбой, чтобы:

«1) отдельные члены Общеказачьего Объединения в Германии не были бы мобилизованы для какой бы то ни было работы в освобожденных частях России, а все без исключения были посланы для работы в своих Землях по принадлежности той или иной;

2) было бы разрешено Общеказачьему Объединению принять соответствующие предварительные меры к скорейшей по освобождении наших Земель переброске необходимых сил из нашей среды для установления порядка и руководства всеми сторонами жизни наших Краев;

3) представители Германского Правительства и Германского Военного Командования, при организации власти в освобожденных казачьих территориях Дона, Кубани и Терека, обратили бы внимание на то обстоятельство, что в изгнании проживают представители легитимной власти над этими территориями, наши Вожди – Войсковые Атаманы, и что в интересах и нас казаков, и Германии было бы весьма желательно, а для нас, казаков, это было бы Божьим благословением, если бы организация власти и порядка в наших Землях была передана нашим Войсковым Атаманам в тех пределах, в коих это найдут возможным представители Германии»[109].

Авторы составляемых проектов не претендовали на «истину в последней инстанции» и вполне отдавали себе отчёт в том, что их теоретические разработки могут рассматриваться только как предварительные. «Я хотел бы предупредить, – писал генерал-майор М. М. Зинкевич членам Галлиполийского Союза в Праге, – от стремлений теперь же создать политическую программу. Без тесного соприкосновения с русской действительностью это будет иметь отпечаток «эмигрантщины» [110]. Как видно, такая точка зрения принципиально отличалась от позиции Русского Национального Союза Участников Войны, возглавляемого генерал-майором А. В. Туркулом.

Первые признаки разочарования казачьей эмиграции в «освободительной миссии Рейха» появились уже спустя три месяца после начала войны. 4 октября 1941 года Балабин писал Граббе: «Никакие казаки эмигранты казачьих войск не спасут, вместо станиц «Общественные хозяйства», и в них вместо жидов – немцы»[111].

В том же письме сообщалось, что некоторые казаки настаивают на

подаче самым высшим немецким властям в революционном порядке меморандума о съезде войсковых атаманов в Берлине для решения совместно с немецким правительством казачьих вопросов. Немецкими же властями в циркулярном распоряжении подача меморандумов запрещена, и все казачьи меморандумы складываются в архиве без предварительного прочтения. «Боюсь, что такой меморандум, – заканчивал Балабин, – только повредит казакам, показав нашу недисциплинированность и грубое нарушение их распоряжений. На благоприятный же результат надежды мало» [112].

Свою трактовку событий с перспективами на будущее дал П. Н. Краснов. 11 июля 1941 года он писал Балабину: «В данное время немецкому командованию нежелательна никакая лишняя болтовня. Войну с Советами ведут немцы – и в целях пропаганды среди Советских войск и населения, – они тщательно избегают какого бы то ни было участия эмиграции. Все, кто угодно – финны, словаки, шведы, датчане, испанцы, венгры, румыны, – но не Русские эмигранты. Это ведь даст возможность Советам повести пропаганду о том, что с немцами идут «помещики» – отнимать землю, что идёт «офицерьё» загонять под офицерскую палку и пр. и т.п. – и это усилит сопротивление Красной армии, а с нею надо скорее кончать…» [113]

Из создавшейся ситуации Краснов видит три возможных выхода. Первый – успешное антикоммунистическое восстание в СССР и образование нового правительства, которое вступит в мирные переговоры с немцами. Второй – немцы оттеснят большевиков примерно до Волги и укрепятся. Будет оккупированная немцами часть России и большевистская Россия, война в этом случае затянется. Третий выход – комбинированный: немцы оккупируют часть России, а в остальной части образуется новое правительство, которое заключит мир с немцами, приняв все их условия.

Краснов считал, что в первом случае эмигрантский вопрос, равно как и вопрос о дальнейшей судьбе казачьих областей будет решаться новым российским правительством, пришедшим на смену сталинскому правительству. Во втором случае этот вопрос будет решаться немецким Главным Командованием для оккупированной части страны. В третьем – немецким Главным Командованием для оккупированной части страны, и в восточной части – новым правительством. «Во всех трёх случаях, *до окончания войны,* – подчёркивает Краснов, – эмигрантского вопроса нет и

обсуждать его – это толочь воду в ступе» [114].

Из всего этого Краснов сделал выводы: Во-первых, «до окончания войны на Востоке русскую эмиграцию не трогать» («переводчики, заведующие питательными пунктами, полицейско-карательные отряды не в счёт»). Во-вторых, «при возрождении России, в Россию будет привлечена лишь небольшая часть эмиграции, вполне проверенная, вне английских и большевистских влияний». В-третьих, «привлечение всей эмиграции с её раздорами, склонностью к безудержной болтовне, комиссиям, заседаниям, философствованию, подсиживанию друг друга почитается *величайшим несчастьем для России*» [115].

«Если будут восстановлены казачьи войска – (об этом я хлопочу), – заканчивает своё послание Краснов, – то на началах старого станичного быта и самой суровой дисциплины. Кругам и Раде не дадут говорить и разрушать работу атаманов, как это делалось в 1918-1920 годах, итак – все темно и неизвестно, нужно ждать конца войны, предоставив себя воле Божьей и поменьше болтать» [116].

В этом послании Краснов еще говорит о возрождении России, но уже здесь виден акцент на возрождение казачества. Скоро размышления Краснова о возможностях возрождения страны в целом закончатся. Останутся только планы восстановления казачьих поселений, причем сначала – в местах традиционного проживания казаков в пределах России, затем – вне ее пределов, на территории южной Европы. Положение дел, отразившееся в письмах Балабина – Граббе и Краснова – Балабину характеризуют первый этап идейного развития казачьего антисоветского движения в годы Второй мировой войны. Второй этап будет отмечен негласным признанием того факта, что победы над большевизмом не будет. На этом новом этапе цели казаков будут сводиться к следующим трем моментам: 1) обозначить себя политически в текущей войне, продемонстрировав тем самым, что антисоветское казачье движение живо; 2) принять участие в вооруженной борьбе с большевиками, не столько оказывая помощь Вермахту, сколько осуществляя акцию отмщения большевикам; 3) заслужить в глазах немцев, и, прежде всего, Гитлера, право на благополучное обустройство после окончания войны.

В связи с войной активизировали политическую деятельность не только ревнители «Единой и Неделимой России», но и казаки-сепаратисты (самостийники). Идею создания государства «Казакия» отстаивал издававшийся в Софии одноименный литературно-исторический журнал – печатный орган Центрального Правления Союза Казаков-Националистов (СКН). Той же линии придерживалась газета «Единство и независимость», выражавшая взгляды Общества Ревнителей Казачества (ОРК), находившегося в Париже.

Идею казачьей государственной независимости отстаивали представители калмыцкой диаспоры. Они видели будущее своего народа в качестве автономной части государства «Казакия». Калмыцкая национальная организация «Хальмак Тангаин тук» работала в контакте с Союзом Казаков-Националистов. Калмыцкий журнал «Ковыльные волны» выходил во Франции.

Эти издания от лица представляемых ими организаций вели полемику со сторонниками воссоздания единой России после падения большевизма. Наиболее показательным в этом отношении является доклад Шамба Балинова, прочитанный на собрании Общества ревнителей Казачества в Париже. Журнал «Ковыльные волны» опубликовал доклад отдельной брошюрой, снабдив его предисловием: «…Они (эмигранты-оборонцы – Ю. Ц.) пытаются доказать наличие политической эволюции большевиков, говорят о национальном перерождении Сталина. Для усиления своей пропаганды, везде и всюду пишут и говорят о 160-ти миллионном русском народе, стараясь выставить его как единый монолит, «забывая» то, что добрую половину этих 160-ти миллионов составляют нерусские народы, охваченные идеей национальной независимости и не желающие иметь никакого дела не только с русскими большевиками, но и вообще с Москвою…» [117].

Вся логика доклада Балинова свидетельствует о том, что автор, представляющий Союз Казаков-Националистов, считает казачество особым народом, задачей которого является обретение в ходе войны национальной и государственной независимости. Балинов заявил, что в СССР под красным флагом «осуществляется старый русский империализм» [118]. Стремление эмиграции отстаивать целостность страны он рассматривал исключительно как «борьбу с освободительным движением угнетенных народов» [119].

Наибольшую активность в отстаивании идей сепаратизма проявило Казачье Национально-Освободительное Движение (КНОД), возглавляемое В. Г. Глазковым. Центральное Правление КНОД находилось в Праге, там же издавался печатный орган – журнал «Казачий вестник».

После нападения Германии на СССР, Центральное Правление КНОД направило приветственную телеграмму на имя Гитлера, Геринга, фон Риббентроппа и фон Нейрата [120].

28 июня 1941 года в Праге состоялось «манифестационное собрание», на котором была принята резолюция, приветствовавшая германское вторжение. 29 июня эта резолюция была принята собранием, организованным активистами КНОД в Берлине. На собрании присутствовал и поддержал резолюцию представитель П. П. Скоропадского полковник Мурашко. Скоропадский, бывший генерал-лейтенант Русской Императорской Армии, поддержал после февральской революции 1917 года отделение Украины от России и переименовал вверенный ему 34-й армейский корпус в 1-й Украинский. В 1918 году, будучи гетманом Украины пользовался поддержкой германских оккупационных властей. После капитуляции Германии и перехода Украины под контроль С. Петлюры, Скоропадский эмигрировал.

Председательствовавший на собрании Глазков заявил, что из Протектората Чехия и Моравия, Силезии, Болгарии и Генерал-Губернаторства (Польша) уже вышли готовые казачьи группы, чтобы вместе с немцами воевать против большевиков [121], что не соответствовало действительности. Самостийники призвали всех казаков вступать в свои ряды, так как, якобы, только они могут рассчитывать на возвращение в родные края [122].

Резолюция была одобрена представительствами КНОД в Вестмарке (Эльзас и Лотарингия), Генерал-Губернаторстве, Словакии, Венгрии, Болгарии и Франции. Вслед за этим последовали распоряжения Глазкова относительно подготовки казаков, учета казачьих сил, создания национального казачьего фонда [123].

Глазков издал несколько персональных обращений к казакам в эмиграции, по поводу вторжения Германии на территорию СССР, и, спустя четыре месяца, в связи с вступлением немецкой армии на казачьи земли. Эти обращения не отличались по смыслу от уже имевшихся резолюций КНОД [124].

В коллективных и персональных документах сепаратистов проявилось стремление к окончательному размежеванию с наиболее видными представителями русской военной эмиграции – «бывшими». Тем самым сепаратисты стремились переманить на свою сторону по возможности максимальное количество рядовых эмигрантов. Одновременно тон воззваний и обращений сепаратистов стал доходить до неприличия. Любое упоминание о Гитлере самостийники превращали в панегирик, чего русская военная аристократия себе все-таки не позволяла: «От него (Гитлера – Ю. Ц.) бегут, как черт от Бога, или зарываются вглубь, как крот от света, и наши «бывшие». По свойственной им природе они не пристали к нему, как не пристает пыль и ржа к золоту. Но подобно тому, как все живое, ярко зеленое и пышно цветущее, клонится к Солнцу, так и казачьи националисты пошли с Адольфом Гитлером» [125].

12 июля 1941 года Глазков сообщил представителю Центрального Правления КНОД в Болгарии И. М. Евсикову о своем признании правительством Рейха в качестве руководителя КНОД. Евсиков воспринял это сообщение как свидетельство того, что Рейх предоставил возможность казакам-эмигрантам активно участвовать в борьбе с коммунизмом и пригласил их «строить Новую Жизнь в Родных Краях».

Специальным распоряжением от 12 июля 1941 года Евсиков обязал все станицы, хутора, группы казаков и отдельных представителей казачьей эмиграции, проживающих в Болгарии, немедленно прислать ему свои постановления или отдельные заявления о готовности принять участие в «общеказачьем национальном освободительном деле». Указывалась форма, в которой должны были составляться эти документы. Евсиков сообщал, что все анкеты, заполненные казаками ранее, то есть по призыву «единонеделимцев», для него, как представителя КНОД, являются недействительными. До получения нового предписания казаки должны были оставаться на своих местах и «спокойно заниматься своим делом», но быть готовыми по первому же приказу явиться на место, которое будет указано. Все заботы о семьях казаков руководство КНОД обязалось взять на себя. Евсиков обещал своё покровительство казакам, которые состояли в организациях, выражавших «антигерманские настроения», соглашаясь считать их введёнными в заблуждение руководством соответствующих организаций [126].

Как видно, распоряжение Евсикова было направлено против «единонеделимцев». Но и реакция самостийников на появление этого документа не была однозначной. Первый отклик на распоряжение датируется уже следующим днём – 13 июля 1941 года: «Ваше долгожданное распоряжение мы получили вчера (12 июля). В тот же день приступили к исполнению всех заданий. Как только соберем необходимые сведения, сейчас же их вам вышлем». Однако тут же говорилось: «Было бы хорошо, если бы вы нам прислали официальную бумагу (или приказ) о назначении представителем КНОДвижения в Болгарии И. М. Евсикова…» [127]

По вопросу об объединении всего казачества, проживающего в Болгарии, авторы послания не сообщали ничего утешительного: «П. К. Харламов ходил даже к граббовскому окружному атаману (абрамовец [*]) дьякону Я. Никитину, уговаривал этого сукиного сына, в присутствии 6 казаков 4 часа, уговаривал, но… дьякон пошёл на другой день к Абрамову и тот дело развалил, дьякон от объединения окончательно отказался. Уговаривал П. К. Харламов и Д. Д. Нежевова «представителя донского атамана», уговаривал эту сволочь три битых часа в присутствии 5 казаков, призывал к объединению, он также сукин сын отказался, говоря, что будет ждать инструкций от «атамана», ждет до сих пор. Вы понимаете, станичники, хотелось всё устроить по-хорошему, но что с такой сволочью делать!» [128]

18 июля 1941 года последовала реакция со стороны Центрального Правления Союза Казаков в Болгарии, председателем которого был упомянутый Я. Никитин: «… последнее время… как ядовитые грибы после дождя появились и повылезли из тёмных щелей всякого рода «вожди» и «руководители» казачества,… о которых до сих пор никто не слыхал, а если и слыхал, то только как о лицах, состоящих в организации, работавшей на польские, чешские и советские деньги по разложению эмиграции» [129].

19 июля был издан документ, адресованный начальникам казачьих частей и групп, к атаманам казачьих станиц и хуторов в Болгарии. Документ был подписан представителями Войсковых атаманов: Дона – генерал-лейтенантом Ф. Ф. Абрамовым, Кубани – полковником Милашевичем, Терека – Цыгулиевым и председателем Союза Казаков в Болгарии Никитиным. В тексте говорилось о том, что Правление КНОД, и самого Глазкова никто не

[*] Очевидно – сторонник генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, не разделявшего идей казачьего сепаратизма.

выбирал. Правление и Представительство в Болгарии были созданы без ведома Войсковых атаманов, и, следовательно, они являются самозванными, а их распоряжения – фальшивками, не подлежащими исполнению. Далее сообщалось, что Евсиков является членом «Национальной казачьей организации», основанной Павлом Кудиновым, который в 1938 году вместе со всей своей организацией был уличен как платный агент советских спецслужб в Болгарии [130].

Самостийники не оставались в долгу. По поводу документов, изданных сторонниками единой и неделимой России, представитель КНОД в Болгарии П. К. Харламов докладывал Евсикову 22 августа: «В качестве курьёза упомяну о «приказе» графа Граббе, который приказывает казакам идти на защиту «матушки России». Есть воззвание и Владимира Кирилловича [*], есть информация и Краснова… Все эти приказы и информации вполне заменяют юмористические журналы» [131].

9 августа 1941 года в Праге состоялось собрание, на котором помимо казаков-сепаратистов присутствовали представители украинской и белорусской диаспор. Зал, в котором проходило собрание, был декорирован немецким и казачьим флагами, портретами Гитлера и атаманов Кондратия Булавина и Игнатия Некрасова [**].

В своей речи на этом собрании Глазков сообщил об уже возбуждённом перед Гитлером ходатайстве о разрешении официального формирования Казачьего Походного Войска. Докладчик заявил также о «лжепатриотизме великих князей, царских послов Саблиных и других дряхлых превосходительств, вопиющих из далёкого Лондона о поддержке «объединителя» земель русских «батюшки» Сталина». Для таких деятелей, к числу которых был отнесён и А. И. Деникин, Глазков изобрёл новый термин – «бело-большевики». «Не забывайте, станичники, – продолжал вождь КНОД, – что русские люди ушли в эмиграцию из-за своего прошлого. Казаки

---

[*] 26 июня 1941 года появилось Обращение проживавшего в Сен-Бриаке главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича: “В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма”. (ГАРФ. – Ф. 5845, Оп. 1, Д. 4, Л. 22).

[**] Кондратий Булавин – руководитель казачьего восстания на Дону в 1707-1708 гг. Восстание было вызвано приказом Петра I о переписи и высылке в Россию беглых, что нарушало традиционные отношения между Москвой и Доном. Игнатий Некрасов – один из участвовавших в восстании атаманов, во главе с которым часть казаков ушла в Турцию после подавления восстания правительственными войсками.

же ушли в эмиграцию из-за своего будущего. А посему мы, казаки, не можем и не должны связывать своё будущее с русским прошлым!» Докладчик закончил своё выступление следующими словами: «Мы, казаки, приветствуем каждую бомбу и каждую гранату, которые летят на головы московских тиранов!.. Слава Богу, Москва горит! Хайль Гитлер! Слава Казачеству!» [132]

Самостийники считали Гитлера своим союзником и покровителем не только по причине его войны с Россией. В ноябре 1941 года издаваемый КНОД журнал «Казачий вестник» писал: «Мы идём с той современной Германией, национально-социалистические начала жизни которой так близки социальным началам нашей казачьей жизни» [133].

Во второй половине августа 1941 вожди самостийников работали над составлением официального письма на имя Гитлера. Это письмо должно было сопровождать подарок, о котором Харламов докладывал Евсикову: «В величину половины квадратного метра вышивается карта КАЗАКИИ; на казачью землю с запада входит немецкий солдат и поднимает руку для приветствия, его встречает казак с хлебом и солью. Получается прекрасный подарок-символ. Мы понимаем, что Вождь не нуждается в нашем подарке, но в нём нуждаемся мы» [134].

1 сентября Евсиков и Харламов составили письмо в форме исторической справки. В нём говорилось о казаках, как об особом народе, «находившемся под рабством России в течение 180 лет до революции», и никогда не прекращавшем борьбы за свободу.

Спустя два месяца после начала войны между Германией и СССР, Представительство Донского атамана М. Н. Граббе в Болгарии, в лице председателя Д. Д. Нежевого и секретаря М. Я. Горбачева, сделали шаг к примирению с сепаратистами. 22 августа был составлен «проект информации», в котором говорилось о наличии трёх течений среди эмигрантов бывшей «Русской империи»: Русское национальное движение, стремящееся к созданию «единой и неделимой России»; Украинское национальное движение, защищающее идею самостоятельного Украинского государства; Казачье национальное движение, защищающее идею самоопределения казачества.

Каждый эмигрант, – говорилось в «проекте», – должен заре-

гистрироваться в организации того движения, «которое всего ближе ему по уму и по сердцу». «Каждый казак, зарегистрировавшийся в своей казачьей организации, этим самым не превращается: в «русского», «самостийника», или «единонеделимца»; его запись означает, что он хочет вернуться к себе на Родину, что он антикоммунист и, что он готов к будущей восстановительной работе. Что касается того: КТО будет записавшимися командовать, то ими будет командовать ТОТ, кому это будет поручено Вождём Германского Рейха» [135].

Несмотря на это, самостийники оставались врагами «единонеделимцев» до окончания войны. М. Н. Граббе, Е. И. Балабин и другие руководители постоянно получали письма из казачьих станиц о действиях сепаратистов и приносимом ими вреде[136]. Генералы по мере возможности боролись с влиянием самостийнических идей.

Итак, казачья эмиграция была далеко не однородной. «Единонеделимческое» направление возглавляли белые генералы, участвовавшие в Гражданской войне на первых или вторых ролях. Многие были атаманами Казачьих Войск, станиц и хуторов в зарубежье. Некоторые из них являлись руководителями структур РОВС – основной и крупнейшей белоэмигрантской организации. Самостийническое направление руководилось людьми низких воинских чинов, малоизвестных и с сомнительной репутацией. В отличие от «единонеделимцев», сепаратисты прямо и открыто заявили о себе, как о противниках российского государства. Идеям Гитлера и Розенберга объективно соответствовала позиция именно казаков-сепаратистов, однако реальное участие казаков в войне на стороне Германии, будет позволено организовать казакам-«единонеделимцам».

Особым образом сложилась судьба казачьей эмиграции из азиатской России: представителей Астраханского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиречинского, Забайкальского, Енисейского, Уссурийского и Амурского казачьих войск. Центром Дальневосточной эмиграции была Маньчжурия, где еще до революции проживало около 200 тысяч российского оседлого населения, связанного с эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Крупнейшим городом Маньчжурии и, соответственно, центром российской эмиграции на Дальнем Востоке, был Харбин – железнодорожный узел на КВЖД и порт на реке Сунгари.

Это было своего рода российское «государство в государстве», имевшее свои охранные войска, суд, средние и высшие учебные заведения, множество газет и журналов. Здесь были десятки православных церквей, 4 монастыря; действовала Русская духовная миссия в Китае [137].

Несмотря на это, российские эмигранты в Китае испытывали большие сложности с адаптацией, чем в Европе. Китайские власти враждебно относились к вооруженным отрядам казаков, прибывшим в Китай после неудачи Белого движения на Дальнем Востоке России. Эмигранты сталкивались с недоброжелательным отношением и со стороны местного населения, которое воспринимало их как представителей бывшей великой державы, проводившей, вместе с Великобританией, Францией и США, колониальную политику в отношении Китая. Кроме того, эмигранты сталкивались с чуждой им культурной и религиозной средой.

Положение ухудшилось после установления советско-китайских дипломатических отношений в 1924 году. КВЖД поступала в совместное управление СССР и Китая. Начались массовые увольнения эмигрантов, обслуживавших дорогу. Советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД, произошедший в 1929 году, не облегчил положения эмигрантов, а лишь дестабилизировал ситуацию в регионе.

В 1931 году Маньчжурия была оккупирована Японией и превращена в марионеточное государство Маньчжоу-Го. Япония стремилась установить контроль над обширными территориями Дальнего Востока, в том числе, входящими в состав СССР. Определенную роль в реализации этого плана японское руководство отводило российской эмиграции и, прежде всего, казакам.

Ключевой политической фигурой казачьей эмиграции на Дальнем Востоке в 1921-45 годах был атаман Забайкальского Казачьего войска генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов. В январе 1920 года номинальный Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак в преддверии финала своей политической карьеры подписал приказ о передаче Семенову «всей полноты верховной власти на территории Российской Восточной Окраины» [138].

В оценке большевизма Семенов не отличался от других видных представителей российской военной эмиграции: «Я – не против диктатуры в решительные моменты жизни наций, но никак не могу понять, какие

преимущества получила наша родина, сменив самодержавную власть монарха на полный произвол кучки политических проходимцев и международных авантюристов, представляющих собою ядро правящей партии» [139].

Семенов не считал важным вопрос о форме государственного строя, полагая, что все виды монархии, как и все виды республики, имеют свои достоинства и недостатки. По его убеждению, идейность должна выражаться в стремлении к национальному возрождению и благополучию народа. Семенов настороженно относился к политическим партиям и парламентаризму. Это было характерно для многих представителей русского офицерства, считавших, что именно борьба партий и Государственная Дума привели Россию к революции. При этом Семенов не был выразителем крайне правых взглядов. Его претензия к думским деятелям заключалась в том, что они подменили политической борьбой участие народа в управлении государством и препятствовали проведению реформ, полезных для развития страны.

Рассуждая о политическом будущем России, Семенов высказывался против копирования иностранных моделей. Оценивая любую политическую систему, он исходил из индивидуальных особенностей каждой страны. В России Семенов, прежде всего, отмечал многонациональный состав, полифонию религий и культур, преобладающее крестьянское население. Он выражал убеждение, что все народы, населяющие Россию, должны иметь общий источник равных прав и обязанностей. В поисках психологически объединяющей формулы, он предложил термин «Россизм» – от слова «Россия». Что означало осознание принадлежности к одному государству, являющемуся союзом народов под эгидой верховной власти; защиту своего класса и своей народности в рамках общегосударственных интересов; религиозную, личную и идеологическую свободу; право частной собственности каждого гражданина.

Иными словами, Семенов был далек от того образа махрового реакционера и интеллектуально ограниченного человека, который ему приписывали левые круги российской эмиграции.

Когда в 1922 году было провозглашено создание СССР, в правых кругах эмиграции появилрсь мнение, что большевики отказались от своего революционного мировоззрения, возрождают разрушенную ими же

государственность, РККА из защитницы Интернационала превратилась в правопреемницу русских военных традиций. Семенов решительно выступал против подобной постановки вопроса: «Русский националист, с надеждой и упованием взирающий на собирание Руси воедино под большевиками и на успехи Красной армии русских солдат, может быть сравнен с любителем духовного пения, который после смерти любимого человека сказал бы: «Ничего, что он умер, зато я послушаю панихиду» [140]. Для Семенова были важны не внешние формы государственности, а внутреннее содержание, направленность политической системы, ее отношение к людям.

В 1920-30-е годы правительства многих стран считали возможным мирное сосуществование с СССР. Семенов стремился опровергнуть эту убежденность, считая, что борьба с большевизмом неизбежна, и конец ее наступит только в одном из двух случаев: «а) если большевики будут вырваны с почвы их питающей, т. е. из России и б) если власть Красного Интернационала распространится на все государства мира» [141].

Ведущие политики зарубежных стран могли и сами придти к такому выводу, изучив программные работы советских вождей, документы Коминтерна и ВКП (б), а главное – проанализировав сущность большевистской системы. Эта система не могла остановить свое географическое расширение, поскольку не мола на равных конкурировать с ведущими странами. Ей суждено было или победить повсеместно, или погибнуть. Но большинство зарубежных политиков таких выводов не делало.

Семенов предлагал конкретные решения: образование единой международной организации для борьбы с большевизмом – Белого Интернационала в противовес Красному. Он планировал вовлечение в эту организацию крупнейших представителей финансовых кругов, создание единого распорядительного органа, единого военного плана и командования.

Особое значение Семенов придавал формированию международного общественного мнения: «В прессе должны быть исключены по отношению к большевикам слова – «Русское правительство», «Русская армия», раз и навсегда, и заменены словами – «Правительство Красного Интернационала», «Армия Красного Интернационала» [142].

Правительство СССР постоянно и успешно формировало на Западе позитивный имидж «страны победившего социализма». Наивысшие результаты будут достигнуты в 1930-е годы: приглашение в СССР Барбюса,

Роллана, Фейхтвангера; освещение в зарубежной печати перелетов Чкалова, эпопеи «челюскинцев» и т.д. Семенов писал: «В противовес пропаганде красных, должна быть развита в грандиозных размерах пропаганда несчастий России и мировой красной опасности» [143].

Семенов отдавал себе отчет в том, что одними пропагандистскими и контрпропагандистскими мероприятиями «можно лишь создать сочувствие к себе и отрицательное отношение к красным, но нельзя создать положительного творчества» [144]. Пример должна была подать белая эмиграция. Семенов планировал создание единого Русского Центра, имеющего конкретный план будущего устройства России и будущих международных отношений. Разработку политической программы планировалось завершить до начала военной операции, а не после завоевания территории, как это практиковалось во время Гражданской войны. Должны быть заранее опубликованы законы, которые обеспечат симпатии населения по отношению к новой власти. «Власть должна… идти вперед, угадывая справедливые потребности масс, а не откладывая все больные вопросы «до Учредительного собрания»[145].

Возглавляя Союз казаков на Дальнем Востоке, Семенов начал объединение белой эмиграции с того региона, в котором проживал сам. В 1920-е годы в Китае независимо от него действовали: Казачий союз в Шанхае, Восточный казачий союз в Харбине и другие структуры. В 1930-е годы все военно-политические организации казаков, а также станицы и хутора перешли под контроль Семенова.

В 1938 году было избрано правление Союза казаков на Дальнем Востоке, в состав которого вошли ближайшие соратники Семенова: А. П. Бакшеев, М. И. Ваулин, И. И. Почекунин, С. И. Фирсов, Н. М. Шалыгин, П. Н. Сотников, И. Ф. Коренев, И. Ф. Суриков, К. М. Бирюков, Асламов. Был принят документ, в котором Союз Казаков на Дальнем Востоке определил свои цели:

«а) освобождение России из-под власти Коминтерна и восстановление в ней законности и порядка;

б) защиту интересов казачества и закрепление его исконных прав в будущей национальной России;

в) взаимную поддержку казачьих войск, укрепление казачьего единства, сохранение исторически сложившегося быта и уклада казачьей жизни и войсковых традиций.

Для достижения указанных целей Союз казаков на Дальнем Востоке организует и объединяет казаков всех казачьих войск вокруг имени походного атамана Урала, Сибири и Дальнего Востока генерал-лейтенанта Г. М. Семенова – законного правопреемника власти Верховного правителя адмирала Колчака…» [146]

К концу 1930-х годов Союз объединял более 20 тысяч человек[147].

Еще в годы Гражданской войны в России, формируя в «полосе отчуждения» КВЖД вооруженные антибольшевистские отряды, Семенов обрел сочувствие и поддержку японского Генерального штаба. В Китае, и особенно в Маньчжурии, у белоэмигрантов имелось больше возможностей чем в Европе, вести подрывную и повстанческую работу против СССР. В 1920-е годы по инициативе генерала Забайкальского войска И. Ф. Шильникова на западной границе КВЖД, в пограничной зоне Забайкалья по реке Аргунь создавались казачьи посты, из которых потом образовывались партизанские отряды под командованием казачьих офицеров: Почекунина, Гордеева, Мыльникова, Ширяева, Калмыкова и других. Партизанские группы хорошо знали местность и окрестное население. Местами партизанских операций были угольные районы Сучана, Иман, среднее течение Уссури, левый берег Амура от Хабаровска до Благовещенска, Хинганские горы, левый берег Аргуни, где партизаны доходили до Нерчинска и Борзи. Казачьи отряды, принимали участие в вооруженных выступлениях против советской власти на территории СССР [148].

П. Н. Краснов, как руководитель Братства Русской Правды, уделял особое внимание поддержке белого партизанского движения в районе китайско-советской границы. В этом же направлении планировал свои действия руководитель Дальневосточного (Маньчжурского) Отдела РОВС генерал-лейтенант М. К. Дитерихс.

В целях унификации деятельности белоэмигрантов на Дальнем Востоке, японцы оказывали давление на местный Отдел РОВС, предлагая объединиться с семеновцами под угрозой роспуска и запрещения РОВС в Маньчжурии. Это соответствовало планам Семенова, стремившегося

объединить под своим руководством всю российскую эмиграцию региона. Эта идея воплотилась в создании Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ).

В 1930-е годы японское руководство планировало оккупировать часть территории СССР и создать марионеточное государство Сибирь-Го. Этот план предусматривал использование имени Семенова и кадров возглавляемого им Союза. Сразу после захвата Маньчжурии, начальник разведывательного отдела Штаба Квантунской армии подполковник Исимура предложил Семенову готовить вооруженные отряды из русских эмигрантов. В начале 1938 года эти отряды были сведены воедино. Образовавшееся воинское формирование стало именоваться бригадой «Асано», по имени японского советника полковника Асано Такаси. В период боевых действий у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, семеновцы находились в готовности к вторжению на советскую территорию в случае достижения японцами успеха. Военный план, составленный японским командованием в 1940 году, предусматривал использование белоэмигрантов в качестве разведчиков, диверсантов, переводчиков и проводников при штабах соединений японской армии, а также для подготовки и распространения пропагандистских материалов [149].

После нападения Германии на СССР атаман Семенов писал: «Нам, русским националистам, нужно проникнуться сознанием ответственности момента и не закрывать глаза на тот факт, что у нас нет другого правильного пути, как только честно и открыто идти с передовыми державами «оси» – Японией и Германией» [150].

## Глава 3. Политические организации.

На протяжении 1920-30-х годов в российской эмиграции было создано гигантское количество организаций и объединений разной политической направленности. Их можно разделить на две основные группы: тех, кто считал, что советская власть может гнить, но не может эволюционировать, и тех, кто рассчитывал на эволюцию большевистских порядков в сторону демократии.

Первые были убеждены, что эмиграция обязана сохранить непримиримое отношение к большевизму и не прекращать попыток бороться

с ним. Вторые призывали эмиграцию прекратить антисоветские выступления, поскольку это мешает мирному перерождению большевиков, и лишь провоцирует их на ответные репрессии. Непримиримая позиция была характерна главным образом для правых кругов эмиграции – монархистов и военных, на эволюцию рассчитывали представители левых партий от социалистов-революционеров до конституционных демократов.

Такое размежевание возникло в связи с начавшейся в РСФСР Новой Экономической Политикой. Непримиримое крыло эмиграции восприняло НЭП как временное отступление большевиков, но не как сдачу ими принципиально важных позиций. Правые политические деятели русского зарубежья предсказывали сворачивание НЭПа в течение ближайших нескольких лет. Свою позицию они основывали, в том числе, и на довольно откровенных высказываниях Ленина, называвшего НЭП «экономическим Брестом» [*]. Представители левых кругов эмиграции полагали, что привнесение элементов рыночных отношений в советскую экономику необратимо, и неизбежно повлечет за собой отказ большевиков от наиболее одиозных методов политического управления страной. Свою позицию они тоже иллюстрировали ссылками на Ленина, говорившего, что НЭП вводится «всерьез и надолго». Вместе с тем, большевистский лидер никогда не говорил, что НЭП вводится навсегда.

Тенденцию к консолидации обнаружил правый фланг, результатом чего явился созыв уже упоминавшегося Российского зарубежного съезда в Париже 4-11 апреля 1926 года. На съезде присутствовали 450 представителей от 200 организаций из 26 стран[151]. Съезд получил благословение митрополита Антония (Храповицкого) – главы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, и признал национальным вождем Великого Князя Николая Николаевича.

Появилось понятие «Зарубежная Россия» – сообщество людей, эмоционально связанных с родиной, не желающих ассимилироваться в странах, предоставивших им политическое убежище, стремящихся сохранить и передать своим детям национальную культуру России, намеренных

[*] Большевистский лидер проводил аналогию с Брестским миром. Советская делегация согласилась со всеми требованиями Германии, чтобы формально выполнить обещание, данное народам России выйти из войны. Расчет делался на то, что Германия в обозримом будущем все равно потерпит поражение от армий Антанты, и тогда условия мира можно будет не выполнять.

вернуться на родину, но не в качестве людей «прощенных» советской властью.

Мысли и чувства Зарубежной России наиболее полно отражала газета «Возрождение», выходившая в Париже с 1925 по 1940 год. Подводя итог первого года издания газеты, ее главный редактор Петр Бернгардович Струве писал: «За это время наши усилия были направлены на объединение *национального* общественного мнения за рубежом. Мы не задавались при этом мечтательной целью – разом объединить всех, одним ударом стереть все различия, утопить все разночувствия и разномыслия… То объединение, к которому звало и зовет «Возрождение», не есть объединение на какой-либо *доктрине* и какой-либо *партии*…

Мы сознательно и убежденно приемлем и выдвигаем *личный авторитет* Великого Князя… Авторитет не господства, а *служения*. Мы сознательно и убежденно рассматриваем себя, как слуг великого организма *Русской Армии*, той силы, которая встала на защиту бытия и чести России против разрушительной антинациональной смуты… Служа ей, мы слуги и глашатаи *белой идеи и белого движения*.

Мы сознательно и убежденно настаиваем на том, что Зарубежье должно духовно и политически не вариться в собственном соку, … а всеми своими мыслями и *действиями* быть обращено туда, к подъяремной внутренней России. Именно эта обращенность к внутренней России внушает нам и властно диктует не партийно-политическую программу, а некоторые основные и несдвигаемые линии нашего политического мышления и поведения…

России нужно возрождение, а не реставрация… Однако сейчас бесплодно вырисовывать те государственные пути, по которым пойдет возрожденная Россия, и тем более нелепо диктовать те формы, в которые выльется ее политическая жизнь. Вот почему у нас нет политических рецептов…» [152]

Между тем, для эмигрантской молодежи этого было мало, она ощущала потребность именно в политических рецептах. Сын П. А. Столыпина – Аркадий Петрович Столыпин, которому в то время было 23 года, вспоминает: «Повсеместно, даже в далеком Китае, Зарубежье ощущает себя как единое целое. Зарождается и постепенно утверждается термин – Зарубежная Россия – противопоставление России подневольной… В

духовном плане Зарубежье связывает Православие… Бьет ключом культурная жизнь… несмотря на ряд блестящих достижений, становление Зарубежной России неполноценно, так как оно для многих стало самоцелью. Оно в какой-то мере выхолащивало политический смысл пребывания эмиграции вне пределов родины. Оно размагничивало эмигрантов, как мнимое благополучие нэпа размагничивало многих подсоветских людей…

Эмигранты старшего поколения, которые хотят продолжать борьбу, по своей психологии *контрреволюционеры*: не *за* установление чего-то нового, а *против* чего-то существующего… По тогдашней психологии казалось, что можно быть *против* без разработки путей на будущее…

Бесперспективность эмигрантского быта, острое ощущение оторванности от России характерны уже с начала двадцатых годов для значительной части эмигрантской молодежи. Это – младшие чины белых армий (ставшие чернорабочими или водителями такси), студенты, старшие школьники… Авторитет старших (таких, как великий князь Николай Николаевич, Врангель, Кутепов) еще велик. Но все же в души начинает закрадываться тревога. Инстинктивно, без общего сговора, молодежь начинает собираться в кружки» [153].

В 1921 году возник кружок русской молодежи в Берлине, в 1924 году – на рудниках Перника в Болгарии, в 1928-м – в Белграде, 1929-м – в Тяньцзине, в 1930-м – в Праге. Возникла идея проведения объединительного съезда, который состоялся в Белграде в июле 1930 года.

Так возникла организация, которой предстояло стать одной из самых политически активных в русском зарубежье. Первоначально она называлась «Национальным Союзом Русской Молодежи» («НСРМ»). Устав, принятый в 1931 году, позволял принимать в Союз лишь тех, кто родился после 1895 года. В связи с этим было принято более адекватное название организации – «Национальный Союз Нового Поколения» («НСНП»). В процессе формирования политической доктрины, название было скорректировано вновь – с 1936 года организация именовалась «Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения» («НТСНП»). Под этим наименованием организация прошла Вторую мировую войну и в 1957 году последний раз поменяла название, превратившись в «Народно-Трудовой Союз российских солидаристов» («НТС»).

В тексте книги организация будет именоваться «НТС», в соответствии с последней, и наиболее часто используемой аббревиатурой.

Члены НТС – «новопоколенцы», называли себя преемниками Белого движения в антикоммунистической борьбе, хотя делали при этом важную оговорку. Главной задачей они считали исправление ошибок своих предшественников [154]. Так, например, один из основных лозунгов Добровольческой армии: «Единая и Неделимая Россия», члены НТС называли «образцом казенного патриотизма». По их убеждению, эта формула не лежала в плоскости тех основных вопросов, которые интересовали население в годы Гражданской войны. Она не позволила белому командованию создать партнерские отношения с государствами, образованными на территории бывшей Российской Империи [155].

НТС критиковал характерную для белогвардейцев позицию «непредрешенчества» – вопрос о форме государственного устройства России относили к компетенции Учредительного собрания, которое планировалось созвать лишь после окончательной победы над большевиками. НТС указывал на то, что помимо формы правления, «непредрешенчество» оставляло открытыми и другие вопросы, более актуальные для граждан страны: земельный, социальной политики, национальностей. По убеждению «новопоколенцев», люди, выступающие под лозунгом «непредрешенчества», не имеют идеологии [156].

Члены НТС считали себя основателями нового движения с новой идеологией и новыми методами борьбы. Идеология НТС, именуемая «солидаризмом», была создана на основе трудов российских ученых: С. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева, С. А. Левицкого, С. Н. и Е. Н. Трубецких, И. А. Ильина, Г. К. Гинса и других. Соответственно, разработанная НТС доктрина отвечала гуманистическим традициям: «Мы противники коммунизма и коллективизма, стремящихся поработить личность, создать «стандартный тип» человека и уничтожить все индивидуальные и духовные ценности…» [157]

Доктрина солидаризма охватывала проблемы истории, философии, экономики, социологии, текущей политики. НТС, по сравнению с другими эмигрантскими организациями, имел самые обширные теоретические разработки, которые нашли отражение в «Идеологическом положении» 1930

года, «Программном положении» 1938 года, «Курсе национально-политической подготовки» 1938 года и других документах.

Солидаристы отстаивали идею твердой центральной власти в сочетании с принципом равенства всех граждан перед законом. Они считали необходимым обеспечение гражданских прав и свобод в обществе: свободу выбора места жительства внутри страны и выезда за границу; свободу слова, печати, собраний, союзов; научного и художественного творчества; философских и политических убеждений. Политическая доктрина НТС предусматривала неприкосновенность личности, жилища, имущества и переписки; право на труд, образование, социальную помощь, обеспечение старости, право представительства, право занятия любой должности, право на доброе имя [158].

Сегодня все эти положения могут показаться самоочевидными или, напротив, недостаточно проработанными. Но следует учитывать, что они создавались в условиях гитлеровской Германии, и за несколько лет до принятия «Всеобщей декларации прав человека» ООН.

НТС заявлял о себе, как о националистической организации, но понятие «национализм» трактовал по-своему: «Национализм не означает ни национального эгоизма (шовинизма), ни империализма (подавления одной нации другой)… Национализм активно проявляется в потребности служения своему отечеству» [159].

Солидаристы оперировали понятием «российская нация» и рассматривал ее как сообщество равноправных народов России, осознавших на протяжении многовековой совместной исторической судьбы, общность государственных, экономических и культурных интересов.

В экономической части программы, солидаристы отстаивали принцип частной собственности, частной экономической инициативы, свободы экономических отношений. Восстановление сельского хозяйства они связывали с возрождением социального слоя мелких земледельцев-собственников. НТС отвергал возможность частного владения капиталом в тяжелой индустрии. Все отрасли промышленности, имеющие национальное значение, должны, по их убеждению, находиться в руках правительства.

В социальном плане солидаризм означал сотрудничество различных классов общества в интересах российской нации, и противопоставлялся идее классовой борьбы.

НТС не разделял надежду левых кругов эмиграции на эволюцию советской власти, но и не считал, в отличие от правых, что падение большевизма может произойти только в результате «весеннего похода». Воплощение своих идей в реальность НТС видел на путях Национальной революции в России, концепция которой обсуждалась на II Съезде НТС в 1931 году – в разгар коллективизации в СССР. Основной силой Национальной революции НТС считал своих сверстников, выросших в Советском Союзе. Свою задачу солидаристы видели в идейном оформлении революционного движения советских (или «подсоветских», как их тогда называли) граждан. В плане практической деятельности НТС искал пути проникновения своих эмиссаров на советскую территорию. Цель – выяснение психологической обстановки в стране применительно к возможности создания опорных точек организации [160].

Предвидя войну между Германией и СССР, НТС выдвинул концепцию создания «третьей силы», которая, согласно замыслу, должна была противостоять как Сталину, так и Гитлеру. Конкретное воплощение «третьей силы» виделось в создании российской антисоветской армии под руководством одного из генералов РККА, который порвет с большевизмом. Для выполнения задачи по организации «третьей силы», НТС должен был установить непосредственный контакт с «подсоветскими» людьми. Эта задача осуществлялась по двум направлениям: проникновение членов Союза на оккупированную немцами территорию СССР, и работа с советскими военнопленными и гражданскими лицами, вывезенными на работу в Германию.

Один из активистов НТС Борис Прянишников вспоминает, что руководство организации поставило перед шедшими в Россию соратниками задачу распространять идеи Союза, образовывать тайные союзные организации в среде населения, создавать тайные ячейки в воинских частях, формировавшихся немцами из пленных красноармейцев [161].

Несмотря на серьезные идейные разработки, созданные солидаристами в 1930-е годы, детализированной программы у них не было. Союз сознательно ждал возможности привлечь к составлению программы людей с опытом жизни в СССР. В этом позиция НТС отличалась от точки зрения организации А. В. Туркула.

Программный документ НТС военного времени – «Схема национально-трудового строя», будет создаваться с учетом психологии людей, выросших в условиях господства одной идеологии, одной формы собственности, одной партии, одного вождя.

Для того, чтобы оценить позицию РОВС, РНСУВ, НТС, целесообразно рассмотреть также и альтернативное направление общественной мысли в эмиграции. В феврале 1936 года в Париже инициативная группа эмигрантов заявила о создании новой политической организации – Русского эмигрантского оборонческого движения (РЭОД). В ее основание легла идея: «Оборонец тот, кто при всех условиях ставит защиту своей родины выше политических разногласий с властью» [162]. Были созданы Организационная комиссия (Н. Алексеев, Г. Грехов, В. Лебедев, А. Петров, А. Пилипенко, М. Слоним, Ю. Ширинский) и ревизионная комиссия (В. Издебский, П. Коротков, В. Яновский).

Появление организации было вызвано уверенностью ее основателей в том, что СССР грозит внешняя опасность: «Планы враждебных России держав к началу 1936 года выяснились с совершенной очевидностью. В этих планах Россия рассматривается, как объект колониальной политики, необходимый для наций, якобы более достойных и цивилизованных. Более или менее открыто говорится о разделе России,… поддерживаются всякие сепаратистские движения, возможные в многонациональной стране в революционный период ее жизни» [163].

В РЭОД приняли участие люди с различной политической судьбой. Одни заявляли о своей готовности защищать советскую власть без всяких оговорок. Другие заранее предупреждали, что только временно, «пока отечество в опасности», они откладывают свои претензии к большевистскому режиму, намереваясь потом предъявить их снова.

Мировоззрение РЭОД базировалось, прежде всего, на концепциях «сменовеховства», «национал-большевизма» «евразийства» и «утвержденчества», созданных в эмиграции.

Идеологом «сменовеховства» был Н. В. Устрялов, который считал, что «с Россией все ясно, только бы она была мощна, велика, страшна врагам. Остальное приложится» [164]. Победа Красной Армии в Гражданской войне, продемонстрировавшая ее военное превосходство над белыми, стала для Устрялова достаточным основанием для того, чтобы не только примириться

с большевизмом, но и признать его национальной русской властью. Свой уровень мышления Устрялов ярче всего продемонстрировал в 1925 году в статье «Памяти В. И. Ленина»:

«Он был… глубочайшим выразителем русской стихии в ее основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног. И самый облик его – причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола – подлинно русский, «евразийский». Много таких лиц на Руси, в настоящем, именно «евразийском» русском народе:

– «Ильич»…

А стиль его речей, статей, «словечек»? О, тут нет ни грана французского пафоса, столь «классически революционного». Тут русский дух, тут Русью пахнет…

Пройдут годы, сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары… и «наступит история». И тогда все навсегда и окончательно поймут, что *Ленин – наш*, что *Ленин – подлинный сын России*, ее национальный герой – рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым…» [165]

Взгляды Устрялова легли в основу еще одного течения в эмиграции – национал-большевизма, мало отличавшегося от сменовеховства, что не мешало разработчикам каждого из направлений конфликтовать между собой.

Одним из главных идеологов РЭОД был Н. Н. Алексеев, бывший профессор юридического факультета Московского университета и член Всероссийского земского союза. Во время пребывания в Берлине в 1918 году, Алексеев сделал вывод, во многом определивший его мировоззрение: большевизм нельзя свергнуть при помощи иностранной интервенции. Своей задачей на том историческом этапе он считал участие в формировании Белых армий. В 1920-е годы, находясь в эмиграции, Алексеев стал одним из разработчиков евразийской теории. В книге «На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности)», вышедшей в 1927 году, он выдвинул концепцию «идеократического государства»: оно должно взять на себя организацию всей жизни общества, и, прежде всего, народного хозяйства, на смену классовым организациям должны придти организации «государственно-идеологические».

Идейную основу евразийства, образовали несколько идеологем, в частности – резко критическое отношение к романо-германскому Западу.

Евразийцы считали, что русская революция была, с одной стороны, катастрофическим завершением «гибельного процесса европеизации страны», с другой же – началом «благодетельного поворота России к Востоку». Эта концепция, разрабатывавшаяся в 1920-е годы, во многом определила позиции оборонцев в середине 1930-х годов.

Другой видный идеолог РЭОД – князь Ю. А. Ширинский-Шихматов – был до революции офицером-кавалергардом и военным летчиком, в эмиграции – шофером такси. В 1920-е годы он стал инициатором создания Союза российских национал-максималистов, на свои деньги издавал журнал «Утверждения», вокруг которого объединились несколько идейно-близких групп. Утвержденцы критиковали капиталистическое общество и мечтали о создании общества «социальной правды и подлинной демократии».

Утвержденцы, главным идеологом которых стал Ширинский-Шихматов, в отличие от сменовеховцев и евразийцев, не только не принимали правящий коммунистический режим в России, но и призывали к борьбе с ним, хотя и совершенно иными методами, чем РОВС, они отвергали интервенцию.

Писатели и литературоведы М. Л. Слоним и В. И. Лебедев представляли левоэсеровское направление в РЭОД. Они были делегатами съезда бывших членов Учредительного собрания, который проходил в Париже в 1921 году. Там они проявили свою приверженность левой идеологии, что стало одной из причин произошедшего на съезде раскола. Лебедев еще в 1919 году был в числе тех, кто считал поддержку адмирала А. В. Колчака преступлением против России. Он утверждал, что большевизм должен быть изжит путем внутренней эволюции, которой и нужно содействовать.

В № 1 газеты «Оборонческое движение», вышедшем в Париже в мае 1936 года, говорилось, что РЭОД – «не продукт сговора нескольких лидеров более или менее фиктивных политических организаций. Это ответ нескольких человек, принадлежащих разным направлениям, на настойчивое низовое требование беспартийной эмигрантской массы» [166]. В качестве первой предпосылки оборончества Ширинский-Шихматов назвал стремление эмигрантов выразить сочувствие «происходящей в России национальной революции» (он, однако, не объяснял, что подразумевает под этим термином). Надежды на перерождение большевиков периодически проявлялись в эмиграции и способствовали добровольному возвращению эмигрантов в СССР. Первая, бытовая и сменовеховская волна реэмиграции,

была связана с НЭПом и порожденными им надеждами на эволюцию большевизма. Новая, очень небольшая по численности, группа вернулась на родину в конце 1930-х годов, что было вызвано, в том числе, и частичной реабилитацией российского национального самосознания в Советском Союзе. П. Н. Милюков в те годы даже высказывал предположение, что чистки в рядах ВКП (б) и судебные процессы над представителями «ленинской гвардии» Сталин осуществляет для того, чтобы избавиться от «засилья левых».

Возможно, что именно эти процессы, характерные для СССР второй половины 1930-х годов, Ширинский называл «национальной революцией». Словосочетание это часто появлялось на страницах эмигрантских газет разной политической ориентации, и смысл в него вкладывался разный. Солидаристы из НТС считали бы «национальной революцией» свержение Сталина, а не его собственную внутреннюю политику.

Еще одной важной предпосылкой эмигрантского оборончества Ширинский-Шихматов считал «естественную патриотическую тревогу», которая тем сильней у эмигранта, чем больше он ощущает в нынешнем «эволюционирующем СССР – вечную Россию, свою страну, свое отечество» [167]. Он отмечал наметившуюся среди эмигрантов тенденцию отмежеваться от реставраторов, от тех, кто готов идти против большевиков «хоть с чертом». Белое движение он характеризовал как трагическую ошибку («пусть – из лучших побуждений»). Он утверждал: «Генеральная линия российской истории проходила через Москву, а не через Омск, Архангельск и Севастополь». Возможно, он тем самым стремился исторически оправдать победу большевизма.

В любом случае, Ширинский-Шихматов не призывал эмигрантов идти каяться в полпредство СССР или записываться в «возвращенцы». Он заявлял: «Служить России он («среднестатистический эмигрант» – Ю. Ц.) хочет, оставаясь таким, каков он есть, с теми убеждениями, которые ему присущи… Сочувствие России… не совпадает с признанием марксовой доктрины» [168].

Появление РЭОД вызвало мощную ответную реакцию на страницах зарубежной печати: эмигрантские политические группировки были вынуждены заняться организованным обсуждением вопросов, поднятых РЭОД. В ходе обсуждения была подготовлена почва для совместных

действий различных организаций и лиц, разделяющих основные идеи оборончества в духе РЭОД.

Одной из своих главных задач организаторы РЭОД считали борьбу с «пораженчеством любого толка», категорически отказывая своим оппонентам в каком-либо другом понимании патриотизма, кроме как защиты страны во время войны с внешним врагом, независимо от существующего в ней политического строя: «Во имя борьбы с существующим в России правительством, некоторые круги эмиграции открыто солидаризируются с… вражескими планами, надеясь ценою раздробления родины купить себе возможность возврата в нее и захвата в ней государственной власти» [169].

Между тем авторитетные лидеры правого крыла эмиграции, принципиально остававшиеся на позициях «Единой и Неделимой России», но желавшие сталинскому СССР поражения, заявляли о своем отказе от всяких имущественных и властных притязаний после свержения большевизма в России. Как уже отмечалось, эти идеи были приняты как руководство к действию Российским зарубежным съездом 1926 года. Они базировались на принципах, провозглашенных политическим лидером эмиграции Великим Князем Николаем Николаевичем и председателем РОВС П. Н. Врангелем. Приверженность этим идеям неоднократно подтверждалась и в начале 1940-х годов [170]. Однако, это очевидное обстоятельство основателями РЭОД игнорировалось.

В то же время, хорошо представляя себе психологические типы эмигрантов, для которых были характерны пораженческие настроения, идеологи РЭОД пытались перетянуть их на свою сторону. Так, Марк Слоним стремился убедить тех, кто считал Россию погибшей, в том, что революция – это не только крушение старого уклада жизни, но и рождение нового. Других, которые, по его оценке, перенесли свою ненависть к большевизму на весь народ, он упрекал в потере эмоциональной связи с народом [171].

Особое значение основатели РЭОД придавали разоблачению расовой теории германских нацистов. Н. Н. Алексеев писал, что некоторые эмигранты «не отдают в ней никакого отчета и потому считают немцев своими друзьями и возможными освободителями России» [172]. Свою статью, опубликованную в № 1 газеты «Оборонческое движение», он проиллюстрировал цитатами из Гитлера, Розенберга, Франка, передовиц нацистской печати и книги Гауха «Новые основы учения о расах».

В том же номере отдельно была приведена большая подборка высказываний вождей Третьего Рейха о «превосходстве германской нации» над всеми другими, в том числе и над русской. Алексеев заканчивает свою статью следующим утверждением: «Благородное человечество» обязано германскому духу созданием еще другой теории, применение которой стоило также не мало крови – теории борьбы классов. Но эта последняя учит о «последнем освобождении» всех людей через «класс-Мессию» – международный пролетариат. В основах своих теория борьбы классов гуманистична, тогда как теория борьбы рас – явно бесчеловечна. Она зовет не к «последнему освобождению», но к «последнему угнетению», как идеалу… И бороться с марксизмом силой национал-социализма – не значит ли это просто – «из огня да в полымя»? [173]

Участники РЭОД уделяли много внимания Дальнему Востоку: положению российских эмигрантов в Маньчжурии, агрессивным планам Японии и безопасности дальневосточных границ СССР. Поэтому одним из главных объектов критики РЭОД избрало Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Инициатива создания Бюро исходила от командования Квантунской армии, цель которого состояла в том, чтобы таким образом облегчить себе проникновение на территорию советского Дальнего Востока. С русской стороны вдохновителем создания Бюро был атаман Г. М. Семенов, который использовал его для преследования эмигрантов, не согласных с его взглядами и действиями. Жертвами преследования становились не только либерально настроенные эмигранты, но и представители правых кругов. По этим вопросам основатели РЭОД неоднократно направляли телеграммы Генеральному секретарю Лиги Наций Авенолю и председателю международного офиса Нансена для беженцев Гансону: они просили защитить своих соотечественников, проживающих на Дальнем Востоке, от преследования со стороны Бюро по делам русских эмигрантов в Манчжурии.

Идеологам РЭОД приходилось и самим отвечать на критику, исходившую, в том числе, и из лагеря, который она считала близким по духу. П. Н. Милюков в своей газете «Последние новости» обвинял организаторов движения в том, что они присвоили себе название того явления, которое существовало в эмиграции уже давно и независимо от них. Ему возражали,

что главным является единение оборонческих сил, а не выяснение того, кто был провозвестником идеи.

Одним из важнейших для РЭОД был вопрос: «Станет ли Красная Армия защищать Россию?» Ответ давался только положительный. При этом утверждалось следующее: «Да, народы Союза будут защищать свою страну. И не только территорию, посевы и недра, леса и реки: они будут защищать землю, родившую Революцию, освободившую их от векового рабства царю и помещикам; Революцию, вернувшую им человеческое достоинство»[174].

Подобные утверждения дали основание А. И. Деникину обвинить РЭОД в том, что оно черпает свою идеологию «на улице Гренель» [175], где находилось советское посольство.

Вступление в ряды РЭОД зачастую становилось результатом не адекватной оценки событий, происходящих в СССР. Так, донской казак Александр Семенченков писал: «Советское правительство, после семнадцатилетнего расказачивания казачьих областей, всенародно объявило о восстановлении казачества» [176]. Заявляя о начале «новой эпохи» для родных ему краев, он сообщал о возобновлении ношения казачьей формы в СССР и о том, что иногородним якобы предложено «в циркулярном порядке ее надеть». Из этого он делал вывод, что с вековой враждой казаков и иногородних покончено навсегда. Попутно он критиковал казаков-националистов, отстаивавших идею создания независимого государство Казакия на юго-востоке России после ликвидации СССР.

Но чаще участие в РЭОД становилось следствием перипетий эмигрантского существования. Так, Г. А. Грехов выступил со статьей в жанре открытого письма. Этот чрезвычайно эмоциональный документ свидетельствует, прежде всего, о разочаровании рядового участника Белого движения в руководителях военных организаций российского зарубежья: «Многолетние скитанья, «собачья жизнь», борьба за кусок хлеба и за право этот кусок хлеба заработать, бездеятельность и пустословие «вождей» заставили нас задуматься и посмотреть в будущее уже не чужими, а своими собственными глазами… Началась внутренняя вражда, и доброволец 1917 года перестал узнавать добровольца 1936 года» [177].

Приход людей, подобных Грехову, в лагерь оборонцев, равно как и противоположное стремление других связать с Гитлером надежду на долгожданный «весенний поход», было следствием одного и того же:

глубокого психологического надлома, охватившего российское зарубежье вообще и военную эмиграцию в частности во второй половине 1930-х годов.

Другим генератором идей советского оборончества были издававшиеся в Париже в 1930-е годы сборники статей «Проблемы». Об истинных планах Гитлера в отношении России авторы сборников начали писать еще задолго до начала Второй мировой войны [178]. Особое опасение у них вызывали планы раздела страны [179]. Редакция «Проблем» считала существование СССР в его границах «совершенно необходимым для народов, населяющих Россию, и для прогресса всего человечества…» [180]

# Часть II
# Белая эмиграция в военно-политическом противостоянии 1941-1944 годов.

## Глава 4. Взаимоотношения с германской администрацией.

Ни в среде российской эмиграции, ни в германских политических и военных структурах не было однозначного отношения к проблеме сотрудничества. Среди представителей российской диаспоры было много людей, ни при каких условиях не допускавших возможности установления деловых связей. Их взаимоотношения с немцами могли развиваться только по линии военного, политического и морального противостояния. Такой позиции придерживались в основном те эмигранты, которые еще в 1920-е и 1930-е годы пошли по пути примирения с советской властью.

Белая эмиграция, сохранившая непримиримое отношение к большевизму, допускала возможность сотрудничества с немцами, но выбор конкретных партнеров и формы совместной работы зависел от многих обстоятельств.

В 1937 году германские власти предприняли меры для того, чтобы «привести в порядок» русскую эмиграцию, проживающую в пределах Рейха. Было создано единое Управление Делами Русской Эмиграции (УДРЭ), которое в качестве «правительственного комиссара» возглавил генерал-майор Василий Викторович Бискупский. Он впервые связал свою судьбу с Германией в 1918 году, когда в качестве «генерального хорунжего»

командовал войсками гетмана Украины П. П. Скоропадского, фактически подчиненного немцам. В июле-сентябре 1919 года, находясь в Берлине, Бискупский выступал в роли главы «Западнорусского правительства», которое, однако, не было признано Н. Н. Юденичем, чьи войска действовали в западных областях России.

В 1920 году, уже будучи эмигрантом, Бискупский участвовал в капповском путче в Германии, стал одним из руководителей общества «Ауфбау», созданного по инициативе Э. Людендорфа с целью налаживания контактов русских правых с немецкими националистами. По некоторым данным, в доме Бискупского после неудачного «пивного путча» в Мюнхене в 1923 году, скрывался Адольф Гитлер. Бискупский обладал обширными связями в высших кругах Рейха, помимо Гитлера, был лично знаком с Герингом, Розенбергом, поддерживал отношения с Военным министерством, Министерством пропаганды, Гестапо, иностранным отделом НСДАП [181].

Возглавив УДРЭ, Бискупский номинально стал главной фигурой среди русских эмигрантов, проживающих в Германии. Подробности его жизни известны не слишком хорошо, о его личных качествах дают представления воспоминания П. Н. Врангеля. Начав военную карьеру и дослужившись до звания полковника, Бискупский в 1912 году оставил службу и занялся коммерческой деятельностью – «основал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними» [182].

Вернувшись в армию, Бискупский был зачислен в Иркутский гусарский полк и, быстро продвигаясь по службе, в 1916 году принял командование дивизией. Описывая деятельность союза офицеров, возникшего в феврале-марте 1917 года, Врангель сообщает: «С первых же дней среди членов союза возникла группа «приемлющих революцию», решивших на этой революции сделать свою карьеру… «Поставившим на революцию» оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1-ой кавалерийской дивизии, генерал Бискупский. Лихой и способный офицер, весьма не глупый и с огромным честолюбием, непреодолимым желанием быть всегда и всюду первым… В Петербург он попал делегатом в совет солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию совета совместно с несколькими солдатами, ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть выбранным

председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло, выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга» [183].

Столь же скептически Врангель сообщает о проектах Бискупского, связанных с гетманом Скоропадским: «Я встретил старого однополчанина моего генерала Бискупского, которого я не видел после попытки его «поставить на революцию». Теперь он носился с новым планом – каких-то украинских формирований, долженствующих впоследствии начать в самой Украине борьбу против самостийных элементов. Конечно, и этот план должен был также рухнуть, как и ставка на революцию» [184].

Бискупский упоминается Врангелем и в связи с деятельностью генерал-лейтенанта А. В. Шварца – командующего русскими войсками в Одесском районе в период французской оккупации: «В числе его ближайших помощников оказался и генерал Бискупский, долженствовавший занять пост инспектора кавалерии и обратившийся из украинского «генерального хорунжего» в генерала «демократической русской армии» [185].

Находясь в эмиграции, Бискупский зарекомендовал себя как убежденный монархист.

Планируя боевые действия по разгрому Красной Армии, вожди Рейха не создали единой концепции в отношении территорий, которые предстояло оккупировать. К 22 июня не было четких планов и в отношении эмигрантов, которые стремились принять деятельное участие в готовящихся событиях. Российских эмигрантов не допускали на оккупированные территории без специального разрешения [186].

Альфред Розенберг, живший до революции в России, препятствовал проникновению русских эмигрантов на оккупируемые территории СССР, выступал против формирования там каких-либо русских национальных организаций. Он сделал ставку на сепаратистские силы, в том числе из эмигрантской среды. Как руководитель «Восточного министерства», он разработал план создания пяти рейхскомиссариатов: «Остланд», «Руссланд», «Украина», «Кавказ» и «Туркестан».

Министр пропаганды Йозеф Геббельс планировал привлечь к работе специалистов по «еврейскому вопросу» из числа эмигрантов. Таковыми стали: барон А. В. Меллер-Закомельский – один из руководителей русского

фашистского движения в эмиграции и Н. Е. Марков – бывший лидер фракции крайне правых в Государственной Думе, который еще до войны работал в организации «Мировая Служба» полковника Флейшгауэра – своего рода «антисемитском интернационале».

Интересы рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера шли по линии формирования на оккупированных территориях отрядов полиции из представителей местного населения. С конца 1942 года речь пошла о создании особых частей в составе войск СС.

В Вермахте отношение к проблеме формировалось с точки зрения военной целесообразности, чаще, без идеологических примесей, характерных для вождей партии. После неудачи блицкрига среди немецкого офицерства появилось немало людей, увидевших гибельность для Германии гитлеровской «восточной политики». Это было наиболее характерно для двух социальных групп из числа немецких военных. Прежде всего, для потомственной аристократии – дворян, чьи предки из поколения в поколение создавали мощь германского государства, дослуживаясь при этом до генеральских чинов. Австрийского «ефрейтора» из маргинальной среды они могли воспринимать на посту главы государства до тех пор, пока тот справлялся со своими обязанностями. Во-вторых, отход от нацистской ортодоксии был характерен для балтийских немцев, не довольных последствиями пакта Молотова-Риббентропа. Эстония, Латвия и Литва были оккупированы Сталиным явно с согласия Гитлера. Если аристократы просто считали, что любого противника, в том числе и русских, следует уважать, а не относиться к ним как к представителям низшей расы – «унтерменшам», то балтийцы шли ещё дальше в плане ревизии идей фюрера. Они знали Россию и делали расчет на то, что власть и общество в СССР находятся в состоянии антагонизма. Некоторые из них в своё время служили в Русской Императорской Армии, и даже принимали участие в антибольшевистской борьбе в годы Гражданской войны в России.

Уже в 1941 году в среде немецкого офицерства возникла идея создать учреждение, которое воспринималось бы гражданами СССР как российское правительство, альтернативное сталинскому. При таком учреждении планировалось сформировать вооруженные силы из советских военнопленных и перебежчиков. Определенная роль в этом проекте отводилась эмигрантам.

Использование российских эмигрантов в войне с СССР не входило в планы Гитлера. Их стремление восстановить «Единую и Неделимую Россию», абсолютно не соответствовало его собственным намерениям. Как предусматривалось инструкцией 1940 года, «внутри каждой народности мы не заинтересованы в сохранении единства или во внедрении в них национального сознания и в развитии их национальной культуры…» [187] В эмигрантах, как в чисто военной, а не политической силе, Гитлер в начальный период войны не нуждался, или, по крайней мере, считал, что не нуждается.

В кругах российской эмиграции, настроенной на сотрудничество с немцами, особенно среди ветеранов Белого движения, было принято считать, что с властями Рейха можно найти общий язык. Но для этого необходимо организационное объединение российской диаспоры на принципах «нового государственного национализма». Начали создаваться новые организации эмигрантов в оккупированных Гитлером странах.

Задачи и механизм функционирования таких организаций целесообразно рассмотреть на примерах Франции и Польши. Во Франции к концу 1930-х годов сложилась наиболее многочисленная российская диаспора бывших активных участников борьбы с большевизмом, Польша же представляет интерес в силу своего географического положения – между Германией и СССР.

В Париже, вскоре после его занятия германскими войсками, русские эмигранты-националисты приступили к созданию Русского Представительного Комитета. Это начинание встретило резкую оппозицию со стороны либерально-демократической части зарубежья. Прежний Эмигрантский Комитет под председательством бывшего российского посла во Франции В. А. Маклакова считал своей основной задачей выяснять проблемы, стоявшие перед российскими эмигрантами, проживающими в этой стране, и предлагать французскому правительству конкретные пути решения этих проблем [188].

Новый Комитет явился воплощением желания националистически настроенной части русской эмиграции иметь своё представительство и попечительство у новых оккупационных властей. Комитет получил поддержку от наиболее крупных правых и право-центристских военных,

политических и общественных эмигрантских организаций. Печатный орган Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ) – журнал «Военный журналист» привел их список: Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), РНСУВ, Кружок Ревнителей Православного Государства, Имперский Союз, Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТС), Союз Легитимистов, Союз Инженеров, Союз Русских Сестёр Милосердия имени Вревской, Русская Зарубежная Военная Академия, Союз Шофёров. От имени Русской Православной Церкви за рубежом, создание Комитета приветствовал митрополит Серафим [189].

В отношении РОВС, однако, следует сделать оговорку. Руководство этой организации сначала выразило верность прежнему, либеральному Комитету. Но затем, как сообщал «Военный журналист», – «по этому вопросу обозначилось расхождение и отрыв военно-эмигрантских верхов от военно-эмигрантской массы. В конечном итоге верхам пришлось уступить» [190].

Новый Комитет счёл для себя обязательным принятие следующих руководящих идеологических начал:

«1) Абсолютная непримиримость к иудо-марксистскому интернационалу и масонству всех толков.

2) Борьба со всеми силами, мешающими возрождению Национальной России.

3) Считая, что православие сыграло основную роль в создании Российского Государства, одухотворив Российскую имперскую идею, видеть в вере Божьей залог возрождения нашего Отечества» [191].

Комитет поставил перед собой задачу трудоустройства эмигрантов. С этой целью выходцам из России, проживающим в оккупированной части Франции, оказывалась помощь для переезда в Германию. Также планировалось переселять в Рейх русских эмигрантов из не оккупированной части Франции, на этот счет велись переговоры с правительством в маршала А. Петэна в Виши.

С 1 сентября по 10 ноября Комитет принял 3 264 посетителя. Из 962 прошений 721 удалось привести к положительным результатам. К 10 ноября 1941 года Комитет устроил на работу в Германии 205 человек и 251 человека во Франции, главным образом в германские учреждения. С 1 августа по 10 ноября Комитет истратил на благотворительные нужды 143,5 тысячи

франков. Основную часть суммы предоставили германские власти. Русские эмигранты, сотрудничавшие с Комитетом, были избавлены от необходимости, после 22 июня 1941 года, регулярно являться в полицию для регистрации [192].

Руководители Русского Представительного Комитета – Юрий Сергеевич Жеребков, внук одного из генерал-адъютантов Николая II, ходатайствовал перед германской оккупационной администрацией об освобождении своих соотечественников, которые были в свое время арестованы французами, и содержались в концентрационных лагерях. В большинстве случаев, эти лица были обвинены в шпионаже в пользу Германии, в участии в «пятой колонне», и просто в «германофильстве». Ходатайствовал Комитет и об освобождении русских, мобилизованных французами, и ставших затем военнопленными. Организация занималась также решением многих бытовых и социальных проблем.

Среди эмигрантов из России, служивших во французской армии, были люди, обладавшие разным юридическим статусом и с разной судьбой. Часть эмигрантов имело французское гражданство, другие, проживая в этой стране, относились к категории «апатридов» – лиц без подданства и были обладателями «Нансеновского паспорта». Среди тех и других были официально призванные на французскую военную службу и добровольцы. Среди представителей всех этих категорий, было немало бывших чинов Русской Императорской Армии и Белых армий. Значительное количество входило в эмигрантские военные организации, объединенные в РОВС. Среди российских эмигрантов, служивших во французской армии были также и те, кто по возрасту не мог принимать участия в Первой мировой и Гражданской войнах. Но многие из них также были объединены в союзы, большинство которых, разделяя идеологию РОВС, примыкали к нему.

После капитуляции Франции в 1940 году руководитель РОВС генерал-лейтенант А. П. Архангельский также проявил обеспокоенность судьбой всех без исключения российских эмигрантов, оказавшихся в положении военнопленных. 28 июня он направил правительству Германии «Памятную записку», в которой высказал надежду на облегчение участи своих соотечественников. При этом он ссылался на опыт польской кампании 1939 года. После ее завершения немцы позволили выходцам из России, принявшим в свое время польское гражданство, вернуть себе статус

эмигрантов, русские, призванные в армию польским правительством, были освобождены из плена. Кроме того, Архангельский подчеркнул, что ему известно благожелательное отношение германского правительства к эмигрантам из России, особенно к военным, в которых оно справедливо видит непримиримых врагов коммунизма[193].

Генерал-лейтенант М. А. Свечин, возглавлявший организации РОВС на юге Франции, оставшейся вне германской оккупации, принял решение о вхождении в состав французского Легиона Комбатантов, созданного приказом маршала А. Петэна [194].

22 ноября 1941 года на собрании в Salle Rochefoucault, в Париже Жеребков произнес программную речь о целях и задачах русской эмиграции [195]. Нет оснований утверждать, что все его аргументы были приемлемы для белоэмигрантов, но настроения определенной части диаспоры, он, безусловно, выражал.

Основную часть своего выступления Жеребков посвятил обоснованию своей политической и этической позиции: «…Вольные или невольные, английские и советские агенты… стараются разжечь в эмиграции ложно-патриотические чувства и постоянно твердят некоторым простакам: «Как, неужели вы, русские люди, радуетесь победе немецкого оружия? Подумайте, немцы убивают миллионы русских солдат, разрушают города, течет русская кровь!» Есть даже такие, к счастью очень малочисленные, которые уверяют, что долг русских всеми силами поддерживать советскую армию, которая является русской армией, а Сталин – защитником национальных интересов. Тех же, кто с этим не соглашается, они обвиняют в измене Родине… Да, течет русская кровь, гибнут русские жизни, – но о них как-то меньше волновались, когда жидовское правительство в Москве уничтожало ежегодно еще большее количество людей… Неужели же жизнь в европейских странах заставила вас забыть все ужасы большевизма и то, чем является сам по себе большевизм? Вспомните миллионы жертв советского террора, сотни тысяч офицеров и солдат, десятки тысяч священнослужителей, десятки миллионов русских рабочих и крестьян, уничтоженных той властью, которую некоторые уже готовы были бы принять за национальную! Наконец, вспомните ту страшную июльскую ночь, когда в подвале Екатеринбургского дома, пролилась кровь Императора-Мученика и Царской семьи!! Ни один истинно русский человек не может признать убийц Царя, убийц миллионов русских

людей – национальным русским правительством и советскую армию – русской» [196].

Жеребков приветствовал стремление эмигрантов отправиться в Россию: «Патриот тот, кто, не ставя условий, идет переводчиком, врачом, инженером и рабочим, со стремлением помочь русскому народу забыть большевистское иго и изжить страшный марксистский яд, проникший ему в душу». При этом он настаивал на дифференцированном подходе к проблеме отъезда представителей российского зарубежья на оккупированные территории СССР: «Я еще раз повторяю, что возврат всей эмиграции в Россию был бы величайшим несчастием для нашей Родины и опасностью для будущей Европы, так как среди нас есть много вредных элементов. Не надо забывать, что кроме белых бойцов армий Врангеля, Колчака и Юденича… в Париж, Нью-Йорк и Лондон приехали те господа, которые подготовили революцию 17-го года и привели Россию к гибели». Жеребков также сказал об опасности возвращения в Россию «реакционеров, мечтающих о своих губернаторских постах и имениях» [197].

Тех эмигрантов, которые предупреждали об истинных намерениях нацистов в отношении России, Жеребков охарактеризовал как агентов влияния Москвы и Лондона: «…Покамест Германское Правительство не объявит официально своего плана и решения, касающегося России, пока не скажет свое последнее слово Фюрер Адольф Хитлер, – все является только предположением…» [198]

Жеребков признал, что расчет белой эмиграции на РККА не оправдался: «Хорошо когда-то писал «Часовой»: «Поскольку советская армия будет биться за своих владык, русским людям с нею не по пути; поскольку эта армия пойдет против этих владык, она немедленно станет русской армией». К сожалению, она бьется за своих владык!» [199]

Видимо, исходя из этого, Жеребков обосновал свое видение перспектив России после ожидаемого падения большевизма: «В интересах России, в интересах русского народа, нужно, чтобы немцы сами, или же при посредстве ими же руководимого русского правительства, в течение ряда лет вели русский народ. Ибо после тех экспериментов, какие жидовский Коминтерн производил в течение четверти века над русскими, только немцы могут вывести их из полузвериного состояния» [200]. Высказав эту мысль,

Жеребков, нарушил белоэмигрантскую традицию связывать с ожидаемым поражением СССР надежду на восстановление *суверенной* России.

В конце выступления Жеребков произнес панегирик в отношении нацистского лидера: «Адольф Хитлер – спаситель Европы и ее культуры от жидовско-марксистских завоевателей, спаситель русского народа, войдет в историю России, как один из величайших ее героев» [201].

21 апреля 1942 года по инициативе германских властей Русский Представительный Комитет был преобразован в Управление Делами Русской Эмиграции (УДРЭ) во Франции. Комитет был учреждением эмигрантов, созданным по их инициативе, УДРЭ было германским учреждением, в котором эмигранты работали в качестве служащих.

Во главе учреждения остался Жеребков, «экспертом по русским делам» при УДРЭ стал барон М. А. Таубе – член Международного Трибунала в Гааге, профессор Мюнстерского университета, бывший царский сенатор. При начальнике УДРЭ было организовано Совещание во главе с генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным – руководителем Высших военно-научных курсов, возглавившим все русские военные союзы и объединения в оккупированной Франции. В Управление была включена редакция газеты «Парижский Вестник», свои отделы составили культурно-просветительные и профессиональные организации.

Заместителем Жеребкова и начальником отдела «русского национального юношества» немцами был назначен полковник П. Н. Богданович – руководитель созданной до войны скаутской Национальной Организации Российских Разведчиков (НОРР). Из всех российских молодежных организаций за рубежом, НОРР считала себя наиболее программно-широкой и самой многочисленной. В 1938 году они оценивали свою численность в 12 тысяч человек, но эта цифра представляется завышенной. Однако в 1940 году численность НОРР должна была увеличиться – после оккупации немцами Франции, все организации российской молодежи в этой стране были объединены в одну, возглавляемую Богдановичем.

Идеалом организации была, разумеется, национальная Россия, в которой НОРР рассчитывала заменить собой октябрят, пионеров и комсомол. Своими вдохновителями «разведчики» считали Петра I и А. В. Суворова, в НОРР господствовал культ российской государственности, императорской

армии и флота. Организация строилась на принципах иерархии и единоначалия, в противовес демократическому и выборному началу. НОРР имела свой печатный орган – журнал «Потешный» под редакцией Николая Полторацкого. Это издание продолжало выходить и под немецкой оккупацией.

О своей работе Богданович писал 13 февраля 1942 года начальнику Болгарского Отдела НОРР следующее: «С молодежью вообще дело налаживается очень туго, слишком сильны еще старые привычки…; все же надеюсь наладить Объединение, то есть из соединения механического перевести его на линию соединения внутреннего – духовного. Крепче всех и дружнее всех работают Разведчики, им это делать не трудно, так как Новый порядок мы годами носили в себе, им дышали и в его принципах вели свою деятельность. Поэтому Разведчики перешли в Новый Мир без ломки, внутренних перестроек и отказа от своих убеждений и надежд» [202].

Деловой контакт с германским военным командованием НОРР установила после 22 июня 1941 года, преследуя цель направить активистов своей организации в Россию. Как и в случае других организаций, это удалось только частично. К марту 1942 на оккупированные территории выехало только десять «разведчиков» и «петровцев». Основной задачей, которую они поставили перед собой, была работа с советской молодежью [203].

В Варшаве, к моменту её капитуляции перед немецкими войсками, существовали три эмигрантских организации: Русское Благотворительное Общество в Польше, Русский Попечительный об Эмигрантах в Польше Комитет и Российский Общественный Комитет в Польше. 1 октября 1939 года к командующему немецкими войсками явилась делегация, организованная Российским Общественным Комитетом. Она приветствовала командующего от имени всего русского населения Варшавы. В действительности делегация не представляла всей диаспоры, и её действия не встретили широкой поддержки.

Российский Общественный Комитет, пытавшийся до войны возглавить все эмигрантские организации в Польше, теперь добился этого при немцах. Член правления Комитета С. Л. Войцеховский был назначен начальником образованного в этой стране местного Управления Делами Русской Эмиграции. Немецкие власти предложили всем русским организациям войти

в подчинение УДРЭ. Благотворительное Общество было вынуждено подчиниться, а Попечительный Комитет предпочел прекратить свою деятельность.

В июле 1940 года оккупационными властями был издан декрет о ликвидации всех русских организаций, существовавших в Польше до прихода туда германских войск. Одновременно УДРЭ было переименовано в Русский Комитет. В нём было зарегистрировано около десяти тысяч человек – после занятия восточных районов Польши советскими войсками оттуда ушло на запад большое количество русских и их число в Варшаве значительно возросло [204]. Немцы создали также Украинский, Белорусский и Кавказский Комитеты.

8 июня 1941 года канцелярия Розенберга получила информацию о том, что Войцеховский ведёт переговоры с видными российскими эмигрантами относительно формирования антибольшевистского правительства, подчёркивая, что это дело очень срочное ввиду близости войны с СССР [205].

С приходом немцев русские военные эмигранты создали на территории Польши Варшавский Воинский Союз, который вошел на правах Отдела в Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС), возглавляемое генерал-майором А. А. фон Лампе [206].

После 22 июня 1941 года чины Варшавского Воинского Союза начали подавать заявления о своей готовности принять личное участие в вооружённой борьбе с коммунизмом, однако немцы этими предложениями не воспользовались. Они ограничились тем, что завербовали группу молодых людей в качестве переводчиков и отправили их на фронт в разные немецкие части. Со временем, когда иллюзии в отношении «освободительной миссии Рейха» у русских военных эмигрантов начали рассеиваться, такая перемена настроений не ускользнула от немецких властей, и в конце 1943 года Варшавский Воинский Союз был закрыт [207].

Одним из центров российской военной эмиграции, активно выступившим с инициативой участия эмигрантов в войне против СССР, стало уже упомянутое ОРВС, в которое в 1938 году был преобразован II («германский») отдел Русского Обще-Воинского Союза. К весне 1941 года роль Объединения, возглавляемого фон Лампе, возросла, поскольку на подвластной Германии территории оказались четыре из шести европейских

отделов РОВС.

21 мая 1941 года фон Лампе обратился с письмом к руководителю Верховного Командования Сухопутных Сил (ОКХ) генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу, в котором говорилось: «Мы твёрдо верим, что в этом военном столкновении (предстоящей войне между Германией и СССР – Ю. Ц.) доблестная германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей её коммунистической властью… И потому теперь …я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение германского военного командования…» [208]

После 22 июня фон Лампе получал обширную корреспонденцию от начальников Отделов ОРВС, своих представителей на местах, отдельных чинов Объединения и русских военных эмигрантов, до того чинами ОРВС не являвшихся. Это были заявления о готовности предоставить свои силы в распоряжение германского военного командования, о стремлении принять участие в войне «наравне с добровольческими формированиями многих государств Европы».

В связи с притоком таких заявлений фон Лампе повторил своё обращение к фон Браухичу и, кроме того, 5 июля передал обращение по тому же вопросу на имя Гитлера. В этом последнем документе он уже имел возможность упомянуть, что к его заявлению решили примкнуть также и руководители русских воинских организаций в Болгарии и Югославии [209].

После подачи обращения на имя фон Браухича, фон Лампе вышел на контакт с начальниками III («болгарского») и IV («югославского») Отделов РОВС. Они в тот момент объединяли наиболее многочисленную часть организации. Фон Лампе получил от них сообщение о том, что они присоединяются к его решению, и выражают полную готовность действовать сообща.

«Я имею основания не сомневаться, – писал фон Лампе в циркулярном послании от 5 июля 1941 года начальникам Отделов ОРВС, – что такое же решение примут также и начальники I (Париж) и V (Брюссель) Отделов Русского Обще-Воинского Союза – все с ведома и разрешения Начальника РОВСоюза, Генерала Архангельского» [210].

10 июля фон Лампе получил ответ на своё обращение к главе германского государства от Отто Мейснера, возглавлявшего канцелярию для протокольных мероприятий. В ответе сообщалось, что по распоряжению

Гитлера обращение передано на обсуждение Верховному Командованию Вооружённых Сил (ОКВ). 1 августа в ответ на свои два письма фон Браухичу, фон Лампе получил ответ, гласивший, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии» [211].

На основании этого ответа фон Лампе объявил в своём приказе № 46 по ОРВС от 17 августа 1941 года: «…Чины Объединения не связаны более в своих решениях, принятым мною на себя, от лица всего Объединения, обязательством, и потому предоставляю каждому из них право в дальнейшем осуществлять своё стремление послужить делу освобождения Родины — путём использования каждым в индивидуальном порядке предоставляющихся для этого возможностей (занятие должностей переводчиков в германской армии и её тылу, поступление на службу на почту и т.д.)» [212]. На случай, если ситуация изменится, чинам Объединения было предложено держать связь с начальниками воинских групп, к которым они были приписаны, а начальникам, в свою очередь, вести учёт всем подчинённым.

С сентября 1941 начали работу Высшие военно-научные курсы Юго-восточного Отдела ОРВС. Текущий учебный год был посвящен, главным образом, изучению «современной России» и общих научных дисциплин, знание которых диктовалось «характерными процессами, сопровождающими освобождение России, …и строительством силами «Оси» Новой Европы» [213].

Между тем, проникновение русских эмигрантов на оккупированную территорию СССР, по прежнему, разрешалось лишь при наличии специального разрешения. Более того, передвижение по Европе было чрезвычайно затруднено. Уже на следующий день после начала войны с СССР, германскими властями было дано распоряжение уполномоченному начальника УДРЭ в Протекторате Чехия и Моравия о том, что всем чинам Юго-восточного Отдела ОРВС и их семьям запрещено менять адрес, место жительства и службу [214].

Начальник УДРЭ в Германии В. В. Бискупский потребовал от всех руководителей Общеказачьего Объединения предоставлять ему двухмесячные отчёты о численном составе организаций, входящих в Объединение, о деятельности этих организаций и по другим вопросам [215]. Эти отчёты он, в свою очередь, должен был представлять немецким властям [216].

Сами российские военные эмигранты оценивали эту ситуацию так: «Разрешение вопроса о нашем массовом участии в борьбе с большевиками зависит исключительно от единоличной воли Фюрера, которая по всем данным может быть выявлена лишь в ходе предстоящих военных событий… Столь же проблематично пока говорить об образовании каких-либо «государственных партий» по типу национал-социалистов, ибо ещё не определено самое главное — тот строй, который будет водворён в России победителями большевиков» [217].

В сложившихся условиях перед русскими военными эмигрантами было три пути: 1) записываться добровольцами в Вермахт в индивидуальном порядке; 2) вести предварительную работу по формированию воинских подразделений, рассчитывая, что немцы всё-таки со временем вооружат их и поставят в строй; 3) искать возможности соприкосновения с соотечественниками из СССР, работая переводчиками, в охране военнопленных и на иных должностях. В последнем случае, основной целью эмигрантов-«единонеделимцев» (сторонников «Единой и Неделимой России») было привнесение своей идеологии в сознание «подсоветских» людей, а также их ограждение от влияния политических конкурентов – эмигрантов-сепаратистов.

По поводу индивидуального поступления эмигрантов на службу в Вермахт генерал-лейтенант В. К. Витковский писал: «В связи с начавшимися от нас отправками на восток многие обращаются ко мне с вопросом, как я смотрю на отъезд русских белых туда. Мой ответ таков: Чем больше честных русских патриотов поедет на восток, – тем лучше для нашего дела. Едущие туда, в той или иной форме, явятся посредниками между освобожденными русскими людьми и немецкими властями, первым они во многом окажут помощь, вторым они много разъяснят…» [218]

Как видно, Витковский стремился акцентировать внимание немцев на противоречия между населением и властью в Советском Союзе. Действительно, нацисты часто не делали различия между понятиями «русский» и «большевик».

Существуют документы, свидетельствующие о том, что попытки, предпринимаемые бывшими белогвардейцами для поступления в Вермахт в индивидуальном порядке, были явлением массовым [219]. Однако попасть на фронт удавалось немногим. Их количество исчислялось трёхзначными

цифрами. В Хорватии, из-за препятствий, чинимых нацистской администрацией, дело не двинулось дальше регистрации. Некоторые из российских офицеров, живших в Испании и сражавшихся в войсках генерала Франко, отбыли на Восточный фронт с Испанским Легионом [220].

Работа в качестве переводчиков, в которых немцы были действительно заинтересованы, давала возможность эмигрантам установить контакт с соотечественниками из СССР [221]. Согласно информации генерал-лейтенанта В. В. Бискупского, при наборе переводчиков из числа российских эмигрантов, часть из них, хуже владеющая немецким языком, обычно направлялась в отряды, формируемые из советских военнопленных [222].

Неожиданно представилась еще одна возможность общения с советскими гражданами. Представителю генерал-лейтенанта Е. И. Балабина в Восточной Пруссии, бывшему командиру Лейб-Гвардии Казачьего полка генерал-майору В. А. Дьякову, германская рабочая организация Альберта Шпеера поручила вербовку эмигрантов для «обучения германским порядкам и планомерной работе» советских военнопленных в Германии. Дьяков подробно ознакомил начальника ОРВС фон Лампе с тем, как он предполагает выполнить принятую им на себя задачу. «Учитывая… реальную пользу, которую начинаемое им дело может принести русским людям», последний разрешил своим подчиненным поступать на службу в вышеуказанную организацию и оставаться при этом в рядах Объединения [223]. Речь шла о том, чтобы «сорганизовать несколько тысяч, а может быть и десятков тысяч советских пленных…» Их должен был охранять эмигрантский конвой, но внешняя охрана должна была оставаться в руках немцев. Из военнопленных предполагалось создавать полки, однако к концу 1941 года ещё не было известно, будут ли это рабочие полки, или строевые части. В конечном итоге, мероприятие, связанное с обслуживанием советских военнопленных в организации Шпеера так и не состоялось. Эта организация не получила в свое распоряжение военнопленных. Причиной тому были разногласия между различными германскими ведомствами [224].

Третья возможность соприкосновения с «подсоветскими» людьми была связана с распоряжением Розенберга начать в Протекторате Чехия и Моравия запись желающих работать с военнопленными в оккупированных областях [225].

Относительно ведения предварительной работы по формированию

воинских подразделений, известно, что 12 июля 1941 года приказом начальника ОРВС была сформирована Русская Дружина. Она состояла на треть из бывших чинов III Русской Армии П. Н. Врангеля, действовавшей совместно с польскими вооруженными силами в 1920 году, и оставшейся в Польше после окончания войны. Остальные две трети были составлены из чинов Русской Императорской, Добровольческой и Донской армий [226]. Далее следы Русской Дружины теряются. Очевидно, это начинание развития не получило. Вместе с тем, есть примеры, когда немецкой стороной было санкционировано создание белоэмигрантских вооруженных формирований, или вооруженных формирований из советских военнопленных под руководством эмигрантов. Речь идет о Русском Охранном Корпусе на Балканах генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, Русской Национальной Народной Армии С. Н. Иванова, 1-й Русской Национальной Армии генерал-майора Б. А. Смысловского, Добровольческом полке «Варяг» капитана М. А. Семенова, Российском народном ополчении братьев Сахновских, казачьих воинских структурах. Их участие в вооруженном противостоянии рассматривается в следующей главе.

В начале января 1942 года заместитель начальника УДРЭ в Германии С. В. Таборицкий предложил уполномоченному начальника УДРЭ в Протекторате Чехия и Моравия К. А. Ефремову в спешном порядке составить списки желающих принять участие в борьбе против большевиков. При этом Таборицкий ссылался на поручение, данное ему германским военным командованием. Списки должны были включать людей «могущих быть полезными благодаря своему воинскому духу, воспитанию и выправке…» [227].

Но, как следует из письма Балабина своему представителю в Венгрии есаулу А. Ф. Егорову от 23 января 1943 года, вопрос о предоставлении русской национальной эмиграции *в целом* принять участие в событиях, происходящих в России, немцы отложили до конца войны «ввиду его неактуальности». *Отдельные* же эмигранты могут участвовать в происходящем лишь в том случае, если отдадут свои силы и работу *исключительно* интересам германской государственности и будут при этом удовлетворять предъявленным властями требованиям [228].

Особым образом в годы Второй мировой войны сложилась судьба Национально-Трудового Союза Нового Поколения (Народно-Трудового

Союза) – НТС. В 1938 году гитлеровские власти настоятельно предложили отделу НТС в Германии войти в состав Управления Делами Русской Эмиграции. Руководство Союза откликнулось следующим постановлением: «Ввиду выяснившейся невозможности самостоятельной и независимой работы нашего Союза в пределах Германии, Исполнительное бюро постановило, не дожидаясь официального закрытия группы НТСНП в Германии, приостановить работу этого отдела, вплоть до наступления более благоприятных условий» [229].

В действительности, НТС на территории Германии продолжал существовать, но перешел на нелегальное положение.

Возможно, солидаристы понимали под более благоприятными условиями «всего лишь» изменение официальной политики германского руководства по отношению к российской политической эмиграции. Но поскольку нацисты свою политику менять не собирались, то заявление НТС обретало совсем иной смысл. Организация была официально запрещена, некоторые ее руководители арестованы.

История взаимоотношений НТС с немцами является одной из наиболее сложных для исследования. Документы организаций, находившихся в системе УДРЭ разных стран, поступали в Русский заграничный исторический архив, находившийся в Праге. НТС, как нелегальная организация, архивов в ходе войны не создавал. Документы уничтожались, как только возникали. В отношении приема в Союз новых членов сложилась традиция: принимаемый писал текст клятвы на листе бумаги, расписывался, после чего этот документ сразу сжигался на свече в присутствии тех, кто принимал в организацию нового соратника. Вся информация о деятельности НТС в Германии и на контролируемых ей территориях в период 1938-45 годов может быть почерпнута практически только из мемуарно-публицистических произведений, написанных в послевоенные годы самими солидаристами.

По официальной версии НТС, Исполнительному бюро Совета Союза, удалось установить контакт с высокопоставленными чиновниками Рейха, считавшими гитлеровскую концепцию ведения войны против СССР ошибочной [230].

Благодаря этим связям несколько членов НТС сумели занять должности в германских ведомствах, позволявшие: во-первых, переправлять эмиссаров

Союза на оккупированные территории для работы в качестве чиновников местной администрации; во-вторых, работать с советскими военнопленными и «остарбайтерами», вывезенными на работы в Германию [*].

Эти возможности использовались главным для внедрения своей идеологии в сознание граждан СССР. Американский историк А. Даллин, автор монографии по истории германской оккупации западных областей СССР, пишет: «Значение НТС в контексте германской восточной политики в том, что… решительная и хорошо организованная группа сумела инфильтрировать почти все немецкие ведомства, занятые русским вопросом и оказать на них давление» [231].

Проникновение эмигрантов на оккупированную территорию СССР было возможно либо по подложным документам, либо в качестве сотрудников различных немецких ведомств и фирм. В связи с этим, члены НТС И. И. Виноградов и К. В. Болдырев создали строительную фирму «Erbauer». Другие члены Союза попадали в Россию в качестве сотрудников германской строительной организации «Todt». Многие солидаристы имели техническое образование, что облегчало им возможность получения работы, а тем самым и пропусков на оккупированные земли.

Но подавляющее большинство шло в Россию, как и до войны, по «зеленой дорожке», то есть нелегально [232]. Общее руководство нелегальной переброской членов организации в СССР осуществлял А. Э. Вюрглер, возглавлявший до начала Второй мировой войны отдел НТС в Польше. С. Л. Войцеховский – председатель Русского Комитета в Варшаве, переправлял людей под видом возвращения беженцев, спасавшихся в Варшаве от советской оккупации [233].

Первые подпольные группы были организованы осенью 1941 года в Минске и Витебске, затем в Смоленске, где под руководством Г. С. Околовича был создан координационный центр всей подпольной деятельности НТС на оккупированной немцами территории центральной России. Деятельность подпольщиков распространилась на Псков, Гатчину, Вязьму, Брянск и Орел. Летом 1942 года были созданы группы в Киеве, Виннице, Днепропетровске, Одессе, Кировограде, Полтаве и в Крыму. Руководство подпольем НТС на юге России осуществлял Е. И. Мамуковым.

---

[*] Советские граждане, вывозимые на работы в Германию, именовались “восточными рабочими”, “остарбайтерами”, или просто “остами” из-за нашивок на одежде со словом “OST” – “Восток”.

К 1943 году НТС создал до 120 подпольных групп в 54 городах и населенных пунктах. В состав каждой группы входило от 2 до 15 человек [234]. Организация пополнялась новыми людьми из числа граждан СССР, НТС переставал быть только эмигрантской организацией.

Пути к советским военнопленным и гражданскому населению, угнанному в Германию, также как и пути в Россию, лежали через Берлин. В начале июля 1941 года для установления контактов с соотечественниками в германскую столицу начали съезжаться активисты НТС из Белграда, Праги, Парижа, Брюсселя. Сталинское правительство объявило военнослужащих Красной Армии, попавших в плен, предателями. «Остарбайтеры» в случае возвращения на родину тоже не могли рассчитывать на хорошее отношение к себе со стороны НКВД. И те и другие понимали, что попав к немцам, они автоматически оказывались в состоянии конфликта с советской властью. НТС рассматривал их как благоприятную аудиторию для пропаганды своих идей. «Нам, – пишет А. С. Казанцев, – оставалось только сформулировать эти мысли в отчетливые формы лозунгов и сделать их достоянием миллионов людей» [235].

Обстановка не всегда позволяла открывать факт существования Союза. Были выработаны методы вовлечения людей в работу НТС, без открытия им до определенного времени наличия организации. Из вновь прибывших в ряды Союза создавали небольшие группы – «звенья», быстрыми темпами проходили с ними курс политической подготовки. Эта работа была налажена руководителем союзных курсов в Берлине доктором Н. Сергеевым. Профессия врача давала ему возможность встречаться с большим количеством соотечественников, не вызывая подозрений со стороны нацистских спецслужб. Позже Сергеев был разоблачен и в 1944 году погиб в концлагере Заксенхаузен.

После битвы на Курской дуге, действия групп Союза в России принимали все более открытый антифашистский характер. На стенах домов и на фабричных трубах писались лозунги: «За свободную Россию без немцев и большевиков», «Покончим с Гитлером, возьмемся за Сталина», «Завершим Отечественную войну свержением Сталина». Под Полоцком незадолго до немецкого отступления члены НТС П. Д. Пономарев и В. И. Алексеев провели несколько открытых митингов под русским трехцветным флагом.

Период 1943-1944 годов отмечен в истории организации повальными арестами Гестапо. 12 июня 1944 года, были арестованы 44 члена НТС, главным образом в Польше и Австрии. 24 июня было арестовано около 50 членов Союза в Берлине, в их числе: председатель организации

В. М. Байдалаков и все члены Исполнительного бюро: Д. В. Брунст, К. Д. Вергун, В. Д. Поремский. 13 сентября под новую волну арестов попало запасное Исполнительное бюро: Г. С. Околович, М. Л. Ольгский, Е. Р. Романов.

Арестованным членам организации вменялась в вину «антинемецкая пропаганда», связь с партизанами, попытка создания «государства в государстве». Многие из, примерно 150 членов НТС, арестованных в 1943-1944 годах, погибли в Бухенвальде, Берген-Бельзене, Дахау, Гросс-Розене, Заксенхаузене и других нацистских концлагерях [236].

## Глава 5. Участие в боевых действиях на стороне Германии.

История русских воинских формирований, создававшихся в Вооруженных Силах Германии при активном участии белоэмигрантов, в рамках данной главы будет рассматриваться до ноября 1944 года. 14 ноября был учрежден Комитет Освобождения Народов России (КОНР) под председательством генерал-лейтенанта А. А. Власова. Начали формироваться Вооруженные Силы КОНР, получившие официальный статус равноправного союзника германской армии. Часть русских воинских формирований, возглавляемых эмигрантами, была переподчинена КОНР с соответствующим изменением их статуса. Судьба русских боевых частей начиная с ноября 1944 года рассмотрена в 8-й главе книги.

Первым, среди представителей белой эмиграции, которому удалось добиться от немцев разрешения на формирование русских частей для Восточного фронта, стал граф Борис Алексеевич Смысловский. Выпускник 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, Смысловский принимал участие в Первой мировой войне, был награжден всеми офицерскими орденами от Святой Анны 4-й степени до святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1917 году Смысловский поступил на ускоренный курс Академии Генерального Штаба, но закончить его не успел вследствие прихода большевиков к власти. В составе Добровольческой армии, принимал участие во Втором Кубанском походе, походе генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова и других операциях. После окончания в 1920 году Гражданской войны на юге

России Смысловский поселился в Варшаве, принял польское гражданство. В 1928 году переехал в Германию, до 1932 года проходил обучение на высших курсах при Военном ведомстве. Активно участвовал в деятельности РОВС [237].

Мировоззренческая основа деятельности Смысловского в 1941-45 годах представлена им самим в мемуарах, написанных после войны. Как и большинство белоэмигрантов, Смысловский полагал, что русский народ не сможет свергнуть большевизм без помощи извне. Вместе с тем, Смысловский был одним из немногих представителей русской военной эмиграции, которые рассматривали германское вторжение на российскую территорию в контексте внешнеполитической доктрины Гитлера. Смысловский не строил иллюзий относительно «освободительной миссии» Третьего Рейха. Но колонизаторские планы нацистского вождя он считал несостоятельными. Смысловский исходил из убеждения, что «биологическая сила русского народа, по сравнению с той же силой германского народа, настолько велика, что нам, русским, не приходится опасаться, что немцы нас проглотят и переварят» [238].

Не воспринимая нацизм как угрозу для биологического существования русского народа, он рассматривал германское вторжение только как возможность свергнуть большевистский режим. Поэтому, Смысловский принял безоговорочное участие в войне на стороне германской армии.

Руководитель Объединения Русских Воинских Союзов генерал-майор А. А. фон Лампе поручил Смысловскому ведения переговоров с немцами о привлечении белоэмигрантов к участию в войне против СССР, после того, как его собственные действия в этом направлении не увенчались успехом. Смысловский добился разрешения Генштаба Сухопутных сил Вермахта создать один русский учебный разведывательный батальон при штабе Группы Армий «Север». Батальон был сформирован из русских эмигрантов в июле 1941 года. В последствии он пополнялся солдатами и офицерами Красной Армии из числа военнопленных и перебежчиков. Батальон не был обыкновенной строевой частью, а представлял собой школу для подготовки разведчиков и диверсантов. Смысловский, носивший звание капитана, командовал батальоном под псевдонимом «фон Регенау». До конца 1941 года немцы сформировали 12 подобных батальонов на разных участках Восточного фронта. «Северную группу» батальонов инспектировал

Смысловский. Лучшие кадры «Северной группы» составили 1001-й гренадерский разведывательный полк. Эти структуры находились в подчинении штаба Абвера «Валли», осуществлявшего общее руководство разведывательной и контрразведывательной работой против СССР. Ему же подчинялись все фронтовые структуры Абвера, в том числе полк специального назначения «Бранденбург-800», в рядах которого также служило немало русских эмигрантов[239].

В марте 1942 года Смысловский возглавил Зондерштаб «Р» («Россия»), сформированный при штабе «Валли». К этому времени Смысловский был произведен в майоры. В 1943 году ему было присвоено звание подполковника, а заем – полковника. Зондерштаб «Р» располагался в Варшаве под вывеской «Восточной строительной фирмы Гильген». Главные резидентуры находились в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе. В задачу Зондерштаба входила борьба с партизанским движением, советскими разведчками-парашютистами, разведывательная работа в тылу Красной Армии. Число сотрудников Зондерштаба превышало тысячу человек, ему была подчинена Особая дивизия «Р» в составе 12 школ-батальонов, общей численностью 10 тысяч человек [240].

Формирования Смысловского не имели установленной формы одежды. Офицеры носили униформу Вермахта с немецкими погонами, петлицами, кокардами и орлами на мундире и фуражке. Рядовой состав – как немецкую, так и советскую форму с немецкими знаками отличия или без них. На рукаве носился шеврон в виде бело-сине-красного щитка. Один из вариантов шеврона предполагал наличие слова «Russland» на верхнем белом поле [241].

Зондерштабом было установлено, что в тылу Красной Армии существуют антисоветские партизанские отряды. К ним были направлены подготовленные специалисты, способные занять командные должности, а также инструкторы и офицеры связи. В орбиту Зондерштаба попало около 20 тысяч антисоветских партизан [242].

Развитие подчиненных Смысловскому формирований и повышение его личного статуса были связаны не только с его профессиональными качествами. Он постоянно подчеркивал безусловную приоритетность военно-политических задач, решаемых Германией на Востоке по отношению к проблемам создания новой российской государственности. Кроме того, Смысловский не стремился к созданию самостоятельных русских военных

формирований, которые действовали бы автономно от германского командования.

Преданность германскому военному руководству сочеталась у Смысловского с политическим прагматизмом. Уже в 1942 году он начинает устанавливать связь с НТС в лице Вюрглера, имевшего швейцарское гражданство. Вюрглер еще на первом этапе войны наладил контакты со спецслужбами демократических стран. В 1943 году, после разгрома немцев под Сталинградом, Смысловский выяснял, может ли Швейцария стать политическим убежищем для, него и подчиненных ему людей, но получил отрицательный ответ.

НТС, в свою очередь, стремился использовать возможности Смысловского для того, чтобы направлять солидаристов на оккупированные территории СССР. Вюрглер возглавил отдел пропаганды Зондерштаба «Р». Смысловский не разделял стратегических планов НТС по созданию «третьей силы», которая, согласно замыслу солидаристов, должна была противостоять не только большевикам, но и немцам. Это привело к конфликту между Смысловским и НТС, в результате чего, Вюрглер был отстранен от занимаемой должности.

Тем не менее, Смысловский достаточно скомпрометировал себя перед немцами. 1 декабря 1943 года он был арестован, а Зондерштаб распущен. 23 декабря на улице в Варшаве выстрелом в затылок был убит Вюрглер.

Следствие по делу Смысловского шло 6 месяцев, но в конечном итоге полковник был реабилитирован и даже награжден орденом Германского Орла. Ему было предложено возобновить прерванную работу. Смысловский выдвинул несколько встречных условий, связанных с расширением своих полномочий и увеличением численности вверяемых ему формирований. Кроме того, Смысловский хотел получить гарантии, что его структуры будут задействованы только на Восточном фронте, то есть не будут использоваться против армий западных стран [243]. Германское командование объявило, что принимает требования Смысловского, для него был сформирован Штаб особого назначения при Генштабе Сухопутных Сил. В июне 1944 года под началом Смысловского началось формирование 1-й Русской национальной дивизии, которая будет выступать под бело-сине-красным знаменем.

Инициаторами еще одной попытки возобновить гражданскую войну на территории СССР, были эмигранты: Сергей Никитич Иванов и Константин Григорьевич Кромиади, в прошлом – полковник Русской Императорской Армии [244]. Они планировали создать из советских военнопленных воинскую структуру в качестве основы будущей «русской национальной армии». В марте 1942 года командующий Группой Армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге дал разрешение на формирование русской воинской части в Осинторфе. Это название обозначало район торфяных разработок в Осиновке (Белоруссия). Иванов и Кромиади сформулировали семь принципов, которые должны были лечь в основу мероприятия:

«1) Формируемые части должны быть предусмотрены, как русская национальная формация с задачей антикоммунистической борьбы и с соблюдением вытекающих из этой задачи требований;

2) Как солдатский, так и офицерский состав набран будет из русских;

3) Занятия в частях и внутренние распорядки будут производиться по русскому образцу и на русском языке;

4) Обмундирование и снаряжение будут русские;

5) Все пленные красноармейцы, взятые этими воинскими формированиями, будут входить в них как пополнение, и не будут направляться в лагеря;

6) Части будет дана возможность развернуться до большой серьезной боевой единицы;

7) Вся акция должна рассматриваться как подготовительная работа для будущего возглавителя русской освободительной борьбы, полагая, что таковым будет один из выдающихся советских генералов, находящихся в плену» [245].

Фон Клюге разрешил набирать личный состав формируемой части в любом из лагерей военнопленных на среднем участке фронта. Остается неизвестным, дал ли фельдмаршал формальное согласие на соблюдение вышеупомянутых условий, но на практике они соблюдались в течение нескольких месяцев.

Для осуществления намеченной акции Иванов сформировал группу эмигрантов, в состав которой, помимо него самого и Кромиади, вошли: полковник Игорь Константинович Сахаров, граф Григорий Ламсдорф, граф

Сергей Пален, граф Александр Воронцов-Дашков, Игорь Юнг, Виктор Весслер, Владимир Соболевский и священник отец Гермоген (Кивачук).

Намеченное мероприятие не могло быть осуществлено вне контроля какого-либо официального лица из германской администрации. В качестве такового фон Клюге назначил подполковника Геттинга фон Зеебурга. Кромиади вспоминает, что он предоставил русским организаторам акции значительную свободу действий, и без особой необходимости не вмешивался в процесс формирования воинской части. Кромиади относит фон Зеебурга к кругу тех немецких военных, которые выступали за изменение германской восточной политики.

В Осинторфе был сформирован штаб, в который вошли: С. Н. Иванов, как руководитель мероприятия и ответственный за его проведение, И. К. Сахаров, в качестве его помощника, К. Г. Кромиади, исполнявший обязанности коменданта, ведающего кадрами, а также строевой и хозяйственной частью. Они работали под псевдонимами: Иванов – Граукопф, Сахаров – Левин, Кромиади – Санин. Использование псевдонимов Кромиади объясняет тем, что у всех троих оставались родственники в неоккупированной немцами части СССР. Предполагаемое формирование получило название – «Русская Народная Национальная Армия» («РННА»), она именовалась также «Осинторфской бригадой».

Прием людей из лагерей военнопленных в РННА производился на добровольных началах. Формальная сторона этого мероприятия была проста. Вербовщик обращался к коменданту лагеря с удостоверением, выписанным Иванову в штабе фон Клюге. Комендант выстраивал пленных и вербовщик обращался к ним с соответствующей речью. На изъявивших желание поступить в РННА составлялся список, и людей тут же выводили из лагеря.

На деле эта процедура была много сложнее. «Дело в том, – вспоминает Кромиади, – что после речи приемщика изъявляло желание столько народа, что взять всех приемщик никак не мог (у него было твердое задание), тем более, что среди добровольцев было много людей с отмороженными руками и ногами (и все-таки таких полуинвалидов тоже попадало к нам немало, и мы не отправляли их обратно в лагерь, а лечили их у себя)» [246]. Требовалось примерно три недели для физической и моральной реабилитации человека после выхода из лагеря. По истечении этого срока новые солдаты и офицеры

РННА получали трофейное советское оружие и приступали к строевой и тактической поготовке.

Каждому офицеру и солдату, записавшемуся добровольцем в РННА, предоставлялось право вернуться обратно в лагерь. Таким правом за всю историю формирования не воспользовался никто. Этот факт вполне объясним – возвращение в лагерь чаще всего означало смерть. Но простым стремлением выжить нельзя объяснить отсутствие уходов с базы формирования, хотя такая возможность была вполне реальной – окруженная лесом, база никем не охранялась. Ситуация изменилась только после вмешательства в деятельность «Осинторфской бригады» высших нацистских инстанций.

Особое значение придавалось идейно-политической работе с пополнением. Эмигранты, делали акцент на позитивных моментах дореволюционного прошлого России, а не на критике сталинской системы. Люди, жившие в СССР, знали советские порядки и подробнее и лучше своих соотечественников, вернувшихся из-за рубежа.

Трудно говорить о полном взаимопонимании людей «оттуда» и «отсюда», однако, командованием РННА было сделано немало для достижения взаимопонимания. Руководители бригады никогда не спрашивали у вновь прибывших, состоял ли он в партии или комсомоле, но нередки были случаи, когда офицеры и солдаты сами сдавали свои партбилеты [247]. Попадание в плен к немцам с партбилетом на руках могло привести к расстрелу на месте, многие в критической ситуации уничтожали свои партийные документы. Хранение билета в лагере тоже требовало мужества и выдержки. И если теперь, записавшись в РННА, человек добровольно сдавал партбилет, то при этом он мог руководствоваться только идейными (теперь уже новыми) соображениями. В каждом таком случае документ возвращался владельцу, он мог по своему усмотрению хранить его дальше или уничтожить.

Руководство РННА ориентировало людей на то, что они готовятся не к братоубийственной войне, и, тем более, не к борьбе за германские интересы. Культивировалась мысль, что они носят оружие не для нападения, а для обороны, что сила их армии заключается в идее.

Военнослужащие Осинторфской бригады носили советскую униформу, знаки отличия были советского образца – «треугольники», «кубики» и

«шпалы», но с петлиц они были перенесены на погоны. (Во время создания и развития РННА, в Красной Армии погоны еще не были введены). На головном уборе носили овальную бело-сине-красную кокарду [248]. Бригада выступала под бело-сине-красным флагом.

РННА состояла из батальонов, подчинявшихся центральному штабу. Каждый батальон создавался с расчетом развернуть его в полк. В течение первых трех месяцев было сформировано пять стрелковых батальонов, батарея легких орудий, организованы курсы усовершенствования среднего командного состава, учебная и транспортная команды, санитарная часть. Всеми перечисленными формированиями и службами командовали бывшие военнопленные офицеры Красной Армии.

Отношения между военнослужащими РННА и гражданским населением Осинторфа сложились несразу. «Я бы не сказал, – вспоминает Кромиади, – что нас встретили с распростертыми объятиями, но и антипатии проявлено не было: население заняло выжидательную позицию» [249].

Дальнейшие отношения были обусловлены реальными делами бойцов бригады. Мирные жители, оставленные на произвол судьбы Красной Армией, уничтожавшей при отступлении все, что можно уничтожить, затем ограбленные нацистами, испытывали нужду буквально во всем. Особенно это касалось продуктов питания и одежды. В то же время, РННА снабжалась интендантами Вермахта и особой нужды не испытывала. Это позволилио руководству осинторфских формирований обеспечивать население близлежащих деревень самым необходимым. Для того, чтобы как-то оправдать передачу крестьянам части получаемого с немецких складов имущества, для местных жителей создавались рабочие места при хозяйственной части бригады.

Кроме того, проживавшие в Европе русские эмигранты собирали средства для помощи жителям оккупированных областей России. Руководство бригады, состоящее из эмигрантов, служило передаточным звеном между русским зарубежьем и населением оккупированных областей. Переправлять собранное и закупленное можно было только через немецкие официальные инстанции, преимущественно через ОКВ, а для того, чтобы посылки получали те, кому они предназначались, необходимо было иметь соответствующий адресат, которым стала РННА.

В период сенокоса и сбора урожая проявилась острая нехватка взрослого мужского населения, которое либо было призвано в Красную Армию, либо скрывалось в лесах от немцев. Для казания помощи местному населению в проведении сельскохозяйственных работ была выделена дежурная рота Осинторфской бригады. Которая распределялась по деревням.

Взаимоотношения РННА с партизанами были разными, так как разными были и сами партизанские группы. «Одни, – пишет Кромиади, – боролись против оккупантов и с населением вели себя терпимо, другие себя не жалели, но и никого не щадили; большинство же были просто мужчины, скрывавшиеся в лесах, чтобы избегнуть колючей проволоки или принудительной работы. Я бы сказал, что и политические убеждения всех этих людей, сидевших в лесах, были различные, иногда даже противоположные, и только после того, как фронт стабилизировался, и с «большой земли», как тогда говорили, стали снабжать партизан политическими руководителями и комсоставом, все, независимо от их убеждений, заговорили старым привычным языком политграмоты» [250].

Партизаны не нападали на бойцов РННА, помогавших крестьянам в сельскохозяйственных работах. И партизаны же обещали крестьянам сжечь урожай, так как часть его обязательно заберут немцы, и РННА пришлось урожай охранять. Партизаны устраивали расправы над местными жителями, которых считали «пособниками оккупантов». Например, был расстрелян крестьянин, который, по решению односельчан, согласился поделить между ними колхозную землю. Немцы пытались использовать Осинторфскую бригаду в борьбе с партизанами, но без особого успеха. Подразделения отправлялись на выполнение приказа, но стремились избежать вооруженного столкновения. Если немцы стремились использовать РННА для уничтожениянартизанских отрядов, то командование самой бригады, приследовало цель переманить партизан на свою сторону. Осинторфцы иногда предоставляли партизанам временное убежище на своей базе, но попытки внедрить свою идеологию в партизанскую среду, к особым успехам не приводили [251].

В течение лета 1942 года группы РННА четыре раза привлекались немцами к участию в антипартизанских операциях. 14 ноября 1942 года при налете отряда РННА на деревню Куповать был убит знаменитый командир партизанской бригады «Дяди Кости» К. С. Заслонов [252].

«За целый минувший год, – пишет Кромиади, – партизанщина не нашла своего хозяина и вновь должна была стать орудием большевиков. А между тем это были серьезные кадры антикоммунистической борьбы, погубленные алчной и тупой политикой нацистов» [253].

С регулярными частями Красной Армии РННА столкнулась в бою только один раз в операции против действовавшего в немецком тылу в районе Вязьмы и Дорогобужа 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова. Корпус держал оборону с ноября 1941 года. Операцию по ликвидации окруженного корпуса немцы начали в мае 1942. РННА получила приказ выделить для участия в этой операции 300 человек из имеющихся у нее в наличии 5 тысяч [254].

Кромиади сообщает, что когда атакуемые красноармейцы обнаружили, что против них стоят русские, то они перестали стрелять и началось братание. По крайней мере, других сведений о данном эпизоде нет. Это можно считать правдой, принимая во внимание тот факт, что окруженные находились на пороге неминуемой гибели или плена. В тех случаях, когда военное преимущество было на стороне РККА, ни о каких братаниях речи не было. Бойцов русских антисоветских формирований уничтожали, чему предшествовало ожесточенное сопротивление со стороны последних.

В ходе Дорогоужской операции, на сторону Красной Армии перешло до ста бойцов РННА [255]. А на ее сторону перешла рота разведчиков во главе с командиром – героем Советского Союза старшим лейтенантом А. Князевым. Он был назначен начальником разведки в Осинторфе, но спустя четыре месяца ушел к партизанам, предварительно заявив, что свой «Гитлер все же лучше чужого Гитлера» [256].

В июне 1942 года начальник штаба фельдмаршала фон Клюге – генерал Веллер провел ревизию РННА и остался доволен. В то же время фон Зеебург был заменен подполковником Хотцелем, который, в отличие от своего предшественника, стремился установить над Осинторфом жесткий контроль. В конце июня начальник тыла среднего участка фронта генерал Шенкендорф предложил русскому руководству Осинторфа взять на себя организацию местного самоуправления. В Шклове была открыта русская комендатура, которую возглавил С. Пален. Решение о создании русских органов самоуправлния было вскоре отменено, так как, Шенкендорф, выступив с такой инициативой, «превысил свои полномочия». За этим последовала

срочная эвакуация в Париж Палена, который в знак протеста сорвал со стены портрет Гитлера[257].

Немцев явно не устраивал политический характер деятельности русских эмигрантов и относительная автономия вверенных им частей. Иванов разъяснял личному составу РННА: «Москву будут брать не немцы и не японцы, а мы, русские, своими руками будем брать ее и восстанавливать свои порядки» [258]. Кромиади в своих высказываниях шел еще дальше: «Нам необходимо создать двухмиллионную армию и полностью вооружить ее. Немцы после этой войны ослабеют, тогда мы и ударим по ним» [259].

В августе 1942 года все русские эмигранты были отозваны из Осинторфа немецким командованием На занимаемые ими должности были назначены бывшие военнослужащие Красной Армии, в разное время и при разных обстоятельствах перешедшие на сторону немцев. 1 сентября командование РННА принял полковник В. И. Боярский. При нем, на первых порах, дела пошли успешнее – численный состав бригады возрос до 8 тысяч человек, батальоны были сведены в полки. Но неожиданно Боярский получил приказ командующего фронтом переодеть части вверенной ему бригады в немецкую форму и расформировать ее на отдельные батальоны. Боярский не подчинился, и тогда находящаяся неподалеку дивизия СС получила приказ обезоружить русских. После произведенного расследования, оружие было возвращено, но в результате инцидента, 300 человек ушли к партизанам. Боярский был отстранен от должности, его преемник – майор В. Ф. Риль, также пробыл на этом посту недолго. После отстранения Риля, Осинторфская бригада перестала существовать, ее кадры были включены в состав Вермахта как «Добровольческий полк № 700» под командованием немецкого полковника Каретти. В 1943 году в числе других русских воинских формирований полк был переброшен на Атлантический вал.

История Второй мировой войны знает еще один пример создания русскими эмигрантами воинской части на Восточном фронте. В 1943 году активист немногочисленной монархической организации Российский Имперский Союз-Орден (РИСО) Н. И. Сахновский с двадцатью единомышленниками, проживавшими в Бельгии, поступили добровольцами в Валлонский легион войск СС (бригада «Валлония»). За время формирования легиона, Сахновские создали в его составе небольшой отряд из советских

военнопленных, названный ими «Российским народным ополчением». По прибытии на оккупированную территорию СССР в Корсунь-Шевченковский район, Сахновский развернул активную пропаганду среди местного населения, выдержанную в монархическом духе. Оригинальных текстов военного времени не сохранилось, о политической направленности тезисов Сахновского можно судить лишь по официальным изданиям РИСО послевоенных лет. Если верить этому источнику, то пропаганда была направлена как против большевиков, так и против немцев: «Не мне, русскому белому эмигранту, объяснять вам, живущим все эти годы тут, что такое большевизм и колхозы. Также не мне, носящему германскую форму, объяснять вам, что такое немцы – вы их видите здесь уже два года. Вы напрасно ожидали…, что они спасут вас от большевиков. Пора понять, что немцы служат не России, а Германии… Но мы, простые русские люди, загнаны в угол… Мы не в силах сражаться сразу со всеми. Поэтому надо бить врагов по очереди… Мы примем участие в боях против большевиков, сначала в этой форме, но при первой же возможности будем сражаться сами по себе» [260].

Под воздействием пропаганды в месте дислокации формируемой Сахновским части, в нее записалось около 200 человек из числа местных жителей. «Ополченцы» носили нарукавный шеврон в виде православного восьмиконечного креста с надписью «Сим победиши».

Единственная боевая операция, в которой «ополчение» приняло участие, произошла при случайном столкновении с наступающей советской пехотой. Большая часть солдат Сахновского погибла, остальные, вместе с Валлонской бригадой, были выведены в тыл. Воинская часть была расформирована, ее солдатам предоставлена свобода действий. Часть из них осталась в рядах формируемой 28-й гренадерской дивизии СС, остальные демобилизовались [261].

Воинские формирования, созданные по инициативе русских эмигрантов, действовали не только на восточном фронте. 12 сентября 1941 года в Белграде генерал-майор М. Ф. Скородумов подписал приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса. В ходе дальнейших событий это воинское формирование неоднократно меняло своё название: с 2 октября 1941 года – Русский Охранный Корпус, с 18 ноября 1941 – Русская Охранная Группа, с

30 ноября 1942 – Русский Охранный Корпус, с 10 октября 1944 – Русский Корпус в Сербии, с 31 декабря 1944 – Русский Корпус, и, наконец, с 1 ноября 1945 – Союз бывших чинов Русского Корпуса. Перемены названия были вызваны изменением военного, юридического и политического статуса данного воинского формирования.

Предыстория создания Корпуса такова. 6 апреля 1941 года войска Германии и ее союзников атаковали Югославию. Начался призыв российских эмигрантов, проживающих на территории этой страны, в югославскую армию. Многие поступали в войска добровольно. Они принимали участие в боевых действиях против Вермахта – имелись погибшие, раненые, попавшие в плен. Был сделан шаг и к тому, чтобы придать русскому добровольному участию в борьбе за Югославию организованные формы. Начальник IV Отдела РОВС генерал-лейтенант И. Г. Барбович предоставил себя и возглавляемую им структуру в распоряжение югославского военного командования. Его примеру последовали генерал-майор В. Э. Зборовский и полковник А. И. Рогожин.

Зборовский возглавлял чинов Гвардейского дивизиона, которые компактно проживали в районе города Осек, и чинов Кубанской казачьей дивизии [262]. Рогожин являлся начальником Собственного Его Императорского Величества Конвоя, чины которого, работая на сахарном и лесопильном заводах, сохраняли уклад воинской части [263]. Все они, в случае необходимости, могли быть мобилизованы и поставлены в строй.

Однако, события на фронте разворачивались слишком стремительно, и до практического использования предложений белоэмигрантов дело не дошло. 17 апреля Югославия капитулировала.

Еще в начале 1920-х годов Югославия (в то время – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) была самой гостеприимной страной для российских беженцев. Очевидно, это была благодарность за вступление России в Первую мировую войну на стороне Сербии. Король Александр I (Карагеоргиевич), получивший образование в России и говоривший по-русски, ввел русских на равных правах в жизнь своей страны. Это начинание поддерживал сербский патриарх Варнава (Росич), воспитанник Санкт-Петербургской Духовной Академии. В Сремских Карловцах был образован Синод Русской Православной Церкви за рубежом, здесь же разместился штаб П. Н. Врангеля, позже – штаб-квартира РОВС. Офицеры продолжали носить

русскую форму, были сохранены некоторые боевые части, которые использовались в составе югославской армии в качестве пограничной стражи. Упомянутый полковник Рогожин до вступления в должность командира Собственного Его Императорского Величества Конвоя, командовал Кубанским Гвардейским казачьим дивизионом. Находясь в Югославии более двадцати лет, дивизион сохранял статус воинской части Русской Императорской Армии. Это единственный пример такого рода в истории белой эмиграции. На государственном содержании были три русских кадетских корпуса и другие учебные заведения, которые пользовались всеми правами аналогичных югославских учреждений. Российские студенты получали стипендию. К тому же, Югославия долго не устанавливала дипломатических отношений с СССР, и никакие советские представители не осложняли жизнь эмигрантов. Естественно, что белогвардейские структуры сочли своим долгом встать на защиту Югославии от гитлеровской агрессии.

Однако довольно скоро эмигрантам пришлось иметь дело уже не с законным югославским правительством, а с другими властными структурами и политическими организациями. К концу апреля Югославия прекратила свое существование как субъект международного права. Ее территория была разделена. Северная часть Словении была включена в состав Рейха, а ее южную часть, Черногорию и Далмацию, захватила Италия. Территория Косово и Метохии, а также западная часть Македонии были включены в состав созданной Италией «Великой Албании». Часть югославской территории поделили союзники Германии – Венгрия и Болгария. Было создано формально независимое от Германии государство Хорватия, которое возглавил А. Павелич – лидер профашистского движения усташей. Его правительство объявило войну странам, находящимся к этому времени в состоянии войны с Гитлером. В Сербии было сформировано подконтрольное немцам правительство, которое возглавил Милан Недич, бывший до того генералом югославской армии.

В распоряжении Недича находилась сформированная для охраны нового порядка Сербская государственная («державна») стража (СДС) и жандармерия. К 1942 году был сформирован Сербский Добровольческий Корпус (СДК). В его состав вошли главным образом молодые люди из общественно-политического движения «Збор». Движение возглавлял

Дмитрий Льотич, который был министром в довоенном югославском правительстве, а теперь вошел в правительство генерала Недича. Участники «Збора» были сторонниками монархии и противниками любых сепаратистских течений. Но в сложившихся условиях они считали главной задачей борьбу с коммунистическим партизанским движением на территории Сербии. Они исходили из того, что Германия рано или поздно окажется вынужденной оставить Югославию. И нельзя допустить, чтобы к этому моменту коммунисты представляли собой серьезную политическую силу. Таким образом, активисты «Збора» сочли возможным пойти на сотрудничество с немцами, и в составе СДК участвовать в борьбе с коммунистическим партизанским движением.

Борьбу против нацистской оккупации Югославии вели два движения. Одно возглавлял полковник Генерального Штаба югославской армии Драголюб (Дража) Михайлович, другое коммунист Иосип Броз-Тито. Михайлович возглавлял движение четников (от слова «чета» – рота), преследовавших цель восстановить в Югославии власть короля. В большинстве своем это были избежавшие немецкого плена офицеры югославской армии. Они считали себя последователями сербских патриотов, ведших борьбу за освобождение Сербии от турецкого владычества. Конечная цель четников и зборовцев была одинаковой. Но они шли к ней разными путями. Имея намерение бить врагов поодиночке, каждое движение стремилось начать с того, которого считало более опасным: четники – немцев, зборовцы – коммунистов.

Тито руководил партизанами-коммунистами, ряды которых пополняли в основном рабочие заводов и беженцы, спасавшиеся от геноцида сербского населения в Хорватии. Они стремились не только освободить страну от гитлеровской оккупации, но и не допустить восстановления монархии. Михайлович не счел возможным объединиться с партизанами Тито. Правительство югославского короля Петра II, находящееся в изгнании, присвоило четникам статус «Королевской армии в отечестве». Тито на базе возглавляемых им отрядов сформировал «Народно-освободительную армию Югославии» (НОАЮ).

В конце июня 1941 года Тито через загребскую радиостанцию проинформировал Исполком Коминтерна о действиях компартии Югославии: «Партия обратилась с воззванием в связи с нападением на

СССР… Она дала указание проводить массовый саботаж и организовала партизанские отряды для выведения из строя линий коммуникаций… По всей стране создаются боевые группы во главе с военно-революционными комитетами под руководством партии»[264]. Тито рассчитывал получить одобрение своих действий и он его получил.

Воодушевленные поддержкой Сталина, коммунисты поднимали восстания в разных частях страны и брали под контроль обширные районы, один из которых даже получил название «Советской Ужицкой республики». Часто жертвами коммунистов становились русские эмигранты, причем не только ветераны Белого движения, но и члены их семей. С 22 июня до 1 сентября 1941 года было зарегистрировано свыше 250 убийств [265].

Вскоре после оккупации Югославии немцами было создано «Бюро по защите интересов русских эмигрантов в Сербии». При этом оккупационные власти преследовали цель облегчить для себя контроль над беженцами из России, а вовсе не защищать их интересы. Но, в силу сложившейся на территории Югославии ситуации, деятельность Бюро стала адекватной его названию. Руководителем Бюро был назначен генерал-майор Михаил Федорович Скородумов.

Выпускник кадетского корпуса и Павловского военного училища, он принимал участие в Первой мировой войне, был награжден орденом Святого Владимира 4-ой степени. В августе 1914 года был тяжело ранен и после лечения признан негодным к строевой службе, однако настоял на возвращении на фронт. В 1915 году был вновь тяжело ранен и попал в плен, но за выполнение боевой задачи был награжден орденом Святого Георгия. Скородумов Пробыл в плену год и семь месяцев, трижды пытался бежать. 25 февраля 1917 года вернулся в Петроград в результате обмена военнопленными. За него, как за выдающегося офицера, ходатайствовал Лейб-Гвардии Павловский полк, в котором он служил, и лично Великая Княгиня Мария Павловна. После захвата власти большевиками принял участие в Белом движении – несмотря на инвалидность вступил в ряды Добровольческой Армии. Участвовал в Днестровском походе, был снова ранен при взятии Киева в 1919 году, воевал в Крыму на Перекопе. После отступления Русской Армии из Крыма прибыл в Болгарию, затем – в Югославию[266].

Перед Скородумовым, как руководителем Бюро по защите русской

эмиграции в Сербии, стояло множество социальных задач, в основном – обеспечить людей работой и жильем, которое многие потеряли из-за гитлеровских бомбардировок. Но главным было найти способ защитить своих подопечных от преследования со стороны коммунистических партизан. Для решения этого вопроса Скородумов в начале августа обратился к представителям сербской гражданской администрации, но они оказались бессильны чем-либо помочь. Тогда Скородумов обратился к Льотичу, который в то время начинал формировать Сербский Добровольческий Корпус. Представитель русских эмигрантов рассчитывал получить партию оружия для самозащиты. Однако выяснилось, что самому Льотичу немцы выдали оружия меньше чем необходимо.

Оставалось обратиться в Штаб германского главнокомандующего на Юго-востоке генерала Бадера. Начальник Штаба полковник Кевиш от имени главнокомандующего предложил Скородумову отдать приказ о вступлении русских эмигрантов в германские воинские части. Скородумов это предложение отклонил.

В своих воспоминаниях, написанных после войны, Скородумов сообщает, что свой отказ он мотивировал так: «Белые, как политические эмигранты, могут воевать только против большевиков, а вступая в немецкие полки, которые могут быть переброшены на другие фронты, русские эмигранты будут вынуждены воевать и против некоммунистических государств, что для Белых абсолютно не возможно. Я добавил, что могу отдать приказ лишь о формировании отдельного русского корпуса для борьбы на Восточном фронте и вполне естественно, что за время формирования этот корпус примет участие в борьбе с сербскими коммунистами» [267].

После длительных переговоров главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и, по словам Скородумова, дал обещание после ликвидации коммунистического движения в Сербии перевести Корпус на Восточный фронт [268].

Когда мероприятия по формированию Корпуса уже начались, Скородумов был вызван в германское посольство в Белграде. Это учреждение продолжало существовать, поскольку нацисты создавали видимость дипломатических отношений с правительством Недича. Посол Бенцлер заявил, что формирование русских воинских частей разрешено быть

не может. Скородумову было предложено отдать приказ о вступлении русских эмигрантов в сербскую жандармерию.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что германским военным был присущ определенный прагматизм в решении военно-политических задач на Востоке. Гражданские учреждения чаще руководствовались партийной идеологией, которая не позволяла создавать русские вооруженные структуры.

В данном случае военные обстоятельства способствовали победе точки зрения военных – интенсивность борьбы против немцев нарастала. Ни в одной другой оккупированной стране немцы не встречали такого ожесточенного вооруженного сопротивления. Тем более ни в одной другой европейской стране не были так сильны позиции коммунистов.

Условия создания Корпуса, сформулированные Скородумовым, были переписаны в двух экземплярах и скреплены подписями Скородумова и Кевиша:

«1. Лишь один командир Корпуса подчиняется немецкому командованию, все же чины Корпуса подчиняются только командиру Корпуса и русским начальникам, им назначенным.

2. Корпус не может дробиться на части, а всегда будет действовать как одно целое, то есть ни одна часть Корпуса не может быть придана немецким частям.

3. Русский Корпус может быть только лишь в русской форме, но ни в коем случае не в сербской и не в немецкой. Для распознавания немцами чинов, на воротниках должны быть особые знаки. На шлемах же должны быть ополченские кресты белого цвета.

4. Никто из чинов Корпуса не приносит никакой присяги, кроме командира Корпуса.

5. Когда Корпус закончит формирование и коммунистическое движение в Сербии будет подавлено, немецкое командование обязуется Корпус перебросить на Восточный фронт.

6. Русский Корпус не может быть использован ни против какого-либо государства, ни против сербских националистов Дражи Михайловича и др. Отдельный Русский Корпус может быть использован только против коммунистов» [269].

Остается неясным – кому должен приносить присягу командир

Корпуса?

12 сентября 1941 года Скородумов получил от Кевиша письменный приказ: «Начальнику Бюро генералу Скородумову разрешается призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Охранного Корпуса и таковой сформировать» [270]. Важно отметить, что Кевиш именует Корпус не «Отдельным», что могло указывать на его независимое положение от немцев, а «Охранным», то есть призванным выполнять вспомогательные функции.

Скородумов использовал прежнюю формулировку. В день получения приказа Кевиша, он отдал собственный приказ: «12 сентября мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербии для формирования Отдельного Русского Корпуса. Командиром Русского Корпуса назначен я. На основании вышеизложенного, объявляю набор всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет… Все поступившие в Корпус удовлетворяются всеми видами довольствия по нормам германской армии. Ставки для обеспечения семей будут объявлены дополнительно. Призываю г. г. офицеров, унтер-офицеров, урядников, солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница Русской истории. От нас зависит, что будет записано на этой странице. Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия. С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию» [271].

Этот эмоциональный и политизированный документ совершенно не вписывался в контекст нацистской «восточной политики». Через два дня – 14 сентября 1941 года Скородумов был арестован Гестапо с согласия германского военного командования.

(После освобождения из-под ареста Скородумов три года не участвовал ни в какой политической дятельности, демонстративно занимаясь сапожным ремеслом, а в 1944 году вступил в Русский Корпус рядовым) [272].

Работу по созданию Корпуса продолжил генерал-майор Борис Александрович Штейфон. Выпускник Николаевской военной академии, он принимал участие в русско-японской и Первой мировой войнах. После октябрьского переворота вернулся на родину в Харьков, чтобы возглавить подпольную группу офицеров Генерального штаба (Харьков находился под властью местного совдепа, а затем попал под немецкую оккупацию). Штейфон помогал русским офицерам переправляться в Добровольческую

армию, в сентябре 1918 года сам прибыл в ее штаб в Екатеринодаре. Вступил в командование Белозерским пехотным полком, затем занял должность начальника штаба Киевской группы войск генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова, участвовал в знаменитом «Бредовском походе». В 1920 году был комендантом беженского лагеря в Галлиполи, откуда переехал в Болгарию, затем – в Королевство СХС. В 1920-30-е годы опубликовал серию работ по истории военного искусства: «Национальная военная доктрина», «Военный рационализм», «Оперативное искусство гражданской войны» и др. Занимался преподавательской деятельностью [273].

2 октября 1941 года название формируемого под началом Штейфона воинского формирования было приведено в соответствие с формулировкой, предлагавшейся Кевишем. Оно стало именоваться «Русским Охранным Корпусом». А уже 18 ноября немцы переименовали его в «Русскую Охранную Группу». Формирование находилось в подчинении германскому Хозяйственному Управлению в Сербии, во главе которого стоял группенфюрер СС Нейхгаузен. Кадрами для формирования служили ветераны Русской Императорской и Белых армий и эмигрантская молодежь. Формирование производилось по мобилизационному принципу, но было и немало добровольцев. В марте 1942 года начальник III («болгарского») Отдела РОВС генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов объявил сборы для отправки людей в Сербию. Этот призыв был также поддержан руководителями Болгарского отдела скаутской Национальной Организации Российских Разведчиков. Члены этих организаций поодиночке и группами стали отправляться по месту назначения [274]. Циркуляры о наборе добровольцев рассылались по русским военным организациям в Германии, Протекторате Чехия и Моравия, Генерал-губернаторстве (Польше), Франции, Греции, Италии. Однако, число добровольцев из этих стран было невелико, так как их вербовка в пределах Германии и Западной Европы немецкими властями не была разрешена. Вместе с тем, существует информация, что к двухлетней годовщине выхода приказа о формировании Отдельного Русского Корпуса (12 сентября 1943), в нем служили русские эмигранты из 14 европейских стран [275].

Помня судьбу Скородумова, Штейфон воздерживался от демонстративных акций, но стремился убедить немцев в необходимости изменения их «восточной политики». Он неоднократно подавал германскому

командованию меморандумы, суть которых сводилась к следующему: 1) нельзя отождествлять коммунизм и советскую власть с русским народом; 2) необходимо поставить в человеческие, и даже в привилегированные, условия русских военнопленных, особенно добровольно перешедших на сторону немцев; распустить концентрационные лагеря; отменить понятие «остабайтеры»; 3) в срочном порядке приступить к формированию русской национальной армии; предоставить ей участок восточного фронта для борьбы с большевизмом; 4) создать русский представительный и организационный центр, который сформирует антикоммунистическое правительство на неподконтрольной Сталину территории России [276].

По характеру боевых действий историю рассматриваемого воинского формирования можно разделить на три периода. С осени 1941 до весны 1944 года главной задачей являлась охрана стратегически важных объектов от посягательств партизанских отрядов. Охранные функции белоэмигранты сочетали с ответными локальными рейдами в районы дислокации партизан.

С весны 1944 до сентября 1944 года Корпус вел активные боевые действия против крупных партизанских соединений И. Б. Тито, вошедших в Сербию из Хорватии и Болгарии.

С сентября 1944 года до окончания войны Корпус находился на линии фронта и противостоял советским и болгарским войскам. В дальнейшем, не выходя из фронтовой полосы, Корпус вёл борьбу с регулярными войсками Тито.

Изначально чины Русской Охранной Группы носили униформу защитного цвета, которая изготавливалась путем переделки югославских мундиров – стоячий воротник перешивался на отложной. В начале 1942 года была введена темно-коричневая униформа аналогичного покроя. Головными уборами служили пилотки и фуражки с кокардой Русской Императорской Армии, а также чехословацкие стальные шлемы с белым «ополченским» крестом. Солдаты и офицеры носили русские погоны, соответствующие последнему званию, полученному в Русской Армии. Служебного значения погоны не имели. Звания по занимаемым ныне офицерским должностям обозначались на петлицах, а звания нижних чинов – нарукавными шевронами [277].

Чины Охранной Группы получали паек и жалование, соответствующие нормам Вермахта. Командные посты занимали исключительно русские

офицеры. Внутренний распорядок и обучение первоначально строились по уставам Русской Императорской Армии. Затем, в связи необходимостью соответствовать требованиям современной войны, Корпус перешел к уставам Красной Армии [278].

1-й полк Охранной Группы в составе трех батальонов был сформирован к ноябрю 1941 года, 2-й – к январю 1942, 3-й – к маю 1942. Подразделения Группы несли гарнизонную службу по городам, охраняли шахты, промышленные предприятия и линии железных дорог. Отдельные батальоны и роты были рассредоточены немцами по всей территории Сербии без учета их подчиненности русским штабам полков и батальонов. Они включались в состав немецких дивизий и «боевых групп» – отрядов нештатного состава и численности. Русские батальоны и роты часто переходили из подчинения одним немецким начальникам – другим. В оперативном отношении Русская Охранная Группа была придана 65-му Корпусу Вермахта генерала Фельбера [279].

Отношение местного населения к Охранной Группе менялось в зависимости от обстоятельств. Чины Группы подвергались остракизму со стороны сербов, симпатизировавших Советскому Союзу. Одна из прокламаций гласила: «Кто не убьёт белого русского, – тот не серб!» В тех районах, которые попадали под власть партизан Тито, а потом освобождались подразделениями Группы, отношение к ее чинам менялось [280]. 25 февраля 1942 года в районе Мойнович-Осечина три роты Русской Охранной Группы, совместно с четниками осуществляли крупную операция по борьбе с партизанами. (Сражение продолжалось шесть дней и закончилось успехом антикоммунистических сил) [281]. 1-8 июля 1943 года в ходе боя по обороне моста через Дрину отряд генерал-майора В. И. Морозова будет обеспечивать эвакуацию беженцев из района, занятого коммунистами [282].

30 ноября 1942 года особым распоряжением германского командования Русская Охранная Группа была включена в состав Вермахта с переименованием в Русский Охранный Корпус. Это решение явилось следствием доклада Геринга Гитлеру, в котором действия Группы получили высокую оценку [283].

К этому моменту Группа состояла из Штаба, дружины при штабе и четырёх номерных полков. Группа насчитывалось около 6 тысяч

военнослужащих, из которых 400 человек находились на командных офицерских должностях. Основную массу Охранной Группы составляли бывшие царские и белые офицеры. От 1 800 до 2 000 чинов Группы составляли казаки. Командующий Группой Б. А. Штейфон, произведённый к этому времени в генерал-лейтенанты, официально находился на службе в немецкой армии. Начальником Штаба (позже эта должность была ликвидирована и заменена должностью адъютанта) состоял генерал-майор Б. В. Гонторев. Группа по-прежнему подчинялась в административном и хозяйственном отношении группенфюреру СС Нейхгаузену, который теперь являлся уполномоченным торговли и промышленности на территории Сербии.

При включении в состав Вермахта, Русский Охранный Корпус получил права немецкой действующей армии. Задачи остались те же, но подчинение изменилось – Корпус перешёл всецело в ведение германского главнокомандующего, придававшего полки Корпуса тем или иным немецким дивизиям. Штаты полков увеличились, но их число было ограничено тремя. Командный состав сократился примерно на 150 человек. Перевод Корпуса в положение действующей армии совпал так же с объединением всех казаков в 1-й полк, который, в связи с этим, стал именоваться казачьим полком. Эта внутренняя перегруппировка была произведена по инициативе войсковых атаманов. Новые штаты соответствовали немецким и были составлены применительно к отдельной кавалерийской бригаде [284].

28 января 1943 года вышел приказ германского командования, в соответствии с которым, военнослужащие Русского Охранного Корпуса получали обмундирование Вермахта с германскими знаками различия, русские знаки различия упразднялись [285].

29 января 1943 года началось приведение чинов Корпуса к присяге: «Клянусь свято перед Богом, что я в борьбе против большевиков – врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской Армии, буду оказывать Верховному Вождю Германской Армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов, как храбрый воин, во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу» [286].

Принятие этой присяги явилось формальным завершением передачи Корпуса в состав Вермахта. Германский главнокомандующий на Юго-

востоке генерал Бадер, присутствовавший на присяге седьмой роты второго полка, сказал: «Этим важным достижением выражена благодарность и признание за вашу предыдущую работу, и, я надеюсь, что всеми вами это понимается именно так» [287].

Германское командование начало формировать второй Русский Охранный Корпус в Болгарии, и приступило к зачислению в него русских эмигрантов. Это воинское формирование тоже должно было находиться в составе Вермахта, однако, данное начинание, по не установленным пока причинам, развития не получило [288].

12 марта 1943 года Русский Охранный Корпус, действовавший на территории Сербии получил пополнение из военнопленных Красной Армии в количестве 297 человек. Из них были сформированы две роты. В сентябре 1943 года Корпус пополнился пятью тысячами добровольцев из Одессы, Бессарабии и Буковины. В период с 28 сентября по 30 декабря из них были сформированы и отправлены в полки 11 рот. Из них было сформировано два новых полка – 4-й и 5-й, которые были обмундированы в итальянскую форму с немецкими знаками различия [289].

Признание заслуг Корпуса немцами, предоставление ему прав немецкой армии, пополнение за счет советских граждан – эти факты вселяли надежду, что Корпус все-таки будет направлен на Восточный фронт. Кроме того, во внутренней жизни Корпус сохранял образ русской воинской части. Немецкий персонал был представлен только двумя офицерами связи при Штабе Корпуса, каждого полка и батальона, а также двумя унтер-фицерами – инструкторами при каждой роте. В руках германских военных чиновников и унтер-офицеров находились хозяйственные учреждения Корпуса, но ни один немецкий офицер дисциплинарной властью не пользовался [290]. Все командные должности занимали русские: генерал-лейтенант Д. П. Драценко, генерал-майоры В. Э. Зборовский, И. К. Кириенко, А. Н. Черепов, В. И. Морозов, полковники Б. В. Гонотрев, А. И. Рогожин, Б. С. Гескет, Б. А. Мержанов, А. А. Эйхгольц, Д. В. Шатилов, подполковник Д. В. Попов-Кокоулин. 17 мая 1943 года на Баннице начал работу 1-й съезда Русского Охранного Корпуса, на котором выступили с докладами все полковые и батальонные пропагандисты. До этого отдел пропаганды при Штабе Корпуса существовал явочным порядком, теперь он стал легальным отделом Штаба [291].

На этом этапе было чрезвычайно важно не испортить отношений с немцами. Но 20 сентября 1943 года 1-й полк Корпуса получил предложение от Дражи Михайловича заключить тайное соглашение против оккупантов. В случае, если предложение будет отклонено, руководитель «Королевской армии в отечестве» обещал полностью разгромить полковые гарнизоны. Командование Корпуса не поддержало предложение и, несмотря на то, что угроза четников осталась только угрозой, морально-политическое состояние русских ухудшилось – они симпатизировали Михайловичу, понимали правоту его дела. Отряды четников пытались отбирать у чинов Корпуса оружие и агитировали их переходить в свои ряды. Не удалось избежать вооруженных столкновений.

К сентябрю 1944 года Корпус в основном завершил свою функцию по защите объектов от партизан и начал действовать как фронтовое соединение. Внезапная капитуляция союзных Гитлеру Румынии и Болгарии привела к тому, что в течение нескольких дней фронт переместился к границе Югославии. 10 октября из названия Корпуса было удалено слово «охранный», отныне он стал именоваться «Русским Корпусом в Сербии».

22 октября главнокомандующий Группы Армий «Е» генерал Леер отдал приказ: «Все русские части в долине реки Ибра образуют Боевую Группу оберста [*] Б. В. Гонтарева [**] и получают задачу очистить от партизан путь Рамка-Сараево для отхода германских войск из Греции» [292]. Здесь германское командование ожидало высадку английских и американских войск.

Надеждам на отправку в Россию не суждено было реализоваться, но принять участие в боевых действиях против Красной Армии Корпус сумел. 23 октября первая рота и два отделения второй роты 4-го полка Русского Корпуса совместно с германскими частями начали контрнаступление против советских войск[293].

Превосходство Красной Армии в живой силе и воружении было очевидным, однако частям Корпуса удалось достичь нескольких локальных успехов, например под Дон Милановцем, где советский полк оказался вынужденным отступить с поля боя, или под Чачком, где была захвачена советская батарея [294].

Приказом Боевой Группе от 26 октября, из всех русских частей в

[*] Полковника.
[**] Правильно – Гонторева.

указанном районе, был сформирован Сводный полк под командованием полковника А. И. Рогожина в составе трёх стрелковых и одного запасного батальонов. 27 ноября Сводный полк поступил в распоряжение командира 5-го Горного Корпуса СС генерала Кригера. Начался завершающий этап боевого пути русских белоэмигрантов в Сербии.

За все время существования Русского Корпуса, через него прошло 17 090 человек, из которых около 5 тысяч составляли граждане СССР. Общие потери Корпуса к концу войны достигли 11 506 человек [295].

Рассмотренное белоэмигрантское воинское формирование не было единственным в Югославии. 17 февраля 1942 года в «Информации» III Отдела РОВС появилось сообщение, что помимо Русской Охранной Группы, немцы формируют Русский вспомогательный полицейский батальон при частях СС [296].

Набор русских эмигрантов осуществлялся на добровольных началах в соответствии с приказом уже упоминавшегося германского главнокомандующего на Юго-востоке генерала Бадера. Формирование было поручено Михаилу Александровичу Семенову, служившему в годы Гражданской войны в Вооруженных Силах Юга России (ВСЮР) в чине капитана. В эмиграции он возглавлял Монархическое Объединение и югославский отдел Союза Русской Национальной Молодежи до вхождения последнего в НТС.

Созданный добровольческий батальон был строевой пехотной частью и подчинялся армейскому командованию, но находился на снабжении Главного управления СС. В связи с началом операции по формированию батальона, Семенов получил звание гаупштурмфюрера СС, что в армейском реестре соответствовало званию гауптмана (капитана). Иными словами, звание Семенова, полученное им во ВСЮР, было подтверждено. Его штаб состоял из офицеров-белоэмигрантов: Чухнова, Гринева, Остермана и Лаврова. Рядовой состав комплектовался как эмигрантами, так и гражданами СССР. К августу 1942 года численность воинского формирования составила 600 человек.

Батальон предназначался для осуществления десантной операции под Новороссийском, однако так и не был выведен на Восточный фронт, использовался для борьбы с югославскими партизанами и охраны тыла

германских войск. В конце 1944 года батальон был развернут в полк, после чего ему было присвоено наименование «Варяг», Семенов произведен в полковники.

Казачьи воинские формирования получили в Вооруженных Силах Германии существенно большее развитие, чем другие русские воинские формирования. Казаки имели особый статус в расовой иерархии Третьего Рейха – Гитлер считал их потомками ост-готов, то есть «народом германской крови».

Первым русским командиром казаков в Вермахте был не белоэмигрант, а бывший командир 436-го пехотного полка РККА майор И. Н. Кононов, перешедший на сторону немцев 22 августа 1941 года. Это был первый советский командир, изъявивший намерение начать вторую гражданскую войну против большевизма. В течение многих лет белоэмигранты делали расчет на то, что в Красной Армии есть командиры, враждебные существующему политическому строю, и что они проявят себя в ходе крупномасштабной войны с участием СССР. Практика показала, что эти расчеты не были лишены оснований.

Иван Никитович Кононов родился в станице Ново-Николаевской Таганрогского округа Области Всевеликого Войска Донского. Многие члены семьи Кононовых были убиты большевиками в ходе Гражданской войны и позже, в период коллективизации. Однако, Кононов связал свою судьбу с Красной Армией, приписав себе «пролетарское» происхождение. Он успешно окончил дивизионную школу младшего комначсостава, кавалерийское отделение элитной Объединенной военной школы имени ВЦИК и Военную академию им. М. В. Фрунзе. Участвовал в советско-финской войне 1939-40 годов, где отличился в сложной ситуации, сложившейся для 8-й советской армии. За боевые заслуги был награжден орденом Красной звезды. 15 августа 1940 года Кононов вступил в командование 436-м полком 155-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Барановичей в Западном особом военном округе.

Современные исследователи приводят несколько версий, касающихся обстоятельств перехода Кононова на сторону немцев [*]. Но вне зависимости

[*] 22 июня 1941 года 10-я армия, в составе которой находился полк Кононова, находилась в районе

от обстоятельств перехода, Кононов сразу же заявил о своем желании принять участие в вооруженной борьбе с большевизмом. В 1948 году он напишет: «Живя непосредственно в Советском Союзе, я видел все прелести террора, нищеты, издевательства над народами, находящимися под гнетом коммунизма. Я твердо решил стать на путь открытой борьбы против коммунизма с целью освобождения нашей родины от варваров, бандитов-коммунистов во главе с проклятым, кровавым горным шакалом Джугашвили-Сталиным. Нужно прямо, отчетливо и правдиво сказать, что миллионы людей Советского Союза войну 1941 г. восприняли с большой радостью и надеждой на Германию, что она поможет, наконец, сбросить ярмо коммунизма с людей С. С. С. Р. Но тупость и беспредельная наглость нацистской политики /привела к тому, что/ народы Советского Союза не сумели получить освобождение от коммунизма» [297].

Предложение Кононова заинтересовало командующего войсками безопасности тыла Группы Армий «Центр» генерала М. фон Шенкендорфа, который был сторонником привлечения населения СССР на сторону Германии. Началось формирование 102-го казачьего эскадрона в Могилеве, которое было завершено 28 октября 1941 года. Далее последовало формирование 2-го, 3-го, 4-го и 5-го эскадронов, на основе которых в сентябре 1942 года был создан 102-й (с октября – 600-й) казачий дивизион под командованием Кононова. Общая численность дивизиона составила 1 799 человек, в том числе 77 офицеров. Дивизион комплектовался советскими военнопленными, которых Кононов лично набирал в лагерях. Первым помощником Кононова из числа белоэмигрантов стал майор Пуговичников [298].

---

Белостока. К 28 июня армия оказалась в “котле”, в начале июля управление армии перестало существовать. В Главном управлении кадров НКО Кононов числился как пропавший без вести с 31 июля 1941 года. По версии самого Кононова, представленной в 1948 году, он перешел к немцам вместе с полком, добровольно, переходу предшествовала предварительная договоренность с немцами. По одной из советских версий, Кононов сдал полк, по другой – поставил полк в крайне невыгодное положение, после чего несколько десятков бойцов сдались вместе со своим командиром. В 1948 году свою версию высказал полковник власовской армии В.В. Поздняков, который августе 1941 года в качестве начальника химической службы 67-го стрелкового корпуса РККА инспектировал полк Кононова. По информации Позднякова, Кононов сдался в плен вместе с одним из своих батальонов, будучи в окружении. Приводятся сведения о том, что после 22 августа группа военнослужащих 436-го полка еще некоторое время продолжала боевые действия против немцев. По версии Кононова, переходя к немцам, он взял с собой полковое знамя. Ныне знамя 436-го полка находится в Музее Вооруженных Сил СССР. Остается неизвестным, является ли это знамя подлинным, и если да, то какова его судьба. Было ли оно отбито Красной Армией обратно в ходе боевых действий, или вообще никогда не попадало в руки противника. (Александров К. Трагедия донского казака Ивана Кононова // Посев. – 2000. - №№ 5,6; Окороков А.В. Не сотвори себе кумира… // Станица. – Март 2001. – № 2 (35).

Став подполковником, Кононов получил в подчинение 5-й (600-тый) Донской кавалерийский полк в составе дивизии генерал-майора Гельмута фон Паннвица [299]. Это воинское формирование принимало участие в боевых операциях в районе Бобруйска, Могилёва, Смоленска, Невеля, Полоцка, а также на Балканах, в том числе против 12, 18, 27, 28-й партизанских бригад И. Б. Тито.

В 1943 году приказом немецкого командования Кононову было присвоено очередное воинское звание – полковник. Он был награжден девятью орденами, в том числе Железным крестом 1-го и 2-го классов, Рыцарским нашейным хорватским крестом, всеми пятью существовавшими «восточными» медалями – золотой, серебряными и бронзовыми [300].

Казачьи дивизионы формировались в составе немецких охранных дивизий, действовавших на южном участке Восточного фронта, а также при штабах немецких танковых соединений. Их назначением стала борьба с партизанами, охрана стратегически важных объектов и разведывательная служба. Летом 1942 года были образованы казачьи кавалерийские полки «Платов» и «Юнгшульц», носивший имя своего командира. Казачья часть была сформирована в составе итальянской кавалерийской группы «Савойя».

Форма одежды казачьих частей, входивших в состав Вермахта, изначально представляли собой разнородное сочетание предметов германского и советского обмундирования с элементами обмундирования традиционого казачьего: папахами, шапками-кубанками, фуражками с цветным околышем, башлыками, черкесками, бурками и брюками с лампасами. На флагах и штандартах таких частей изображалась традиционная казачья символика – подкова, шашка, скрещенная с нагайкой, шапка-кубанка [301].

18 июня 1942 немецким командованием был издан приказ об организации центра формирования добровольческих казачьих частей в Славуте. Во всех лагерях военнопленных начали отбирать казаков и направлять их в единый лагерь. За десять дней с момента подписания приказа удалось отобрать и сконцентрировать до шести тысяч человек. Было решено формировать части по войсковому принципу, а именно: Донские, Кубанские, Терские и сводные, куда входили казаки небольших областей и представленные в сборочном лагере в небольшом количестве.

Организация полков натолкнулась на серьёзное затруднение, связанное с недостатком старшего и даже среднего командного состава. В связи с этим

германское военное командование, нарушая принцип фюрера – не допускать российских эмигрантов на оккупированные территории СССР, начало привлекать белых офицеров в казачьи войска Вермахта. Из наличного состава казаков в первую очередь начали формировать 1-й Атаманский полк и Особую казачью полусотню. На подбор казаков в нее было обращено особое внимание. В полусотню отбирались казаки, которые в годы Гражданской войны в России служили в отрядах генералов А. Г. Шкуро, С. Л. Маркова и других белых военачальников. В Особую полусотню брали также репрессированные советской властью и имевших по приговорам не менее 10 лет (очевидно организаторы корпуса располагали такими кадрами). Особенность формирования полусотни объяснялась тем, что эта боевая единица была предназначена для выполнения особо важных заданий. К концу июля 1942 года было закончено формирование 2-го Лейб-казачьего, 3-го Донского, 4-го и 5-го Кубанских, 6-го и 7-го сводно-казачьих полков. 6 августа сформированные казачьи части были переведены из лагеря в специально предназначенные для них казармы в Шепетовке, где был образован Штаб формирования казачьих войск [302]. Начиная от системы чинопроизводства и заканчивая распорядком дня, всё было введено по образцу дореволюционных казачьих полков.

Первоначально, создаваемые части использовались исключительно как вспомогательные войска по охране лагерей военнопленных. По мере того, как ширилось формирование, отдельные полки в полном составе стали отправляться на фронт, на охрану военных объектов и железных дорог, на борьбу с партизанами [303].

Штаб формирования казачьих войск уделял внимание не только количеству, но и качеству формирований. В сентябре 1942 было открыто Юнкерское училище, где готовились офицерские кадры, организована «Подофицерская школа» для подготовки младшего командного состава – урядников и вахмистров; открыто офицерское собрание, где ежедневно собирались штабные и строевые офицеры [304].

Для того, чтобы дать нужную идеологическую установку казакам, был создан Культурно-просветительский взвод. Являясь центром такой деятельности, взвод организовал сеть офицеров во всех полках, на которых легла задача служить проводником в стихийную казачью массу идей и директив, исходящих из центра – Культурно-просветительского взвода.

Взвод был разделён на отделы. Редакционный отдел издавал газету «Казачий клич», казачий офицерский бюллетень, «Духовный листок», военную сводку, казачью газету для немецкого персонала и практические руководства для изучения немецкого языка. Существовал также Отдел Активной Пропаганды для местного населения и военнослужащих РККА [305].

В казачьих полках и сотнях, сформированных осенью-зимой 1942 года на Дону, Кубани и Тереке, офицеры, по возможности, носили форму казачьих частей Русской Императорской Армии, включая цветные фуражки с кокардой, шинельные петлицы и старые русские погоны [306].

Приращение казачьих воинских единиц, действовавших в союзе с Вермахтом, шло и другим путями. После взятия немцами Новочеркасска 25 июля 1942 года к представителям германского командования явилась группа донских офицеров, уцелевших после большевистского расказачивания. Участники делегации изъявили готовность помогать немцам в их борьбе против Сталина. По инициативе германского командования в Новочеркасске был создан Штаб Войска Донского [307].

В целом жизнь казачьих областей, занятых немцами, лёгкой не была. Так, в Информации III Отдела РОВС о ситуации в Таганроге на первую половину марта 1943 сообщается, что положение населения очень тяжёлое, перечисляется скудный рацион питания, установленный германским командованием, говорится о том, что «…товаров нет никаких, цены очень высокие,… медикаментов нет». Однако вместе с тем сообщалось: «К антикоммунистическим армиям население относится доброжелательно» [308].

По сообщению того же источника, городское управление и полиция обслуживаются бывшими офицерами Русской Императорской и Добровольческой армий. «Партийцы удержались только на заводах в качестве специалистов, но их постепенно увольняют и заменяют теми, кто подвергся репрессиям со стороны большевиков» [309].

В декабре 1942 года при Восточном министерстве было создано Казачье управление, которое возглавил немецкий чиновник Н. А. Гимпель. Новая организация поставила перед собой несколько комплексных задач. Прежде всего – освобождать казаков из лагерей военнопленных и исключать их из положения «остарбайтеров». Установить материальное обеспечение казаков и их семей, находящихся в Германии и зависимых от нее странах, оказывать казакам юридическую помощь. Координировать движение беженцев с

казачьих территорий, которые вновь попадали под контроль Красной Армии, организовывать приемные беженские пункты, обеспечивать беженцев жильем и питанием. Применительно к проблеме эмигрантов, планировалось помогать беженцам в поисках родственников, нашедших приют в странах Западной Европы в 1920-е годы. Наконец, новое ведомство брало на себя задачу подготовить организацию временного казачьего правительства за границей и издавать журнал «Казачьи ведомости» тиражом 10 000 экземпляров [310].

Для осуществления намеченных политических задач Гимпель планировал привлечь к работе П. Н. Краснова. 25 января 1943 года Краснов подписал обращение, в котором призывал казаков встать на борьбу с большевистским режимом. В обращении говорилось о казачьей самобытности и праве казаков на самостоятельное государственное существование. В документе не было каких-либо упоминаний о России. Позже Краснов скажет, что с момента подписания этого обращения, он стал только казаком, стал служить только казачьему делу, поставив «крест на своей предыдущей жизни и деятельности» [311].

Важным фактом направленной идеологической работы в среде казачества следует считать выход в свет 25 апреля 1943 в Берлине первого номера журнала «На казачьем посту», который стал главным печатным органом несепаратистского направления казаков-эмигрантов. Журнал издавался вплоть до 1945 года. Первый номер открывался обращением к казакам генерал-лейтенанта П. Н. Краснова. Содержание этого документа свидетельствует о том, что позиция автора не изменилась с июня 1941 года: «Идите в Германские войска, идите с ними и помните, что в Новой Европе Адольфа Гитлера будет место только тем, кто в грозный и решительный час последней битвы нелицемерно был с ним и Германским народом» [312].

15 октября 1943 года была опубликована военная присяга казаков, служащих в германской армии: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови» [313].

Общий характер и стиль подачи материалов в журнале «На казачьем посту» красноречиво характеризует данная им информация об отступлении немцев из казачьих областей в сентябре 1943 года: «По стратегическим

соображениям Главного Верховного Командования Германской Армии, немецкие войска частично оставили занятую ими территорию, в число которой попал и наш близкий и родной, каждому казачьему сердцу город Новочеркасск, где сейчас гуляет кровавая рука иудо-большевиков»[314].

Весной 1943 года начальником всех казачьих войсковых соединений являлся генерал-лейтенант фон Клейст. Ему были подчинены походные атаманы: Всевеликого Войска Донского полковник Духопельников, Кубанского Казачьего Войска Полковник В. Д. Белый, Терского Казачьего войска старшина Н. Л. Кулаков. К началу мая 1943 существовало около 20 казачьих полков, численностью от 400 до 1 тысячи человек в каждом. По сообщению войскового старшины М. И. Зарецкого генерал-лейтенанту Е. И. Балабину от 3 мая 1943 года: «Ощущается острый недостаток в офицерах и урядниках. Есть стремление просить у Германских властей из эмиграции указанных господ офицеров и казаков, так как прикомандированные бывшие красные офицеры не пользуются авторитетом и доверием» [315].

В «Информации» РОВС за март 1943 года, также говорилось о недостатке профессиональных военных кадров: «При войсковом штабе полковника Павлова, перемещенном из Новочеркасска в Таганрог, формируются три донских полка. Командиру одного из них, полковнику Ёлкину, 70 лет. Молодых офицеров вообще нет»[316]. Полковник В. Д. Белый, являвшийся старшим из походных атаманов, был принят Гитлером по этому вопросу. Помимо обсуждения проблемы привлечения офицеров-эмигрантов в действующие казачьи части, Белый ходатайствовал об объединении казаков, разбросанных по рабочим лагерям, лагерям военнопленных, по отдельным германским воинским частям.

Гитлер ответил, что 1 мая 1943 года начнутся перемены, и ходатайство полковника будет удовлетворено [317]. 21 апреля германское командование отдало приказ о формировании 1-й Казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Гельмута фон Паннвица – крупного кавалерийского военачальника, хорошо владевшего русским языком. Дивизия была сформирована главным образом из добровольцев, вступивших в отряды казаков после прихода немцев на территории казачьих земель. Бывшие военнопленные находились в меньшинстве [318]. 15 июня 1943 года в городе Млаве фон Паннвицем была организована «Школа юных казаков». К

июлю 1944 это учебное заведение насчитывало 450 человек, 85% которых составляли кубанцы, вывезенные весной и летом 1943 с Таманского полуострова. Школа готовила урядников с перспективой превратить их со временем в офицеров [319].

В 1-й Казачьей кавалерийской дивизии форма одежды была унифицирована. Так, например, донские казаки, составлявшие в дивизии 1-й и 5-й полки, носили черные папахи с красным верхом и скрещенными полосами серебряной тесьмы, темно-синие шаровары с красными лампасами и красно-синий нарукавный знак с буквами «ВД» (Войско Донское) [320].

В послужном списке казачьих формирований Вермахта от момента создания 1-й дивизии и до конца 1943 года следует отметить крупномасштабные боевые действия против РККА, которые вело воинское формирование, именуемого в журнале «На казачьем посту» Кубанской армией. Она обороняла предмостные укрепления, прикрывая отступление немецких частей с Кубани в Крым через Керченский пролив. В ночь с 8 на 9 октября 1943 года эвакуация была успешно завершена, и боевая операция кубанцев, соответственно, закончена. Гитлер издал приказ, в котором выразил благодарность и признательность казакам, по его распоряжению был учрежден Кубанский знак отличия [321].

10 ноября 1943 года начальник Штаба Верховного командования Кейтель и руководитель Восточного министерства Розенберг от имени германского правительства подписали декларацию, переводившую взаимоотношения немцев с казаками на принципиально на новый уровень:

«Казаки! Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков. Старшие войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, вы, казаки закалили себя в боях.

Когда большевики поработили Россию, вы с 1917-го года по 1921-й боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходящим вас числом, материальными средствами и техникой. Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933-й годы, вы постоянно восставали против жидовской власти большевиков. Вас расстреливали, уничтожали. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями на крайний

север, где вы погибали тысячами. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь гонимых и ждущих казни людей. Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены. Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. Вы с семьями, всем народом ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки в зимнюю стужу, кочевую жизнь – рабству под большевиками. Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечом к плечу, стремя к стремени с Германскими войсками. Вы пережили весь ужас жидовской власти большевизма и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздаяние заслуг ваших на поле брани в нынешнюю величайшую войну совершенных; в уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую; в сознании прав ваших на самобытность **– с**читаем долгом нашим утвердить за вами**,** казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и с вами доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.
2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.
3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков ваших.
4. Если бы военные обстоятельства *временно* не допустили бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы. Да поможет вам в этом Всемогущий!» [322]

П. Н. Красновым принял этот документ с восторгом [323]. Журнал «На казачьем посту» оценил декларацию как свидетельство того, что «экзамен на право называться союзником первоклассной Германской армии выдержан», как формальный акт принятия казаков «в семью славных борцов за новую

жизнь в Европе». Дату 10 ноября 1943 года планировалось сделать точкой отсчёта новой истории казачества [324].

После декларации Кейтеля-Розенберга, воодушевившей казачью эмиграцию, появился ещё один документ, противоречащий предыдущему. Это был проект Восточного министерства по созданию Казачьих Опорных пунктов в Германии, Франции, Сербии и Протекторате Чехия и Моравия. Восточное министерство собиралось упразднить Общеказачье Объединение генерал-лейтенанта Е. И. Балабин, распустить все станицы и хутора и впредь управлять казаками через начальников Опорных пунктов. Приказ об этой реформе было предложено подписать П. Н. Краснову, лидеру самостийников В. Г. Глазкову и самому Балабину, что ставило его в унизительное положение. Результаты четырёхлетней работы Балабина по сплочению казаков, их моральному и идеологическому объединению, должны были уничтожиться одним приказом.

О готовящемся решении Балабину сообщил Глазков, после своей недельной командировки в Берлин, куда он был вызван чиновниками отдела Восточного министерства, занятого делами казаков Дона, Кубани и Терека. Этот отдел был создан в начале 1943 года для «оказания помощи находящимся в рядах Вермахта казакам и их семьям». Балабину было предложено договориться с Глазковым о том, кто будет назначен начальником Казачьего Опорного пункта в Праге. О кандидатуре на пост начальника Опорного пункта в Берлине Глазков вёл переговоры с полковником Зарецким, хотя компетенция Общеказачьего Объединения распространялось на всю Германию.

Переговоры Балабина с Глазковым не дали результата, так как он отверг все шесть кандидатур, предложенных Балабиным. Ситуация повторилась и при разговоре Глазкова с Зарецким. Это произошло потому, что по указанию Восточного министерства, на должности начальников Опорных пунктов Глазков должен был подобрать самостийников.

Балабину отводилась роль советника при будущем начальнике Опорного пункта в Праге, причём вторым советником должен был стать помощник Глазкова – некто Донецкий. Принять этот пост Балабин наотрез отказался. «Не сомневаюсь, – писал Балабин П. Н. Краснову, – что всё происходящее есть лишь результат происков самостийников, которые видят, как распадается их на бумаге существующая организация, и как растет и крепнет

наше Объединение, и они воспользовались своими связями, чтобы разложить все организации, и под шумок сделать свои делишки»[325].

В действительности, здесь проявилась борьба за власть между властными структурами Рейха. Восточное министерство стремилось перевести казаков под свой контроль. Глазков и другие самостийники были только инструментом для осуществления этого замысла. Подписывая 10 ноября 1943 года совместную декларацию о казаках, Кейтель и Розенберг преследовали общую цель – стимулировать дальнейшее развитие казачьего антисоветского движения. Но дальше планы представителя военного командования и гражданского чиновника, занимающегося делами оккупированных территорий, – расходились. Кейтель был заинтересован в создании боевых частей Вермахта, а Розенберг – в создании сепаратистских «национальных комитетов», подконтрольных Восточному министерству.

Негативное отношение Балабина к проекту Восточного министерства не было продиктовано личными амбициями: «Я ничего не имею против упразднения моей должности и даже рад предстоящей свободе, пусть будет и Казачий Опорный Пункт, но зачем распускать станицы? Как и кем будут управляться казаки в провинциях, в местах, где нет Опорного Пункта? Ведь станичные атаманы и правления не будут существовать?» [326]

1 января 1944 года журнал «На казачьем посту» опубликовал призыв воздержаться от любой критики в адрес будущего «Верховного Атамана Казачества, кто бы ни был утвержден немецкими властями» [327]. Спустя ровно месяц журнал довёл до сведения своих читателей, что приказом начальника германского Генерального штаба, должность «генерала Восточных войск» переименована в должность «генерала Добровольческих войск». Вместо генерал-лейтенанта Гельмиха назначен генерал от кавалерии Кёстринг [328]. Новый руководитель родился и воспитывался в России, во время Первой мировой войны, находясь на службе в германской армии, работал в крупных штабах на Восточном фронте. В 1931-33 и 1935-41 годах Кестринг служил военным атташе в Москве. Командование Вермахта считало его одним из лучших знатоков СССР.

Новое назначение давало читателям журнала повод надеяться, что руководство Рейха заняло, наконец, последовательную позицию в отношении «подсоветских» людей и эмигрантов. Что внутриполитические интриги сойдут на нет, и формирование «Добровольческих войск» пойдет в

более высоком темпе.

К тому же, 1 марта журнал смог оповестить своих читателей о новом приказе Гитлера, согласно которому все военнослужащие «Восточных войск» получали право носить германские знаки отличия и возможность быть награжденными Железным крестом и Крестом военных заслуг [329].

Однако, в частной переписке крупных белоэмигрантских деятелей отразились другие настроения. В письме полковнику Гегела-Швили от 19 января 1944 года фон Лампе писал: «… я узнал, что так называемый генерал ост, то есть германский генерал, которому подчинены все российские формирования на Восточном фронте, заменен другим, говорящим по-русски и более интересующимся русскими делами. Откровенно говоря, я предпочел бы, чтобы он к нам интереса не проявлял…» [330] За два с половиной года советско-германского противостояния многие иллюзии рассеялись, воодушевление, характерное для первых месяцев войны, сменилось апатией.

Кестринг все-таки «проявил интерес» к эмигрантам, и особенно к казакам, утвердив 31 марта 1944 года создание Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ). Состав этого учреждения говорит о намерении его создателей объединить эмигрантов и выходцев из СССР. ГУКВ возглавил генерал-лейтенант П. Н. Краснов. Его ближайшими помощниками стали генерал-лейтенант В. Г. Науменко, полковник С. В. Павлов и полковник Н. Л. Кулаков. ГУКВ предстояло сыграть заметную роль в истории антисоветского казачьего движения. В значительной степени эта роль определялась персональным составом ГУКВ.

Вячеслав Григорьевич Науменко – кубанский казак, выпускник кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища, прошел неполный курс Николаевской военной академии. Участвовал в Первой мировой войне, к 1917 году занимал должность начальника штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. Участвуя в Белом движении на юге России, прошел путь от командира Корниловского конного полка до командира 2-го Кубанского конного корпуса. Был ранен, награжден георгиевским оружием и несколькими орденами. В декабре 1918 года был назначен министром Кубанского Краевого правительства по военным делам. С этого времени, и на протяжении всех лет эмиграции – бессменный Походный атаман Кубанского казачьего войска [331].

Сергей Васильевич Павлов – донской казак, выпускник кадетского

корпуса, Николаевского кавалерийского училища и Винницкой военно-авиационной школы. В годы Первой мировой войны служил в боевой авиации, был награжден боевыми орденами. Принимая участие в Белом движении на юге России, прошел путь от подъесаула до полковника, был ранен, награжден золотым георгиевским оружием. Во время гибели Донской армии был вынужден остаться в Новороссийске, скрывался под вымышленной фамилией. В 1936 году арестован НКВД, но его личность установлена не была. После освобождения, предположительно, по «бериевской амнистии», создал в Новочеркасске подпольную антисоветскую казачью организацию, легализовавшуюся после прихода немцев. Сформировал и возглавил 1-й Донской казачий полк Вермахта, осенью 1943 года немцы признали Павлова Походным атаманом всех казачьих войск. К этому времени в его подчинении находилось 18 000 казаков, включая женщин и детей, образовавших так называемый Казачий Стан [332].

Николай Лазаревич Кулаков – терский казак, начал службу рядовым, участвовал в Первой мировой войне, был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Принимал участие в Белом движении на юге России, произведен в чин войскового старшины. В 1920 был тяжело ранен, в результате чего лишился обеих ног. Будучи вынужденным остаться в советской России, в течение 12 лет скрывался от ОГПУ, все же был арестован, но освобожден как инвалид. После занятия немцами Северного Кавказа, местное казачье население избрало Кулакова станичным атаманом. По специальному распоряжению германского командования, для него были изготовлены протезы, на которых он участвовал в боевых действиях. Первая должность Кулакова в Вермахте – командир 1-й Терской сотни, впоследствии включенной в состав 1-й Казачьей кавалерийской дивизии фон Паннвица [333].

П. Н. Краснов и его помощники рассматривали ГУКВ как «представительство перед германским командованием для защиты казачьих прав» [334]. Оно занималось казаками, прибывшими из СССР – их вербовкой на военную службу, сбором казаков из плена и из положения «остарбайтеров», обустройством жизни казачьих семей. Управление должно было переводить казаков, рассредоточенных по немецким подразделениям Вермахта, СД и СС в казачьи подразделения Вермахта. Задача переподчинения казаков представлялась самой сложной. Е. И. Балабин писал генерал-майору

В. А. Дьякову: «Почти во всех немецких ротах находятся русские… Из своих рот немцы, конечно, никогда казаков не отдадут… Не отдаст казаков и СС. Но если Управление выудит казаков из плена, из ОСТ и устроит семьи – и то будет грандиозная работа и колоссальная помощь казачеству» [335].

Начальник Управления Делами Русской Эмиграции в Германии генерал-майор В. В. Бискупский приветствовал создание ГУКВ, но делами эмигрантов оно «пока» не занималось. Ему было разрешено привлекать эмигрантов в германские войска «хотя бы в массовом количестве, но только персонально». «Думаю, – продолжал Балабин, – что многие пойдут, так как казаки понимают, что они связаны с немцами, что погибнут немцы – погибнут и казаки. Победят немцы – как-то устроятся и казаки» [336].

По его оценке, общее количество казаков, находящихся по немецкую сторону фронта в конце марта 1944 года составляло 65 тысяч человек. 22 тысячи – в дивизии фон Паннвица, который пользовался у казаков популярностью. В его дивизию стремились попасть казаки разных воинских подразделений, в том числе и из Русского Охранного Корпуса. Командующий Корпусом Б. А. Штейфон препятствовал этому, так как во вверенном ему формировании, насчитывавшем к 1943 году 2,5 тысячи человек, казачий полк был лучшей частью.

Так или иначе, создание Главного Управления Казачьих Войск явилось важным событием. За два года казачество выросло в структурированную и официально признанную немцами силу. Вооружёнными казаками стало руководить Верховное командование Вермахта, а не районные или городские полицейские управления и комендатуры. Вместо десятков атаманов местного и временного значения образовался единый казачий центр – ГУКВ. Ссылаясь на немецкие газеты и журналы за 1944 год, журнал «На казачьем посту» сделал вывод, что казакам германское Министерство пропаганды уделяло наибольшее внимание из всех народов и этнических групп России.

Помимо задач, которые были перечислены выше, ГУКВ постепенно брало на себя и другие: продолжалась подготовка офицерских кадров, воспитание молодёжи, проверка офицерского и рядового состава частей на предмет очищения их от случайных и разложившихся элементов. Всевозможные споры и «партийные» разногласия, бывшие некогда основным содержанием эмигрантской жизни, встречались уже только как пережиток и анахронизм. Единодушия с самостийниками, однако,

достигнуть так и не удалось.

«Главное Управление Казачьих Войск, – писал журнал «На казачьем посту» – утверждено Германской Властью и, стало быть, по нашей казачьей морали, установлениям и традиции, является для каждого казака незыблемым авторитетом и законом поставленным начальством. И, конечно, всякий казак понимает, что языкоблудие по отношению к своему законному руководству – не только оскорбление для всего казачества, но и измена воинской присяге»[337]. Казачье руководство еще раз продемонстрировало свою лояльность по отношению к Гитлеру, в связи с покушением на него 20 июля 1944 года. Текст послания, направленный в ставку Гитлера не известен, но 12 августа Кёстринг получил из ставки ответную телеграмму: «Начальнику Главного Управления Казачьих Войск Генералу Краснову. Фюрер и Главнокомандующий Армий поручил мне передать Вам Его сердечную благодарность за Ваши пожелания счастья по поводу неудавшегося покушения» [338].

25 апреля 1944 года Гитлер издал приказ о воинской и рабочей повинности бесподданных в Германии: «Бесподданные, постоянно проживающие на территории Рейха, могут привлекаться к отбыванию воинской и рабочей повинности наравне с германскими подданными. Распоряжения и пополнения, необходимые для проведения этого Указа, издаются Начальником Главного Командования Вооружённых Сил и Рейхсарбайтсфюрером каждой области в согласии с причастными высшими имперскими учреждениями» [339].

Этот приказ в первую очередь касался эмигрантов из России, многие из которых за двадцать с лишним лет пребывания за границей не приняли или не получили гражданства стран-реципиентов. Другой столь же многочисленной социальной группы людей, не имеющих паспорта, в Европе просто не было. Новый приказ должен был увеличить приток эмигрантов в германские вооруженные силы, однако, он мало что менял по существу. Желающие поступить на военную службу могли сделать это и раньше, как добровольцы. Но ни прежде, ни теперь, поступающий в Вермахт эмигрант не знал заранее, в какую часть – русскую или немецкую, он будет направлен. Новый приказ расширял «фронт работ» для ГУКВ, переводившего русских военнослужащих из немецких частей Вермахта в казачьи части Вермахта. Но, во-первых, это касалось только казаков, во-вторых, как уже отмечалось,

немецкие начальники постоянно чинили ГУКВ препятствия. К моменту подписания Гитлером приказа о бесподданных, в германских вооруженных силах итак уже находилось больше русских, чем могло охватить ГУКВ. Получая пополнение за счет призванных на военную службу русских бесподданных, немецкие командиры могли уже не так болезнено относиться к проблеме перевода какой-то части личного состава своих подразделений в казачьи войска. Но вся эта схема была настолько сложной и громоздкой, что не могла дать ощутимых результатов.

17 июня 1944 года в одной из антипартизанских операций был убит Походный атаман Казачьего Стана С. В. Павлов. Его преемником стал войсковой старшина (в дальнейшем – полковник и генерал-майор) Тимофей Иванович Доманов. В годы Гражданской войны он служил в войсках генералов А. М. Каледина, П. Н. Краснова, затем – А. И. Деникина, но в эмиграцию не попал, жил в Пятигорске и разоблачен не был. В 1942 году, при подходе немецких войск к Пятигорску, получил задание остаться в городе для работы а антифашистском подполье. Вместо этого принял активное участие в формировании казачьих частей Вермахта [340].

В докладах Областного немецкого комиссара города Новогрудка от 18 июля и 3 августа сообщалось, что во время эвакуации германских войск из Белоруссии, казачье командование Походного атамана Т. И. Доманова по приказу шефа СС и полиции получило задание обеспечить охрану дороги Городище-Новогрудок-Берёзовка, чтобы в любое время по ним можно было ездить без сопровождения. Казаки выполняли эту задачу вплоть до приказа об эвакуации Новогрудской области, благодаря чему удалось беспрепятственно транспортировать 3 тысячи раненых и 7 тысяч боеспособных немецких солдат [341].

В августе 1944 года «послужной список» казачьих войск Вермахта был дополнен участием в крупной карательной акции. Три сотни пешего казачьего полка войскового старшины Бондаренко, бывшего военнослужащего РККА, приняли участие в подавлении варшавского восстания, оказав существенную помощь частям СС. Германское командование наградило орденом Железного креста многих участвовавших в бою рядовых казаков и казачьих офицеров. В специальном приказе казачьим войскам №12 от 31 августа начальник ГУКВ П. Н. Краснов объявил благодарность всему личному составу полка «за проявленное мужество, за

доблесть и казачье умение побеждать и без достаточного снаряжения и подготовки» [342].

Вместе с тем, обстановка на Восточном фронте требовала немедленной эвакуации Казачьего стана из Польши. Еще в первых числах августа начальник Казачьего управления Гимпель и войсковой старшина Д. А. Стаханов посетили северную Италию и пришли к выводу, что подходящим местом для временного размещения Казачьего стана может быть территория, прилегающая к Карнийским Альпам. В сентябре-ноябре 1944 года туда прибыло свыше 22 тысяч казаков и членов их семей. Для их транспортировки, а также для перевоза вооружения, лошадей, скота, обозов, домашнего скарба, и другого имущества потребовалось 112 железнодорожных эшелонов в составе 50 вагонов и платформ каждый [343].

Казачий стан во главе с Походным атаманом Домановым в военном отношении был подчинен командующему войсками СС и полиции прибрежной зоны Адриатического моря обергруппенфюреру О. Глобочкину (Глобочнигу), в административном отношении – начальнику Казачьего управления Гимпелю и начальнику ГУКВ Краснову [344]. На территории северной Италии строевые части Казачьего Стана подверглись очередной реорганизации и образовали Группу Походного атамана в составе двух дивизий.

С первого дня пребывания в северной Италии все казаки и их семейства стали получать улучшенный продовольственный паек и ежемесячное жалование в итальянской валюте. По инициативе Доманова в Казачьем стане были открыты общеобразовательные и специальные учебные заведения: юнкерское училище, кадетский корпус, военно-ремесленная школа, войсковая гимназия, женская школа, шесть начальных и церковно-приходских школ, восемь детских садов. Предполагалось открытие женского института [345].

Курс обучения в специальных учебных заведениях был рассчитан на несколько лет. В Толмеццо был открыт Казачий музей, банк, походная типография, театр, действовало Казачье офицерское собрание и Епархиальное управление. В населенных пунктах была создана сеть магазинов, мастерских и больниц. Город Олессио был переименован в Новочеркасск, появились новые названия проспектов: Платовский, Ермаковский, Баклановский; и улиц: Почтовая, Комитетская и другие. В

начале весны 1945 года было решено организовать посевную кампанию. Возрождался образ жизни, характерный для казачьих поселений дореволюционной России.

Казаки старались поддерживать нормальные отношения с местным населением, в частности, помогали итальянским крестьянам приводить в порядок жилые постройки и хозяйственный инвентарь. Казаки вступали в брак с итальянскими девушками. Вместе с тем, в станицах были организованы отряды самообороны для предотвращения налетов итальянских партизан [346].

20 сентября 1944 Гитлер избрал 1-ю Казачью дивизию фон Паннвица сборным пунктом всех казаков. Отныне фон Паннвиц стал военачальником всех казачьих войск; опираясь на авторитет Краснова, он должен был за короткое время собрать всех казаков, находящихся на разных фронтах во Франции, Польше и других странах. Казачья дивизия, в свою очередь, попала под общее руководство Гиммлера, который, по приказу фюрера, занимался организацией всех военных сил Германии [347].

Для проведения мобилизации находящихся на территории Рейха казаков был образован специальный орган – Казачий Резерв во главе с генерал-лейтенантом Кубанского Казачьего Войска Андреем Григорьевичем Шкуро – известным белым полководцем Гражданской войны. Шкуро был выпускником кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища. Во время Первой мировой войны он возглавлял Кубанский конный отряд особого назначения, совершавший рейды по германским тылам. Подобную тактику Шкуро практиковал и в борьбе с большевиками на юге России. Его воспоминания носят название «Записки белого партизана». С 1920 года жил в эмиграции.

В сентябре 1944 года на Шкуро была возложена задача по сбору казаков всех казачьих Войск, уроженцев казачьих земель, а также коренных жителей Ставропольской и Черноморской губерний для формирования Казачьего Освободительного Корпуса. Казаки и иногородние, ушедшие с немцами, вне зависимости от их нынешнего местонахождения обязывались требовать через местные учреждения частей СС своего отправления в распоряжение Шкуро. Казаки могли находиться в лагерях военнопленных, рабочих лагерях, на заводах, в отдельных малых частях, в командах охраны, в полицейских командах, при штабах отдельных германских воинских подразделений.

Во исполнение этой задачи, Шкуро назначил своим представителем в Протекторате Богемия и Моравия генерал-майора Шелеста, при котором учредил две комиссии. Первая – для приёма на службу казачьих офицеров и рядовых казаков; вторая – для проверки званий офицеров, их принадлежности к казачеству и их политической благонадёжности. Шкуро просил Балабина распорядиться, чтобы все казачьи организации, состоящие под его руководством, прислали списочный состав.

Этот приказ не касался частей Походного атамана Доманова, имевших особое назначение – очистить от партизан временную казачью территорию для поселения на ней семей казаков, и охранять их на этой территории [348].

На практике идея собирания казаков в единое воинское формирование столкнулось с немалыми трудностями, которые были связаны прежде всего с межведомственными отношениями внутри Рейха. Эту ситуацию иллюстрирует сообщение Балабина 16 июня 1944 года о трудностях, связанных с формированием инженерных частей из казаков: «Германская армия состоит из частей Вермахта и частей СС и СД… В Варшаве в батальоне СС более тысячи казаков и в сотне СД 250 казаков – новых эмигрантов. Но СС не имеет сапёрных, железнодорожных, танковых и других технических частей. Всё это принадлежит Вермахту. Вермахт же никому не верит, и все формирования производит сам» [349].

Техническая невозможность собрать казаков воедино в частности, из-за недостачи транспорта, явное расхождение благожелательных нацистских деклараций с реальной практикой, – не вселяло, однако, уныния в руководителей казачьего движения.

10 ноября 1944 года, в годовщину подписания Кейтелем и Розенбергом документа о признании заслуг казаков перед Германией, П. Н. Краснов обратился к своим подчинённым: «Год тому назад светлым пламенем загорелись в сердцах казачьих имена друзей казачьих войск – Фюрера Адольфа Гитлера, фельдмаршала Кейтеля, рейхсминистра Розенберга…» [350] Ни одного слова по поводу несбывшихся надежд, как и раньше, не произносилось. Казаки продолжали скрупулёзно делать то, что от них зависело.

Определенную активность в период Второй мировой войны белая эмиграция проявила и на Дальнем Востоке, на территориях, контролируемых

Японией. В 1943 году генерал А. П. Бакшеев возглавил Захинганский казачий корпус в составе пяти полков, двух отдельных дивизионов и отдельной сотни. Корпус непосредственно подчинялся начальнику японской военной миссии в Тайларе подполковнику Таки. Из белоэмигрантов на добровольной основе формировались отряды резервистов, которые проходили подготовку и обучение для того, чтобы пополнять русские формирования в составе японской армии. Личный состав отрядов был объединен в Союз резервистов. Им выдавалось обмундирование и выплачивалось денежное содержание. Каждый белоэмигрант, зачисленный в Союз резервистов, был обязан в случае возникновения военных действий с Советским Союзом явиться по месту регистрации, где поступал в распоряжение японских военных властей.

В конце 1943 года была увеличена численность бригады «Асано». Она была развернута в «Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го», состоящие из кавалерии, пехоты и отдельных казачьих подразделений. К началу августа 1945 года численность данного воинского формирования составила 4 тысячи человек.

В начале 1944 года японцами было создано еще три русских воинских формирования: Ханьдаохэцзыский русский военный отряд (ХРВО), в который призывалась русская молодежь из восточных районов Маньчжоу-Го и из старообрядческих деревень; Сунгарийский отряд, комплектовавшийся русской молодежью Харбина и южных городов Маньчжурии; Хайларский отряд, пополнявшийся в основном казаками Трехречья. Это были небольшие по численности формирования – весной 1945 года в составе ХРВО находилось до 250 человек. Обучение в отрядах включало строевую и огневую подготовку, подрывное дело, военную географию, тактику разведывательных и диверсионных действий, приемы рукопашного боя, а также русскую историю. Отрядами командовали японские офицеры, командирами подразделений в составе отрядов были русские [351].

По данным современных российских исследователей, разработанный японцами план нападения на СССР, с самого начала предусматривал активное привлечение белоэмигрантов [352]. Это означает, что по данному вопросу, позиция японского руководства принципиально отличалась от позиции Гитлера. Однако Япония так и не приступила к реализации своего плана вторжения на территорию СССР, предпочтя начать войну против США. В результате, белоэмигрантские воинские формирования, созданные

на Дальнем Востоке, так и не были задействованы в вооруженной борьбе. Можно предположить, что их использование в предполагавшейся войне против СССР, имело бы военно-политические перспективы. На советской территории, которая в случае нападения Японии неизбежно стала бы зоной боевых действий, были сосредоточены лагеря ГУЛага.

## Глава 6. Участие в движении Сопротивления.

Отношение эмигрантов к активному участию в вооруженном противостоянии неизбежно менялось в ходе войны и зависело от их социальной и политической принадлежности, от места пребывания и от множества других факторов. До начала гитлеровской оккупации европейских стран, дискуссии эмигрантов о своем возможном участии в противостоянии носили теоретический характер. Условия военного времени внесли свои коррективы в позицию тех или иных представителей российского зарубежья. Так, например, многие эмигранты самим ходом событий превратилась во врагов Германии после призыва в вооруженные силы Польши, Франции, Югославии и других стран. Те, кто не был призван и не пошел добровольцем в армию, испытали на себе реалии нацистского оккупационного режима. Этот опыт был, зачастую, более важен, чем любые теоретические построения мирного времени.

Само слово «Сопротивление» пошло от одноименной газеты, подпольно издававшейся в оккупированном Париже российскими эмигрантами Б. В. Вильде и А. С. Левицким. Издание имело подзаголовок: «Официальный бюллетень Национального комитета общественного спасения». Газета призывала создавать подпольные группы сопротивления, вербовать решительных и верных людей, готовиться к вооруженной борьбе [353]. Вильде и Левицкий были арестованы Гестапо и в феврале 1942 года расстреляны.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди выходцев из России, принявших участие в европейском Сопротивлении, большинство составляют молодые люди. Это не столько эмигранты, сколько дети эмигрантов. Они либо родились за рубежом, либо были вывезены родителями в юном возрасте. Они, как правило, не сохранили собственных воспоминаний о революции, гражданской войне, военном коммунизме и красном терроре. Большевизм был для них довольно абстрактным понятием. Негативное восприятие этого

социально-политического явления базировалось главным образом на информации, почерпнутой из эмигрантской печати и устных рассказов представителей старшего поколения. Отрицательный образ большевизма, очевидно, не мог заслонить идеализированного образа России, создававшегося той же эмигрантской печатью и старшим поколением российского зарубежья. В результате складывалось мировоззрение и система ценностей, в соответствии с которой, далекая и неизведанная родина требовала защиты от внешней агрессии вне зависимости от господствующего в ней политического режима. Очевидно, основная масса эмигрантов, приверженных этой философской схеме, отдавала себе отчет в том, что принять участие в защите России они смогут только в составе вооруженных сил ее союзников. Попытки подать заявления официальным представителям СССР с просьбой о зачислении в Красную Армию осуществлялись после 22 июня, но носили единичный характер.

В период пребывания М. М. Литвинова в должности народного комиссара иностранных дел, в качестве потенциальных союзников СССР воспринимались державы демократического лагеря. Пакт Молотова-Риббентропа, участие СССР в разделе Европы и демонстрация дружественного отношения к нацистской Германии в советских средствах массовой информации, произвели шокирующее действие на либералов в эмиграции. Их мировоззрение начало приходить в противоречие само с собой. Но 22 июня все стало возвращаться на свои места.

Как уже отмечалось, среди представителей старшего поколения российских эмигрантов, которые покинули страну сознательно, оборонческие настроения были наиболее характерны для людей, придерживавшихся левых и либеральных взглядов: социал-демократов, народных социалистов, социалистов-революционеров, конституционных демократов. Оборончество было характерно и для тех, кто еще 1920-30-е годы искал философские основания для примирения с советской властью: сменовеховцев и евразийцев. Однако, были исключения. Среди нескольких сотен российских эмигрантов, принявших участие во французском Сопротивлении, встречаются представители старинных дворянских родов, офицеры Русской Императорской и Белых армий. Во французском Сопротивлении принимали участие люди разных умонастроений. Достаточно назвать членов французской компартии М. Я. Гафта и И. И. Трояна (последний – бывший

военнослужащий Русской Армии П. Н. Врангеля, участник гражданской войны в Испании на стороне республиканцев); И. А. Кривошеина – сына царского министра А. В. Кривошеина; В. Л. Андреева – сына писателя Леонида Андреева; княгиню В. А. Оболенскую; мать Марию (Е. Ю. Кузьмину-Караваеву); Т. А. Волконскую, по прозвищу «красная княгиня. Аналогичная картина наблюдалась и в рядах Сопротивления, развернувшегося в других странах.

Среди российских участников Сопротивления было много ярких личностей, но все они, даже те, кто принадлежал к каким-либо российским эмигрантским организациям, представляли скорее лично себя. Единственное исключение – младороссы. После нападения Гитлера на Польшу А. Казем-Бек направил французскому президенту официальное письмо, в котором сообщал, что все члены его партии, отдают себя в полное распоряжение французского правительства для борьбы с Германией на стороне Франции.

В этом состоит главное отличие эмигрантов, участвовавших в Сопротивлении от эмигрантов, сотрудничавших с немцами. Вторые, как правило, входили в какую-либо военную или политическую структуру, руководитель которой в начале войны четко обозначил позицию возглавляемого им объединения.

Анализируя проблему участия российских эмигрантов во Второй мировой войне, следует принимать во внимание разницу между настроениями и реальными действиями. Вполне допустимо, что количество эмигрантов, сочувствовавших Антигитлеровской коалиции, вне зависимости от их отношения к советскому режиму, было весьма значительным. Но активно проявили себя лишь немногие. Следует учитывать также и фактор зависимости судьбы эмигрантов от места проживания. Жившие на Балканах в основном служили в Русском Охранном Корпусе, те, кто находился во Франции, призывались в ряды французской армии и так далее.

Формы и методы борьбы российских эмигрантов в рядах европейского Сопротивления наиболее четко вырисовываются на примере Франции и Италии. В июне 1941 года в Ницце возникла «Русская патриотическая группа», после прекращения нацистской оккупации превратившаяся в «Союз русских патриотов Юга Франции». Руководителем объединения был И. Я. Герман, секретарем – Л. Л. Сабанеев. Некоторые члены организации являлись членами французской компартии. 6 октября 1944 года группа

участников Союза обратилась с приветственным письмом к полномочному представителю СССР во Франции. Документ был выдержан в духе советского патриотизма [354].

Перелом хода войны в 1943 году вызвал усиление антигитлеровских настроений в среде российских эмигрантов. Активизировалось и их участие в движении Сопротивления. 3 октября 1943 года в Париже группа из девяти эмигрантов во главе с Г. В. Шибановым положила начало деятельности «Союза русских патриотов во Франции». Шибанов занимался организацией комитетов в лагерях советских военнопленных, принимал участие в создании советских партизанских отрядов на территории Франции. Союз считал себя «русской организацией» во французском движении Сопротивления [355]. Организация имела свой печатный орган – газету «Русский патриот». Члены Союза организовывали побеги советских военнопленных, укрывали бежавших, снабжали их питанием и одеждой. В момент штурма Парижа англо-американскими войсками в августе 1944 года «Союз русских патриотов» участвовал в захвате резиденции УДРЭ во Франции, стремясь взять в плен Ю. С. Жеребкова, но безуспешно.

Основным примером антифашистской деятельности российских эмигрантов в Риме является организация штаба подпольщиков и приюта для бежавших из немецких лагерей советских военнопленных.

Этот нелегальный центр был создан на «Вилле Тай» – так условно называли здание покинутого прежними обитателями Тайландского посольства [356]. По свидетельству Н. М. Горшкова, работавшего в 1943-50 годах первым секретарем советского посольства в Италии, – в июне 1944, после ухода немцев, над зданием «Виллы Тай» ее обитателями был вывешен красный флаг.

Работой приюта руководил князь Сергей Оболенский, до революции переехавший в Италию и принявший католичество. В годы войны по решению Восточной конгрегации Ватикана был создан «Комитет покровительства русским военнопленным», под эгидой которого и работал Оболенский. Организатором подпольного приюта был А. Н. Флейшер, эмигрировавший из России после октября 1917 года. В Тайландском посольстве он работал сторожем. Он и его помощник священник Д. З. Бесчастнов, установили связь с представителями русской католической церкви в Риме и посредством нее сумели заручиться материальной

поддержкой Ватикана. Получаемые средства направлялись нескольким подпольным группам, некоторые из которых были связаны с итальянскими партизанами. Количество советских военнопленных, которым конспиративная организация Флейшера помогла бежать из плена, достигает нескольких сотен. Их устраивали на явочные квартиры, снабжали продовольствием, одеждой и оружием, переправляли к партизанам. Флейшер держал в руках нити более чем сорока конспиративных квартир в Риме, непосредственно разрабатывал планы партизанских акций. После того, как 4 июня 1944 года англо-американские войска вступили в Рим, штаб «Виллы Тай» был преобразован в «Комитет покровительства бывшим военнопленным Красной армии». Флейшер стал секретарем этого Комитета. Через неделю он передал свои полномочия и контингент «виллы» советским представителям. Бывшие военнопленные перешли под юрисдикцию «Комитета по возвращению советских людей в СССР», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

**Количество российских эмигрантов, служивших в армиях стран Антигитлеровской коалиции оценивается в переделах от 3 до 6 тысяч человек. Число выходцев из России, участвовавших в Сопротивлении не превышает нескольких сотен.**

Одни погибли в ходе боевых действий, другие были захвачены Гестапо и уничтожены, третьи пережили войну и остались в Европе, четвертые взяли советский паспорт и выехали в СССР. Некоторые были награждены орденами и медалями европейских стран и Советского Союза. Из числа прибывших в СССР, многие стали узниками ГУЛага или были расстреляны. У других, как правило, более известных в демократическом мире людей, дальнейшая судьба складывалась сравнительно благополучно.

Эмигранты, выступившие на стороне Германии, численно преобладали. Только через Русский Охранный Корпус прошло свыше 17 тысяч человек, из которых 12 тысяч были эмигрантами и 5 тысяч – бывшими военнослужащими Красной Армии.

## Часть III.
## Белая эмиграция и Власовское движение.

### Глава 7. Зарождение и развитие Власовского движения.

Современная российская и зарубежная историография Второй мировой войны, а также доступные для изучения источники, позволяют сделать вывод, что в период войны между Германией и СССР, в советском обществе не наблюдалось единодушия. Часть гражданского населения и военнослужащих Красной Армии проявила тенденцию связывать с немецким вторжением надежду на перемены к лучшему, а именно, на освобождение от сталинских порядков.

Уже в первые дни войны в ряде приграничных городов и деревень были зафиксированы случаи, когда представители местного населения приветствовали немцев как освободителей. Организовывали наступающим германским войскам торжественные встречи с цветами, хлебом и солью. В лагерях военнопленных и в занятых немцами населенных пунктах составлялись обращения к первым лицам Рейха, с предложением сотрудничества в деле борьбы с большевизмом. Переходы военнослужащих РККА на сторону немцев, отмечались на всем протяжении советско-германского фронта. Уже в 1941 году в составе германских вооруженных сил стали создаваться подразделения из перебежчиков, военнопленных, и представителей населения оккупированных территорий. С 1942 года создаются батальоны, полки, бригады, а в последствии – дивизии и корпуса [*]. В разных регионах под оккупацией предпринимались попытки создания местного самоуправления и отрядов самообороны для борьбы с партизанами.

Исходной причиной сотрудничества граждан СССР с немцами явилась политика большевиков с момента захвата ими власти в России:

Репрессии ВЧК-ОГПУ-НКВД, проводившиеся с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего периода большевистского правления, против всех слоев населения;

Форсированная индустриализация, вызвавшая спад уровня жизни в городах, эксплуатация рабочих на государственных предприятиях, законодательства, направленные против интересов трудящихся – об уголовной ответственности за опоздания, о закреплении рабочих на предприятиях и т.д.;

Насильственная коллективизация и раскулачивание, последовавший за этим голод, а так же реалии советской колхозной системы;

---

[*] В соответствии с директивой начальника Генерального Штаба германских Сухопутных Сил генерал-полковника Ф. Гальдера от 16 августа 1942 года, все эти воинские формирования стали именоваться Восточными войсками.

Идеологический диктат в науке и культуре, сделавший невозможным полноценное развитие интеллектуальной деятельности;

Оккупация Красной Армией национальных государств, сопредельных РСФСР и СССР.

Следует отметить, что до германского вторжения населению СССР было трудно адекватно оценить гитлеризм, как возможную альтернативу сталинскому режиму. Причиной этому явилась переменчивость отношения советской пропаганды к Гитлеру и национал-социализму. До подписания советско-германского пакта о ненападении нацистская Германия преподносилась населению СССР как враждебная держава. При этом советские пропагандисты не проводили принципиальных различий между политической природой гитлеровской Германии и «буржуазных» стран. После подписания договора о ненападении Германия «превратилась» в державу, дружественную Советскому Союзу.

22 июня 1941 года появились новые причины, стимулировавшие сотрудничество граждан СССР с немцами:

Разочарование части гражданского населения и военнослужащих в способности большевистского руководства дать адекватный отпор наступающему противнику;

Продиктованная из Кремля тактика «выжженной земли» для территорий, которые неминуемо должны были попасть под немецкую оккупацию, насильственное выселение жителей с этих территорий;

Продолжение репрессий в Красной Армии на всех уровнях; объявление правительством СССР советских военнопленных предателями и отказ от помощи им;

Самообеспечение советского партизанского движения за счет населения оккупированных областей. Партизанские акции, провоцирующие немцев на совершение карательных мер против мирных граждан. Преследование партизанами представителей населения оккупированных областей, занимавшихся какой-либо созидательной деятельностью.

Движение граждан СССР, выступивших декларативно или с оружием в руках для свержения государственного строя СССР в период 1941-1945 годов, обозначается термином «Освободительное Движение Народов России» («ОДНР»). Оно носило стихийный характер, не имело создателя и основателя в том смысле, в котором, например, Ленин был создателем и основателем партии большевиков.

В рамках ОДНР, отдельно рассматривают «Русское Освободительное Движение» («РОД»), составной частью которого являлось «Власовское движение», связанное с именем генерал-лейтенанта А. А. Власова.

Андрей Андреевич Власов родился в 1901 году в Нижегородской области, в семье крестьянина. Учился в духовной семинарии, затем – на агрономическом факультете Нижегородского государственного университета. В Красной Армии с 1920 года, участвовал в боях на Южном фронте против Русской Армии П. Н. Врангеля и повстанческих отрядов Н. И. Махно. После окончания Гражданской войны продолжил военную карьеру, занимал ряд ответственных должностей. В 1938-39 годах находился в Китае в качестве военного советника. После нападения Германии на СССР, проявил себя как талантливый военачальник при обороне Киева и Москвы. С 1942 года являлся заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й Ударной армией. С частями армии оказался в окружении. 12 июля 1942 года в деревне Труховичи был выдан местными крестьянами патрулю 28-го пехотного полка 18-й армии Вермахта [357].

Власову предстояло стать тем самым «комкором Сидорчуком», появление которого предсказывала белая эмиграция.

К моменту захвата Власова в плен, в германских вооруженных силах уже служило около полумиллиона военнослужащих из числа граждан СССР. Власов не был единственным человеком, который мог выступить в качестве лидера вооруженной оппозиции сталинскому режиму, в ее формировании приняли активное участие генерал-майоры РККА: И. А. Благовещенский, В. Ф. Малышкин, Ф. И. Трухин. Комбриги: И. Г. Бессонов, М. В. Богданов, А. Н. Севастьянов. Бригадный комиссар Г. Н. Жиленков. Полковники: А. Г. Алдан, Г. И. Антонов, В. П. Артемьев, В. Г. Арцезо, В. И. Боярский, С. К. Буняченко, А. Ф. Ванюшин, И. Волков, А. Н. Высоцкий, А. Горчаков, Д. Е. Закутный, Г. А. Зверев, В. А. Кардаков, В. И. Мальцев, М. А. Меандров, В. В. Поздняков, Н. А. Портлезник, Н. В. Пузанов, А. И, Спиридонов, М. М. Шаповалов, И. П. Шелаев, С. Т. Койда и др. Подполковники: М. А. Калугин, В. Д. Корбуков, И. Лещенко, А. Г. Москвичев, К. И. Попов, В. Ф. Риль, Н. С. Шатов и др. Профессора высших учебных заведений: Ю. А. Музыченко, Н. С. Этерлей, И. Москвитинов, Кудинов, Стальнаков и др.

Наконец, под немецкой оккупацией проявили себя такие «самородки», как Бронислав Каминский – бургомистр Локотского района (позже – округа) Орловской области. Благодаря своим неординарным организаторским способностям Каминский создал систему местного самоуправления и восстановил хозяйственную жизнь на территории, где проживала 581 тысяча человек. На основе разрозненных отрядов «народной милиции» и «самообороны» ему удалось сформировать подобие регулярной армии, которая именовалась «Русской Освободительной Народной Армией» («РОНА»). В январе 1943 года она насчитывала 10 тысяч бойцов [358].

Среди советских военачальников, пошедших по пути сотрудничества с немцами, Власов был наиболее известным в Красной Армии человеком. Это, в конечном итоге, позволило ему стать главной фигурой в движении, которое получило его имя. Но и после этого, Власов был скорее символом, чем организатором.

Целью Власова было создание организации правительственного типа, которая стала бы альтернативой сталинскому правительству. Власов надеялся, что новое правительство станет равноправным союзником Германии, которая откажется от планов колонизации России, и будет вести борьбу только с большевистским общественно-политическим строем. Власов и его единомышленники планировали создание вооруженных сил нового правительства, в качестве рабочего названия для которых, использовался термин «Русская Освободительная Армия» («РОА»). Впервые этот термин встречается в декларации городской управы оккупированного Смоленска, направленной Гитлеру осенью 1941 года. «Русский Освободительный Комитет», как именовали себя авторы документа, изъявлял готовность взять на себя инициативу по организации активного сотрудничества населения оккупированных областей с немцами в борьбе против Сталина [359].

Термин «РОА» немцы использовали для обозначения совокупности русских воинских формирований в составе Вермахта. До осени 1944 года эти формирования не имели единого русского командного центра, были рассредоточены по всем фронтам и подчинялись командирам немецких подразделений, в состав которых входили. Когда русские части начали сводиться воедино, образовавшаяся таким образом армия получила название – «Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России» («ВС КОНР»). Понятие «РОА» при этом сохранялось как традиционное. ВС КОНР

находились под командованием Власова и имели статус равноправного союзника германских вооруженных сил, подчиненных германскому командованию лишь в оперативном отношении.

Первый политический документ Власовского движения был составлен 3 августа 1942 года. Это был меморандум германскому Верховному Командованию за подписями Власова и полковника В. И. Боярского. Авторы меморандума давали понять, что они являются выразителями мнения определенной части советского общества, желающей свержения правительства Сталина и изменения формы государственного устройства России. Власов и Боярский отметили, что для оппозиционно настроенных граждан СССР остается нерешенным вопрос: к кому примкнуть – «к Германии или к Англии и Соединенным Штатам. Главная задача – свержение правительства – указывает на Германию, поскольку Германия провозгласила целью войны борьбу против правительства и режима, существующих в настоящее время. Однако нет ясности в вопросе о будущем России. Если Германия не прояснит свою позицию в этом вопросе, то это может привести к ориентации на Соединенные Штаты и Англию» [360].

Эта, отчасти наивная, отчасти вызывающая, постановка вопроса свидетельствует, однако, о том, что предстоящее сотрудничество Власова и его единомышленников с немцами не было основано на симпатиях к нацизму.

В меморандуме содержалось предложение создать центр по формированию русской армии, которая объединила бы граждан СССР, враждебно относящихся к Сталину.

В условиях отказа политического руководства Рейха от создания единой антисоветской русской армии под русским командованием, Власов принял тактику «малых шагов». Она заключалась в том, чтобы начать идейное оформление движения, не дожидаясь пока высшие круги Рейха дадут санкцию на формирование русского правительства и его вооруженных сил. Власов пользовался поддержкой генералов и офицеров Вермахта, не поддерживавших гитлеровскую «восточную политику». В оппозиционных кругах считали необходимым отказаться от планов колонизации России и привлекать население оккупированных областей на свою сторону. Для этого было необходимо привести оккупационную политику в соответствие с ее же официальными лозунгами освобождения России от большевизма. Одним их

главных протеже Власова стал полковник Генерального штаба граф Клаус Шенк фон Штауфенберг – будущий организатор покушения на Гитлера.

27 декабря 1942 года в Берлине генерал-лейтенантом А. А. Власовым и генерал-майором В. Ф. Малышкиным было подписано «Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам». В качестве места подписания указывался город Смоленск, благодаря чему этот документ стал известен как «Смоленская декларация». Это была первая политическая программа Власовского движения, в которой указывалось – не только против чего ведется борьба, но и за что. Тринадцать пунктов документа охватывают многие жизненно важные вопросы будущего России: ликвидация принудительного труда и колхозов, планомерная передача земли в частную собственность крестьянам; предоставление интеллигенции возможности свободного творчества; уничтожение режима террора и насилия; введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати; гарантия неприкосновенности личности; освобождение политических узников большевизма из тюрем и лагерей.

3 марта 1943 года вышло в свет открытое письмо Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?» В этом документе автор обозначил свои новые идейные позиции, утверждая, что его лично ничем не обидела советская власть, но большевизм враждебен интересам народов России. В марте и апреле 1943 года при содействии германского командования Власов совершил две агитационные поездки по оккупированным районам, выступал перед широкой аудиторией. Во время выступления в Смоленске, Власов заявил, что свергнуть Сталина должны сами русские, и что национал-социализм навязан России не будет. Во время выступления в Могилеве Власов потребовал, чтобы немцы откровенно заявили о своих планах в отношении России. Генерал сказал также, что русских никогда не удастся превратить в колониальный народ [361].

Как только в ставке Гитлера стало известно о том, какую тональность придал Власов своим выступлениям, последовали санкции. 17 апреля 1943 года вышел приказ Кейтеля в котором говорилось: «Ввиду неправомочных наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова… приказываю немедленно перевести Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает

слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве, что в связи с операциями чисто пропагандистского характера, при проведении которых может понадобиться лишь имя Власова, но не его личность…» [362].

30 апреля 1943 года Власов был арестован. 8 июня Гитлер принял «окончательное решение» о переброске батальонов РОА и других Восточных войск на Западный фронт, где они должны были отражать атаки англичан и американцев. Это решение фюрера лишало Власовское движение политического смысла.

Активизация деятельности Власова возобновилась после встречи с Гиммлером 16 сентября 1944 года. Рейхсфюрер СС всегда был одним из наиболее последовательных борцов за «чистоту нацистской идеологии», однако, военные неудачи обусловили его постепенный переход на позиции прагматизма.

Гиммлер дал согласие на создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР) под председательством Власова. Вооруженные силы КОНР, первоначально в количестве двух дивизий, предстояло сформировать путем сведения воедино батальонов РОА, находящихся в составе германской армии. Как главнокомандующий войсками резерва, Гиммлер обладал для этого реальными возможностями. КОНР был учрежден в Праге 14 ноября 1944 года.

До создания КОНР организационными центрами Власовского движения становились учреждения, создаваемые немцами для работы с советскими военнопленными. В начале 1942 года в Вустрау были открыты Курсы подготовки административного персонала для оккупированных территорий, тогда же – Курсы пропагандистов в Вульхайде. 1 марта 1943 года начали работу курсы пропагандистов РОА в Дабендорфе, позже переименованные в Школу пропагандистов РОА. В мае 1943 года – Подготовительные курсы пропагандистов РОА в Люкенвальде, в мае 1944 – Офицерская подготовительная школа в Цитенгорсте. Населенные пункты, где дислоцировались эти учреждения, были расположены вблизи германской столицы.

В августе 1942 года открылись Курсы офицерского состава и пропагандистов РОА в Летцене (Кенигсбергский округ). В конце 1942 – Курсы пропагандистов РОА в Смоленске, в мае 1943 года – Офицерская и

Унтер-офицерская школы РОА в Пскове. Летом 1944 года – Курсы пропагандистов РОА в Риге, тогда же – Женские курсы пропагандисток в Пскове и Риге. Существовала система Школ для подготовки офицерского и рядового состава Восточных формирований и РОА в Мариамполе, Бобруйске, Витебске, Пскове.

Эти учреждения создавались по инициативе разных немецких инстанций и для разных целей. Курсы в Вустрау были открыты по инициативе Министерства пропаганды, затем перешли под контроль Восточного министерства. Остальные подчинялись армейским структурам: Отделу иностранных армий Востока Генштаба ОКХ, Отделу пропаганды Восточных войск, Отделу пропаганды ОКВ и его подотделу «Активная пропаганда» (ВПР-4).

Контингент слушателей курсов и школ набирался из советских военнопленных. На преподавательские и административные должности привлекались как бывшие военнопленные, так и эмигранты. В Вустрау преподавателями русской секции (слушатели были разделены по национальностям) были эмигранты, члены НТС: Д. Брунст, Ю. Трегубов и Р. Редлих. В. Поремский участвовал в работе отборочной комиссии.

Члены НТС стремились привить слушателям свою идеологию, и некоторых принять в организацию. После прохождения трехмесячного курса обучения, часть слушателей освобождалась из плена и командировалась на оккупированные территории. Выпускники русской секции переводились в распоряжение немецкой гражданской администрации в Смоленске. Таким образом, НТС рассчитывал создать ячейки организации в России. Наиболее талантливые выпускники сами переходили к преподавательской работе. Среди них были будущие активные участники Власовского движения.

Из 500 курсантов Вустрау около 30 человек было принято в НТС [363], в том числе генерал-майор Ф. И. Трухин – будущий начальник Штаба ВС КОНР и полковник М. А. Меандров – будущий руководитель Офицерского училища КОНР. Вступив в НТС в марте 1942 года, Трухин вошел затем и в состав Исполнительного бюро Совета Союза.

В Вустрау в камуфлированных обложках печатались материалы НТС для обслуживания кадров организации в России, для лагерей военнопленных и «остабайтеров». Перепечатывались такие материалы, как «Курс национально-политической подготовки», книга Шубарта «Европа и душа

Востока», появился журнал «Наши дни». Некоторые крамольные, с точки зрения нацистов тексты удалось распространить и по официальной линии, например, книгу советского инженера М. Першина «Правда о большевизме». Автор – курсант Вустрау, вступил в НТС в 1942 году. «Самое главное, – писал Першин, – ради чего, ради какого нового строя нас призывают на борьбу с коммунизмом?.. Вообще, что лучше: «свой» ли большевизм, или чужое господство над Россией? Мы отвечаем: мы, русские, не хотим ни чужого господства, ни большевизма. Мы боремся за свободную и независимую Россию…» [364].

Школа в Вустрау дала возможность членам НТС встречаться с соотечественниками из СССР и выяснять с ними, какие изменения нужны в программе, чтобы сделать ее более легкой для восприятия людьми, выросшими в Советском Союзе. И в России, и в немецком тылу сказывался недостаток серьезной литературы. А. П. Столыпин пишет, что основной вопрос у новых членов НТС был – не только против чего, но и за что надо вести борьбу [365]. Многие материалы НТС, изданные в 1937-1938 годах, устарели и не охватывали насущных проблем. Центр НТС в берлинском подполье спешно взялся за идеологическое творчество. С конца 1941 года в группах Союза в России, в отдельных лагерях военнопленных и «восточных рабочих» составлялись письменные пожелания в отношении будущей программы НТС. Пожелания эти сводились активистами Союза воедино – так рождался проект программы, который дорабатывался в комиссиях НТС. В Вустрау в связи с этим образовался политико-просветительский центр под руководством членов Совета Союза В. Д. Поремского и Р. Н. Редлиха. Определенную роль в выработке программы сыграли «зеленые романы» – сборники лекций, составлявших «Курс национально-политической подготовки», но общая структура «предпрограммного проекта», на который предполагалось нанизывать сырой проектный материал, была разработана в берлинском Центральном идеологическом семинаре под руководством члена Исполнительного Бюро К. Д. Вергуна. С ним работали и советские граждане, например, Р. Н. Александров, позднее автор книги «Письма к неизвестному другу»; и эмигранты, в частности, философ С. А. Левицкий. Совместная работа проводилась «творческими группами» в Германии, Франции, Польше, Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии, на Украине, в некоторых областях России и Северного Кавказа [366].

Люди, выросшие в СССР, требовали ответов на «все вопросы». Поэтому проект программы включал элементы философии, историософии, социологии, правоведения, экономики, социальной политики, культуры, а также стратегии и тактики борьбы. Кроме того, советские граждане требовали ответа по практическим деталям. «Вскоре стало ясно, – пишет А. П. Столыпин, – что стройной программы не создать, а практика требует общего ориентира, и тогда решено было выдать на-гора некую руду, в лучшем случае – полуфабрикат, который отшлифовать в ходе практической работы» [367].

26-28 ноября 1942 года в Берлине подпольно прошел съезд Совета НТС, который принял первую редакцию программы организации и постановил: «Для осуществления Национальной Революции необходимо: 1. Выявление всех национальных антибольшевистских сил… 2. Создание мощного освободительного народного движения, оформленного в политической организации и опирающегося на вооруженную силу» [368]. Это постановление было отражено в тексте принятого документа, полное название которого – «Схема национально-трудового строя». Проект, составивший 96 страниц текста, то есть примерно двойной объем в сравнении с прежними программами, предлагал план, включающий шесть разделов (более сорока глав): общественный строй, государственный строй, экономическая и социальная политика, национальная культура, переходный период.

В документе говорилось: «Национальная революция должна завершить революцию 1917 года, направив ее по такому руслу, которое сделает возможным осуществление народных чаяний» [369]. Подробности «Схемы» отражают степень политической зрелости советского общества. «Советское» влияние особенно сказалось на разделах, посвященных свободе и закону [370]. Здесь подробно перечисляются: свобода передвижения, свобода выбора местожительства, свобода слова, печати, убеждений, собраний; тогда как в более ранних проектах предполагалось знакомство читателя со всем этим. Подобные детали не включались в прежние программы, как очевидные. Новые члены Союза сыграли свою роль и в формулировании положения, согласно которому все национальности, имеющие собственные территории в границах Российского государства, являются частью нации.

«Схема» распространялась в оккупированных районах страны, ее переиздавали даже в прифронтовой полосе, забрасывали и в партизанские отряды.

В дальнейшем, и представители РОВС стали организовывать собрания для русских солдат и офицеров, служивших в германских частях. На собраниях зачитывались доклады по истории России, о русской культуре, Белом движении, о жизни русской эмиграции за истекшие годы [371].

Работа военных эмигрантов с соотечественниками из СССР не ограничивалась теорией. Лектором на Курсах пропагандистов РОА в Смоленске работал бывший офицер Добровольческой армии поручик Бурцев. Строевые и тактические занятия, а также стрелковую подготовку в Офицерской школе РОА в Пскове проводил полковник от инфантерии Маркелов. Расположенную там же Унтер-офицерскую школу РОА возглавлял Богоявленский. Часть курсантов псковской школы, способная работать в области пропаганды, направлялась на курсы агитаторов в Бреслау, одним из руководителей которых был князь Голицын. Административный и преподавательский состав Офицерской подготовительной школы в Цитенгорсте был частично укомплектован белоэмигрантами. Командиром 2-й роты являлся бывший капитан врангелевской армии Е. Л. Краузе, он же проводил классные занятия. Строевой подготовкой ведал поручик Г. Ф. Столбняков [372].

1 марта 1943 года в Дабендорфе под Берлином были открыты Курсы пропагандистов РОА, позже переименованные в Школу пропагандистов РОА. 25 марта туда была направлена группа выпускников «Вустрау» в количестве десяти человек во главе с Трухиным, они составили преподавательский костяк «Дабендорфа». Помимо Трухина, членами НТС в составе группы являлись А. Н. Зайцев (Артемов), Н. Г. Штифанов (Иванов) и Е. И. Гаранин (Синицын) [*]. Качество работы курсов существенно улучшилось – Трухин был профессором Военной Академии им. М. В. Фрунзе, возглавлял кафедру методики боевой подготовки, работал в Академии Генерального Штаба РККА. Он обновил программу курсов и

[*] Члены НТС часто использовали псевдонимы.

методику преподавания, положил в основу обучения курсантов РОА «Схему национально-трудового строя».

В Дабендорфе располагалась редакция газет «Заря» и «Доброволец». Оба издания находились в ведении бывшего майора Красной Армии М. А. Зыкова, с именем которого связано еще одно идеологическое направление во Власовском движении, альтернативное мировоззрению НТС. Свою критику существующей в СССР политической системы Зыков основывал на принципах марксизма. Несмотря на такую позицию, он пользовался большим уважением у последовательных противников коммунистической теории и практики благодаря своим высоким интеллектуальным данным. Во избежание идейных столкновений, компетенции в Дабендорфе были разделены: издательская часть в ведении Зыкова; учебная часть в ведении членов НТС – Трухина, Зайцева, Штифанова. Зыков пропал при невыясненных обстоятельствах, предположительно, он был похищен и убит агентами Гестапо.

Главным редактором «Добровольца» с лета 1944 по апрель 1945 года был эмигрант князь Г. А. Сидамон-Эристов, носивший звание капитана Восточных войск Вермахта, и не являвшийся членом НТС. В типографии Школы пропагандистов, со временем получившей статус издательства, печатались учебные пособия, брошюры и книги на политические темы. В частности: «Блокнот пропагандиста», представлявший собой курс лекций, составленных с использованием «Схемы национально-трудового строя»; брошюра А. и А. Новиных (А. Зайцева и Р. Редлиха) «Воин РОА (этика, облик, поведение)»; работа Н. Штифанова «Правда о большевизме», подготовленная на основе книги эмигранта Н. А. Базили «Россия под советской властью» [373].

Руководители НТС вышли на контакт с Власовым осенью 1942 года, когда он был переведен в Берлин. Власов захотел получить тексты всех эмигрантских политических программ, и ему незамедлительно передали один из идеологических документов НТС. Политические основы других организаций, за неимение оригинальных текстов, разъяснили на словах. Власов вернул документ с комментариями и поправками на полях. Этот экземпляр не сохранился, и оценки Власова нам неизвестны [374]. Но в составленной им «Смоленской декларации» прослеживаются отголоски идей НТС.

Власов, после его ознакомления со «Схемой национально-трудового строя», был поставлен в известность членами НТС в Дабендорфе о том, что они входят в состав подпольной политической организации. Каждую неделю Зайцев ездил с докладом о работе Курсов – сначала к председателю НТС В. М. Байдалакову, потом к Власову. «Отношения, – вспоминает Зайцев, – были лояльными, недоразумений не возникало» [375].

Размещение выпускников Дабендорфа происходило при ста фронтовых дивизиях и специальных частях. Дабендорф начал распространять свое влияние и на «остовские» рабочие лагеря. Школа пропагандистов стала кузницей кадров НТС. За время существования лагеря в Союз вступило около пятидесяти человек [376]. Была установлена связь между НТС и разбросанными по всем немецким фронтам русскими солдатами и офицерами, к чему солидаристы стремились с первых дней войны. Такая практика имела, однако, и отрицательную сторону. Привлекая в свою организацию «подсоветских» людей, солидаристы, конечно, не имели возможности проверять благонадежность новых соратников. При стремлении увеличить численность организации путем привлечения в нее граждан СССР, дело шло не по линии отбора, а по линии набора. В результате, в НТС вошли и такие лица, о которых в оповещении Совета организации от 6 июля 1946 года будет сказано: «За военный период в ряды Союза попали, по нашей оплошности или ошибке, люди не подходящие и случайные» [377].

Дабендорф отличался от Вустрау своей массовостью. До ноября 1944 года десять учебных сборов закончили около 5 тысяч курсантов. Начальником курсов с февраля по август 1943 года был генерал-майор И. А. Благовещенский, с августа 1943 по октябрь 1944 года – генерал-майор Ф. И. Трухин, а с октября 1944 и до весны 1945 года – майор Г. А. Пшеничный. В бытность на этом посту Благовещенского, Трухин заведовал учебной частью курсов. Пшеничный сменил Трухина после назначения последнего начальником Штаба Вооруженных Сил КОНР. К тому времени курсы в Дабендорфе утратили былое значение [*]. Таким образом, большую и наиболее важную часть времени своего существования

[*] Работа курсов в Дабендорфе продолжалась до 28 февраля 1945 года, после чего, в связи с приближением фронта к Берлину, курсы были эвакуированы в селение Гишюбель близ Карлсбада. Там они просуществовали до начала апреля. 22 числа последняя группа постоянного состава офицеров и солдат покинула расположение курсов и направилась на юг Германии, где 5 мая была интернирована американцами в лагере военнопленных в городе Хам в Баварии.

идеологический центр Власовского движения находился под руководством члена Совета НТС Трухина. Он, вне всякого сомнения, играл ключевую роль в Дабендорфе, однако, вопрос о том, насколько важным фактором в этой связи была его принадлежность к организации солидаристов, остается открытым. Мемуаристы из НТС сходятся во мнении, что костяк подобранного при активном участии Трухина преподавательского состава, состоял преимущественно из членов Союза. Вместе с тем, существует весьма жесткая оценка деятельности старых и новых членов НТС как в Дабендорфе, так и во Власовском движении вообще. Активный его участник, эмигрант второй волны Н. А. Троицкий (Нарейкис) вспоминает: «Зайцев не проявлял в Дабендорфе, что он член НТС… Штифанов был очень затронут советизмом… Рар и Казанцев ничего общего не имели с освободительным движением, хотя и претендовали на это. Казанцев главным образом занимался составлением листовок, сбрасываемых с немецкой стороны. Рар главным образом работником внутреннего порядка. И я не знаю, что они делали по линии НТС в своих работах…» [378] Оценивая деятельность новых членов НТС, необходимо учитывать, насколько серьезно они воспринимали свое членство в организации солидаристов. Иными словами, кем они воспринимали себя, прежде всего, – членами НТС, принимающими участие во Власовском движении; или участниками движения, вступившими в НТС. Критерием являются действия людей в послевоенные годы – либо сохранение членства в Союзе, либо переход в одну из ветеранских организаций РОА. Штифанов, Зайцев, Казанцев и Рар остались в НТС. Остается бесспорным одно, НТС всеми силами стремился внедрить свою идеологию во Власовское движение, надеялся, что оно станет той «третьей силой», о которой солидаристы размышляли еще в предвоенное время.

В воспоминаниях Троицкого нашел отражение конфликт между представителями белой эмиграции и выходцами из СССР. «Энтээсовцы – полагает Троицкий, – не поняли по существу, что из себя представляет Советский Союз. А вот в отношении Власовского движения они претендовали на многое. Они были как будто бы старшими, как будто бы понявшими больше, чем мы, вышедшие из Советского Союза» [379].

Контакты НТС и Власовского движения осуществлялось не только в области идеологии. НТС начал заранее создавать почву для дальнейшего развития Власовского движения в более перспективных, как тогда казалось,

условиях. Руководство НТС было уверено, что конфликт между Западом и СССР неизбежен, что союз их временный, и вызван к жизни только наличием общего врага. Падение гитлеризма неизбежно приведет к краху антигитлеровской коалиции. Солидаристы делали ставку на установление контактов с западными демократиями. Летом 1943 года эмиссары НТС искали встречи с представителями американского и британского правительств. Посредником был сотрудник Международного Красного Креста Г. Брюшвейлер – швейцарец, по долгу службы посещавший Берлин. НТС представлял М. Гроссен, также гражданин Швейцарии. В начале весны 1944 года член Исполнительного бюро В. Д. Поремский привез в Париж распоряжение: с момента освобождения Франции западными союзниками, А. П. Столыпин – председатель французского отдела НТС, должен полномочно представлять организацию и установить контакты с представителями демократических стран. Особое значение придавалось новому правительству самой Франции – именно от него, как полагали солидаристы, будет зависеть сохранение русских антисоветских боевых частей [380].

Власов, в свою очередь, пытался помочь арестованным Гестапо членам НТС сразу же после своей официальной встречи с Гиммлером в сентябре 1944 года. К успеху в тот момент это не привело, арестованные оставались под стражей до 4 апреля 1945 года, причем некоторые из них находились в камере смертников. При подходе Красной Армии к Берлину, третий запасной центр руководства НТС создал вооруженную группу под руководством Меандрова для нападения на тюрьму Александерплатц и освобождения заключенных там соратников. Но Власову в конце концов удалось добиться освобождения узников легальным путем. Одну из двух групп освобожденных Президиум КОНР взял на попечение и по железной дороге отправило на юг Германии [381].

О формировании Власовского движения руководителям российской военной эмиграции стало известно в начале 1943 года. До этого времени белогвардейские активисты занимались отстройкой собственных воинских структур в составе германских Вооруженных Сил. С лета 1943 военные эмигранты стали предпринимать попытки установить взаимоотношения с видными представителями Власовского движения.

Характер и сущность этих взаимоотношений полнее всего отражен в переписке начальника Объединения Русских Воинских Союзов (ОРВС) генерал-майора А. А. фон Лампе с другими руководителями военной эмиграции, прежде всего – полковником С. Д. Гегела-Швили, руководителем Юго-восточного отдела ОРВС. Первое такое письмо датировано 14 марта 1943 года, то есть оно было написано спустя одиннадцать дней после опубликования в газете «Заря» открытого письма А. А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». «Вся затея с Власовым, – писал фон Лампе, – основывается *исключительно* на *красных*, с несомненным запретом им связываться с белыми… Нас не только не хотят, но, почему то, значительно *превышая* нашу ценность, нас опасаются (больше чем красных…) И до этого нам пришлось дожить…» Фон Лампе полагает, что «надо ждать», и сообщает своему адресату об идентичном мнении В. В. Бискупского и П. Н. Краснова, «совсем еще недавно призывавшего к немедленным совместным действиям с германской армией» [382].

В следующем письме руководитель ОРВС сообщал, что «…многое из того, что говорит Власов и Малышкин вполне отвечает и нашим взглядам и тому, что мы говорили и говорим. Но многое еще неясно, и еще нельзя сказать… сможет ли РОА иметь успех в борьбе против Красной Армии. Одного утверждения, что национальная идея у РОА «чистая» и «настоящая», а у большевиков «ложная» и «опошленная» – мало для того, чтобы выбить из рук Сталина его оружие – ставку на «патриотизм» и на «Отечественную против «захватчиков» войну». Мы будем верить, – заканчивает фон Лампе, – что РОА будет иметь успех, и сможет стать Кадром Русской Национальной Армии…» [383].

Здесь достаточно характерно для белоэмигрантских лидеров расставлены акценты – РОА как кадр «Русской Национальной Армии», в то время, как сам генерал Власов ставил вопрос совершенно иначе – задействовать или нет белых эмигрантов в *своей* Русской Освободительной Армии.

Процитированное письмо написано 8 июня 1943 года. В этот день состоялось совещание в резиденции Гитлера в Бергхофе, на котором решался вопрос о дальнейшей судьбе русских воинских формирований в Вермахте и о судьбе самого генерала Власова. Именно тогда Гитлер принял «окончательное» решение: русских в единую армию под командованием

Власова не объединять, все разговоры о РОА вести только в пропагандистских целях [384]. Разумеется, фон Лампе не мог знать о принятом фюрером решении. Но данное совпадение довольно красноречиво свидетельствует о несбыточности надежд руководителя ОРВС на создание единой РОА в тот период.

С самого начала войны немецкие власти чрезвычайно настороженно относились к российской эмигрантской печати. Перед выпуском каждого номера газеты, журнала, или иного информационного сообщения, два экземпляра представлялись в Опорный Пункт Управления Делами Русской Эмиграции (УДРЭ). Только по возвращении одного из них с пометкой цензора, издание могло быть разослано читателям [385]. По сообщению Гегела-Швили, являвшегося ответственным издателем «Информации Юго-Восточного Отдела ОРВС», во вверенном ему органе печати было невозможно публиковать статьи политического храктера [386]. Спустя семь дней после бергхофского решения Гитлера, фон Лампе сообщил, что немецкие власти запрещают печатать в «Информации» материалы по самым животрепещущим вопросам, в частности, связанным с генералом Власовым. «Почему Власов зовёт всех, а нам, почти что самым заинтересованным, даже и отвечать нельзя?» – задается вопросом руководитель ОРВС [387]. Ответ заключается в том, что Гитлер, выступая как против объединения разрозненных русских батальонов в единую РОА, так и против использования организационных структур российской военной эмиграции, стремился не допустить консолидации этих двух сил. Во многом ему удалось разобщить белых и бывших красных. Фон Лампе сообщает: «В Париже… уже сочинили слух, что де мол генерал Власов зовёт к себе эмиграцию, а генералы Бискупский и Лампе, завидуя ему, никого к нему не пускают… *Додумались*!!!» [388]

Попытки нацистского руководства вбить клин между белогвардейцами и власовцами осуществлялись не только по линии информационной блокады. В том же письме фон Лампе пишет: «Хуже всего то, что если эмиграции к Власову идти разрешат, то пойдёт полтора человека… К Шпееру эмигрантов брали на рядовые должности, а сейчас красных офицеров берут на должности командные. Так что эмигранты офицеры оказываются подчинёнными офицерам (с позволения сказать) красным, и иногда им подчиняться не хотят…» [389]

Следует отметить, что сам руководитель ОРВС, как это следует из его письма неизвестному адресату от 30 мая 1943 года, не считал Власова инициатором разобщения: «Не Власов и Ко против эмиграции, так как у них, при разногласиях… всё же имеется к ней склонность. Вопрос этот заострён до крайности не ими…» [390] Фон Лампе, по собственному его признанию, готов верить, что мысль не допускать эмиграцию к участию в Русском Освободительном Движении, высказана не Власовым [391].

23 мая 1943 года в газете «Новый путь», издававшейся Управлением Делами Русской Эмиграции в Сербии, было напечатано интервью с «ближайшим сотрудником» генерала Власова. Несмотря на то, что имя этого человека в публикации не называлось, по некоторым данным его биографии, отражённым в интервью (в прошлом видный член коммунистической партии, во время войны – дивизионный комиссар), можно с известной долей уверенности утверждать, что это был Г. Н. Жиленков. На вопрос корреспондента, доктора Н. Маринковича: «Желаете ли вы привлечь к ведущейся вами борьбе и русскую эмиграцию?» – интервьюер ответил: «Русская эмиграция, по нашему мнению, как политическая величина, вообще не существует. Она потеряла всякую связь с совершающимся сейчас в России. Поэтому она не может уловить то, что в настоящий момент является самым важным. Поскольку эмиграция и дальше придерживается своих старых принципов, мы не можем войти с ней в связь» [392].

Подобная постановка вопроса была достаточно типична для некоторых руководителей Власовского движения – выходцев из СССР. Старая эмиграция, особенно её представители, имевшие белогвардейское прошлое, ассоциировались со стремлением возродить монархию, причем в том виде, в котором её рисовали на политзанятиях в Красной Армии.

Вместе с тем, интервьюер отметил, что за последнее время в среде эмиграции произошли положительные сдвиги. «Родились новые люди, вышедшие из-под влияния прежних заблуждений». Подобное суждение могло сложиться в результате общения с представителями НТС. На первой полосе этого же номера газеты была помещена статья главного редактора Б. Ганусовского «Роль эмиграции». Статья написана в порядке полемики с

утверждениями интервьюера, касающимися русских за рубежом [*].

Первый программный документ Власовского движения – «Смоленская декларация», подписанная 27 декабря 1942 года, попал к представителям военной эмиграции только в апреле 1943 через Одессу. На запрос эмигрантов по поводу этой декларации, адресованный германскому командованию, был получен ответ, что она касается только советских военнопленных и населения «освобожденных областей». Вопрос же о допуске русских эмигрантов к участию в борьбе, откладывается до окончания войны на Восточном фронте [393].

Генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов в своём письме от 10 июня 1943 года предложил Власову, в случае, если тот сочтёт это возможным и желательным, использовать силы русской эмиграции. Предлагалось включить представителя зарубежья в состав Русского Комитета, от имени которого была обнародована «Смоленская декларация». Абрамов также предложил Власову ходатайствовать о переводе офицеров из Русского Охранного Корпуса в РОА, так как по его, Абрамова, сведениям, в РОА наблюдается нехватка офицерских кадров [394]. (Русский Охранный Корпус встретил известие о существовании РОА и Русского Комитета с большим воодушевлением).

III Отдел РОВС в своей «Информации», выпущенной специально по поводу власовского Комитета и его Обращения, сообщает, что текст документа широко распространяется в оккупированных областях и передаётся по радио из Хельсинки. Составители «Информации» именуют Комитет «Русским Национальным Комитетом», хотя он такого названия не носил. При этом представители РОВС делали вывод: «Последнее наименование Комитета придаёт ему значение уже не местного «Смоленского», а общего Всероссийского» [395].

Далее в «Информации» сообщалось, что какие-либо официальные заявления германских ответственных лиц, подтверждающие высказанные Комитетом положения, пока не известны. В настоящее время Комитет занят формированием частей РОА, в которые допускаются только военнопленные и добровольцы из оккупированных областей.

К этому времени руководству РОВС было уже известно о формировании

[*] Позже, руководитель УДРЭ в Сербии генерал-майор В.В. Крейтер, которому была подотчетна газета “Новый путь”, вошел в возглавленный Власовым Комитет Освобождения Народов России.

Восточных Легионов в составе Вермахта. Теперь, в связи с провозглашением Русского Комитета, РОВС заявлял следующее: «По-видимому, эти формирования были только опытом, а теперь формирования из военнопленных ставятся на более широкую ногу. Во что выльются подобные формирования, – сказать ещё трудно… Трудно также сказать, насколько сделанное до сих пор в области формирований… отвечает задачам Русского Комитета» [396]

РОВС справедливо считал Легионы самостийническими, прежде всего из-за их присяги по национальностям: «Верный сын своего Отечества, я вступаю свободно в ряды Русской (Украинской, Кавказской и других) Освободительной Армии…»

«Во всяком случае, – резюмирует руководство ведущей воинской организации зарубежья, – пока ясно лишь одно, – что все эти формирования будут только из военнопленных, и что национальная Русская эмиграция к ним *не привлечена*» [397].

До решения своего вопроса принципиальным образом на высшем уровне руководства Рейха, эмигранты были вынуждены ограничиться мероприятиями местного масштаба. В Одессе организовалась группа воинских бывших чинов врангелевской Русской Армии, возглавляемая полковником Пустовойтовым [*]. Группа, провозгласившая своей целью «борьбу с большевиками всеми доступными способами», пользовалась поддержкой со стороны местной немецкой администрации. Кроме того, врангелевцы поставили перед собой задачу попечительства над церковным приходом и русской школой [398].

23 февраля 1943 года Пустовойтов получил от представителя германского командования официальное извещение о том, что в Смоленске сформирован Русский Комитет, и о том, что в ближайшее время будет разрешен вопрос о формировании русских национальных частей, или хотя бы только о вербовке добровольцев. На основании этого извещения Пустовойтов издал обращение «К русским людям», опубликованное в газете «Одесса» 4 марта 1943 года. В обращении были изложены идеи «Смоленской декларации» и сообщалось, что в ближайшие дни Одесская группа Воинских Чинов Русской Армии приступит к формированию частей для направления

[*] До настоящего времени не удалось выяснить, кто был инициатором создания группы – вернувшиеся в Россию эмигранты, или бывшие белогвардейцы, вышедшие из подполья.

их в распоряжение Русского Комитета. «Идея Нижегородского ополчения 1613 года, – говорилось в конце обращения, – воплощается в 1943 году» [399]. Поскольку Русский Комитет существовал лишь формально, то направлять «Воинских Чинов» было просто некуда.

Разочарование военной эмиграции в возможностях Русского Комитета проявилось довольно скоро. В «Информации» III Отдела РОВС за октябрь-ноябрь 1943 года сообщалось: «Деятельность Смоленского Комитета дальнейшего развития не получила. Формирование частей РОА продолжается. Сведение их в отдельную Армию со своим Управлением пока не осуществлено. По мере сформирования, отдельные полки, батальоны, присоединяются к действующим германским более крупным подразделениям. Исключение представляют только казачьи формирования, которые сводятся в самостоятельные дивизии под немецким, однако, командованием» [400].

Характерно, что в этом сообщении, по сравнению с предыдущим на ту же тему, Комитет именуется «Смоленским», а не «Русским Национальным», то есть без прежнего пафоса.

Следующим событием после «смоленской акции», привлекшим внимание военной эмиграции, стала «Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной Армии, ставших в ряды Русского Освободительного Движения». Конференция проходила в Дабендорфе в апреле 1943 года, основным докладчиком был генерал-майор В. Ф. Малышкин. Об отношении к белогвардейцам он сказал следующее: «Белое движение возникло, как движение против советской власти. Это совершенно правильно. Но это движение не имело прогрессивных начал для Русского народа, это движение было, в лучшем случае, безыдейным движением, а чаще всего – это было движение, направленное к реставрации старой дворянско-помещичьей России… Наоборот, лозунги, выдвинутые большевизмом, на фоне белого движения значительно выиграли и это помогло большевизму увлечь Русский народ за собой… Бывшим участникам белого движения мы можем совершенно определенно сказать: тот, кто думает о реставрации сословных и имущественных привилегий, тот, кто думает о реставрации отживших государственных форм – тому с нами не по пути, тех мы не можем принимать в свои ряды… Эмиграции, как единого целого, в настоящее время не существует. За 25 лет выросло новое молодое

поколение… И тот, кто стоит на платформе идей Русского Освободительного движения, того мы принимаем в свои ряды с распростёртыми объятиями» [401].

Это заявление, по сути, делится на три части. Первая – о якобы реставраторских устремлениях эмигрантов – участников Белого движения. Вторая – о том, что эмиграция не является единым целым (тезис абсолютно бесспорный и явно не способный никого смутить ни на правом, ни на левом фланге российского зарубежья). Третья – о новом поколении (опять же, как и в случае с «ближайшим сотрудником» Власова, давшим интервью газете «Новый путь», здесь прослеживается влияние НТС).

Антибольшевистская конференция анализируется в «Информации» III Отдела РОВС от 10 июня 1943 года. Основное внимание было, разумеется, уделено опровержению тезиса о «реставраторских устремлениях». Свой отказ от имущественных претензий белые эмигранты основывали на декларациях Главнокомандующего Русской Армии, основателя и первого председателя РОВС генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, а также бывшего верховного главнокомандующего Русской Императорской Армии великого князя Николая Николаевича. Первая декларация датировалась маем 1920, вторая 1924-м годом. В последнем документе, помимо прочего, говорилось: «Полное примирение, забвение прошлого, в рядах единой Русской Армии» [402].

Нет особых оснований считать, что такие заявления могли вызвать к себе скептическое отношение со стороны власовского руководства. Причиной взаимного недопонимания скорее является недостаток объективной информации друг о друге. Не последнюю роль в создании информационной блокады сыграла гитлеровская администрация.

## Глава 8. Организационное оформление Власовского движения.

Создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и начало формирования его Вооруженных Сил явилось результатом официальной встречи Власова с Гиммлером 16 сентября 1944 года. Согласно одной из имеющихся версий [403], при их разговоре присутствовал один из инициаторов создания Русской Национальной Народной Армии в Осинторфе полковник

И. К. Сахаров, ставший одним из адъютантов Власова.

Помимо Сахарова, активное участие во Власовском движении на этапе создания КОНР и его Вооруженных Сил приняли и другие участники «осинторфской попытки»: Иванов стал начальником школы пропагандистов ВС КОНР; полковник Кромиади – комендантом штаба, а затем начальником личной канцелярии Власова; лейтенант Весслер – офицером штаба, переводчиком Власова; капитан Ламсдорф – командиром одной из рот. Кроме бывших чинов РННА, Власов привлек к формированию военной и политической структуры возглавляемого им движения и других эмигрантов. Например, подполковник А. Д. Архипов, имевший опыт войны в Испании на стороне Франко, будет назначен командиром 1-го полка 1-й дивизии ВС КОНР. М. В. Томашевский стал офицером для особых поручений, полковник царской армии Шоколи – начальником отдела кадров вспомогательных войск. В должности коменданта штаба некоторое время был полковник Е. В. Кравченко. Генерал Н. Н. Головин – один из наиболее известных военных теоретиков российского зарубежья, незадолго до своей кончины разработал Устав внутренней службы ВС КОНР.

В штабе Военно-Воздушных Сил КОНР работал генерал-майор царской армии П. Х. Попов с группой эвакуированных из Югославии кадетов младших классов «1-го Русского имени Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса». Из кадетов старший лейтенант Фатьянов сформировал взвод особого назначения, выполнявший функции охраны. Наиболее заметную роль эмигранты сыграли именно при формировании власовских ВВС. Среди эмигрантов выделялась группа бывших царских офицеров, которые в промежутке между двумя мировыми войнами служили в югославской армии, а затем в Русском Охранном Корпусе: полковники Л. И. Байдак и Антонов, подполковник Р. М. Васильев, командир авиационного полка югославской армии майор Шебалин, старшие лейтенанты М. А. Гришков, Филатьев, Лягин, Потоцкий и другие.

Русские эмигранты работали в лагерях-школах, которые были созданы в период функционирования КОНР. В 1-ой Офицерской школе ВС КОНР в Мюнзингене часть практической подготовки (обучение взрывному делу и обращению с противотанковым оружием – «панцерфаустами») вел эмигрант из Югославии капитан Константинов. Среди курсантов второго сбора,

проходившего в январе-феврале 1945 года, было 50 эмигрантов – военнослужащих Русского Корпуса и русских гимназистов из Болгарии [404].

Белоэмигрант Иванов возглавлял разведшколу ВС КОНР в районе Братиславы, которая готовила сотрудников для разведотдела Штаба ВС КОНР и кадры для проведения разведывательно-диверсионных операций в прифронтовой полосе [405].

Эмигранты работали в Школе по подготовке диверсантов, организованной под эгидой СС и покровительством Гиммлера и Скорцени. Она не входила в структуру ВС КОНР, но командно-преподавательский состав Школы был причислен к военнослужащим РОА. Школа была организована в конце 1944 года и располагалась в лесах недалеко от Браунау около села Санкт-Йохан ам Вальде. Целью Школы являлась идеологическая подготовка кадров, предназначавшихся для переброски по воздуху на занятые Красной Армией территории для выполнения диверсионных актов и создания партизанских отрядов. Преподавательский состав Школы состоял исключительно из членов НТС и насчитывал около ста человек. Начальником Школы являлся сотрудник VI Управления РСХА «Цеппелин» майор И. Л. Юнг – один из участников создания РННА в Осинторфе. В Школе работали: Е. И. Мамуков, А. Н. Радзевич, П. В. Жадан, Р. Н. Редлих и др. Обучение проводилось по уставам Русской Императорской Армии. Особое внимание уделялось политико-идеологическим вопросам с ориентацией на программу НТС. Среди специальных предметов, проводились занятия по радиосвязи и оперативным маневрам в лесной местности. Однако, военно-технической подготовке отводилось минимальное время, что, вероятно, и повлекло за собой закрытие этой Школы немцами в марте 1945 года. Очевидно, члены НТС придерживались своей традиционной тактики – использовать немецкие структуры в собственных целях, а именно, для создания своих ячеек на российской территории. Из состава курсантов была сформирована только одна группа под руководством братьев Н. и В. Соболевых, которая была заброшена в Галицию [406].

Эмигранты работали в Роте охраны Штаба ВС КОНР в Берлине, которую в обиходе именовали «кадетской ротой РОА» или «курсантской ротой». В перспективе она должна была предназначаться для подготовки младшего командного состава. Первым из трех взводов командовал поручик

Ю. Л. Ольховской, прибывший из Русского Корпуса. Взвод на 90% состоял из эмигрантов, прибывших из Югославии. Во 2-м и 3-м взводах эмигрантов было существенно меньше. Здесь были русские из Югославии, Польши и Франции. «Кадетская рота» демонстрировала прекрасную строевую подготовку, теоретические занятия практически не проводились. Основное внимание было уделено обучению стрельбе, штыковому бою, метанию гранат, пользованию «панцерфаустами», военной версии дзюдо [407].

В период разработки Штабом ВС КОНР планов военных действий, НТС пытался принимать в этом участие. Проект генерал-майора Трухина по созданию «железного кулака» для прорыва фронта рассматривался одновременно и Исполнительным бюро Совета Союза [408]. Этот факт говорит о многом, если учесть, что НТС не был военной организацией, и далеко не все представители его актива из числа старых эмигрантов могли разбираться в военном деле, тем более в условиях современной войны.

На пути привлечения военной эмиграции в КОНР и его Вооруженные Силы, было немало препятствий, в том числе и психологических. Через Сахарова, или какими-либо иными путями, руководителям военной эмиграции стало известно о встрече Власова с Гиммлером практически сразу. Уже 17 сентября (на следующий день) фон Лампе писал Гегела-Швили: «Самое скверное, если Власов будет вызывать к себе поодиночно и этим самым приведёт к окончательному хаосу в среде русской эмиграции. Эмиграция организована по указаниям германских властей, и потому надо с нею говорить как с организованной единицей. Для этого существует генерал Бискупский, который русскую эмиграцию в Германии возглавляет… Во всяком случае нам во «Власовском» вопросе надо, как и всегда, быть едиными и не давать использовать себя по частям. Есть слухи, что туркуловцы всё время сватают Власову Туркула. Тот пойдёт на что угодно. Но так ли это, я пока не знаю» [409]. Фон Лампе далее утверждает, что Власов был принят только Гиммлером, Гитлером же он принят не был и не будет. Здесь в очередной раз прослеживается нежелание фон Лампе видеть эмиграцию частью власовского движения, и напротив, – стремление представить РОА частью воссоздаваемого Белого движения.

Не все белоэмигрантские руководители проявляли единство во «власовском вопросе». В письме от 6 октября 1944 года фон Лампе сообщает

Гегела-Швили, что Власов сейчас говорит о единении со всеми, и, в том числе, с эмиграцией. «В этом, кажется, навстречу ему идёт всё, что пока что формировалось, кроме… генерала Краснова, который, по-видимому, повторит опять свою борьбу с генералом Деникиным (во время Гражданской войны — Ю. Ц.). Авторитета последнего тогда не хватило и Краснов подчинился потому, что ему приказали тогда французы. По аналогии надо ждать вмешательства в это дело теперь немцев. «Патриотизм» автора монархических романов весьма относителен!» [410]

Камнем преткновения во взаимоотношениях Краснова и Власова была германская декларация о казаках от 10 ноября 1943 года. С апреля Власов официально находился под домашним арестом. С июня подразделения РОА стали переводиться с Восточного фронта на Западный, что лишало все начинание политического смысла. Руководство белого казачества, и, прежде всего, Краснов, опасалось, что излишнее стремление к сотрудничеству с опальным генералом Власовым может привести к потере долгожданного официального статуса казаков, объявленного в декларации.

Взаимоотношения Власова с Красновым складывались хуже, нежели с другими эмигрантскими руководителями. Одна из причин — явная прогерманская позиция казачьего генерала. Ещё 30 мая 1943 года фон Лампе констатировал: «Интересно, что Власов осуждает в призыве Краснова – призыв идти за немцами и призыв присягать им… Он говорит о национальном правительстве, присяге и подчинении ему, и союзе его с германской армией» [411]. 16 сентября 1943 года Краснов официально поступил на германскую службу [412]. Власов же добился своей цели. На церемонии открытия КОНР в Праге 14 ноября 1944 немцы назовут Власова и возглавляемый им Комитет своим союзником и дадут понять, что КОНР теперь признан автономной структурой – на равных началах с немцами.

21 октября 1944 года фон Лампе посетил власовский генерал Д. Е. Закутный и от имени Власова предложил ему войти в формируемый Комитет. Руководитель ОРВС решил отказаться «по целому ряду причин». Официальным основанием отказа должно было явиться то, что подавляющее большинство членов Комитета (из предполагаемых 104-х) ему неизвестно. В приказе по возглавляемому им Объединению фон Лампе предоставил всем его чинам право решать вопрос о вхождении в РОА лично, отказываясь от всякого воздействия на каждого [413].

Фон Лампе известил Гегела-Швили, что тот тоже получит приглашение вступить в КОНР. «Почти уверен, что Вы им нужны как грузин, так как грузинский комитет отклонил соединение…» [414] КОНР должен был представлять различные национальности СССР, для чего в нём были созданы специальные секции. Однако значительная часть представителей национальных меньшинств, предпочла создавать свои, независимые от КОНР, Комитеты, стоявшие на позициях сепаратизма. Это было вызвано опасением, что Власов может разделять идеологию «великорусского шовинизма», хотя это и не соответствовало действительности. Он даже не был принципиальным сторонником.

Фон Лампе не рекомендовал Гегела-Швили вступать в КОНР, но оставил окончательный выбор на его усмотрение [415]. Результатом явилось письмо Гегела-Швили Власову, написанное 31 октября 1944 года. Автор просит не делать ему официального предложения о вступлении в КОНР, так как он вынужден будет отказаться, а это может быть расценено как отказ по идейным соображениям. Сам Гегела-Швили мотивирует невозможность своего вступления в Комитет состоянием здоровья и отсутствием опыта политической деятельности [416].

Это окончательное решение Гегела-Швили принял, по всей видимости, под влиянием фон Лампе. За три дня до своего обращения к Власову, он получил от руководителя ОРВС письмо, в котором говорилось: «Всё сосредоточилось теперь, конечно, для нас, русских, на акции Власова, а там настоящий холостой ход… Я совершенно согласен с Вами, что надо поддерживать, если… но как это установишь, когда я уверен, что сам Власов сейчас ни в чём не уверен!» [417]

В тот же день, 28 октября, фон Лампе написал ещё одно письмо неизвестному адресату, которое ярко и красноречиво характеризует отношение автора к Власову: «Лозунг «ХСЧНПБ» («Хоть С Чёртом, Но Против Большевиков» – Ю. Ц.) был вызван к жизни и исповедывался покойным Главнокомандующим (П. Н. Врангелем – Ю. Ц.), о чём он не раз говорил мне лично» [418]. Не было бы ошибкой предполагать, что под этим лозунгом подписался бы и Власов. Но если для него, «Чёрт» это Гитлер, то для фон Лампе, «Чёрт» – бывший генерал Красной Армии Власов, а Гитлер – «естественный союзник».

После фактического отказа Краснова от сотрудничества с Власовым,

другие руководители казачества были вынуждены строить свои отношения с руководством КОНР по своему усмотрению. Генералы Е. И. Балабин, Ф. Ф. Абрамов, А. Г. Шкуро в общем и целом приветствовали Власовское движение, но на пути сотрудничества с ним смотрели по-разному. Это зависело прежде всего от двух вещей – от того как тот или иной руководитель казачества относился к вопросу о целесообразности сохранения над Восточными войсками немецкого руководства (Власов добивался полной независимости), и от того, как атаманы представляли себе будущее казачества (в составе России, или вне её).

25 октября 1944 года Балабин писал Власову: «Казачество пойдёт с Вами на освобождение России не для создания своей особой государственности. Эта мечта утопистов и авантюристов не имеет корней в сознании казачьего народа и культивируется численно ничтожной группой лиц безответственных» [419].

В этом же послании Балабин выразил надежду, что Власов привлечёт к сотрудничеству в создаваемом им Комитете представителя донского казачества. В качестве такового Балабин рекомендовал генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова.

В тот же день Балабин обратился с письмом к генерал-майору Ф. И. Трухину – начальнику Штаба Вооружённых Сил КОНР. Автор письма сообщал, что возглавляет казаков всех войск старой эмиграции в Германии, Генерал-губернаторстве (Польше), Протекторате Чехия и Моравия, Словакии и Венгрии; что он подчинён В. В. Бискупскому (как начальнику Управления Делами Русской Эмиграции). При этом подчёркивалось, что эти казаки-эмигранты не подчинены Главному Управлению Казачьих Войск, возглавляемому П. Н. Красновым [420]. 6 ноября 1944 года Балабин подал рапорт в Штаб Вооружённых Сил КОНР с просьбой о приёме на службу [421].

НТС как организация не мог принять участия в работе Комитета потому, что почти все руководители Союза и многие рядовые соратники находились в нацистских концлагерях. Но в личном порядке, избежавшие ареста солидаристы, приняли активное участие в создании Комитета и работе его отделов. Некоторые вошли в круг высшего руководства КОНР. Среди подписавших Манифест, членами НТС были Ф. И. Трухин, М. А. Меандров, А. Зайцев, Б. Лисовский-Прянишников, Н. Тензоров, А. Казанцев, Ф. Левицкий.

Комитет Освобождения Народов России был учрежден 14 ноября 1944 года в Праге. Кульминационным моментом заседания было провозглашение Манифеста КОНР. В виду особой важности этого документа приводим его полностью:

«Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли.

Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в

бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна стран в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) Наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении

их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы нардов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. *Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.* Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединения, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для

решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

*Председатель Комитета Освобождения Народов России*
*генерал-лейтенант А. Власов.*

*Члены Комитета: генерал-лейтенант Ф. Абрамов; общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; проф. Г. Ануфриев; генерал-лейтенант Е. Балабин; общественный деятель Шамба Балинов; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Болховский; полковник В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джапанов; генерал-лейтенант Г. Жиленков; генерал-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; обществ. деятель Ю. Жеребков; полковник Буняченко; полковник М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; генерал-майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов; проф. И. Москвитинов; литератор Ю. Музыченко; рабоий Н. Подлазник; профессор С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензоров; генерал-майор Ф. Трухин; проф. А. Цагол; крестьянка Х. Цымбал; капитан И. Чанух; врач Ибрагим Чулик; обществ. деятель Ф. Шлиппе; Ф. Янушевская.*
*Кандидаты: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Кумин; обществ. деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; проф. Л. Смирнов; проф. В. Стальмаков; проф. В. Татаринов; майор И. Тельников; солдат А. Щеглов.*

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности)» [422].

История создания Манифеста КОНР («Пражского манифеста») сложна и многообразна [423]. Основную работу по составлению документа проделали Н. А. Троицкий (Нарейкис) и А. Н. Зайцев, который использовал при этом «Схему» и другие документы НТС. Во второй статье Манифеста, природа будущего государственного строя России определяется как «национально-

трудовая». Но остальные пункты программы являются самоочевидными и во многом повторяют «Смоленскую декларацию» Русского Комитета.

В январе 1945 издательство Главного Управления Пропаганды КОНР выпустило «Блокнот пропагандиста Освободительного Движения Народов России». Это самостоятельный идеологический документ, в позициях которого имеются разночтения с «Пражским манифестом». Влияние идей НТС здесь весьма сильно. Документ рассматривает «общественные основы» и «перспективы формирования национально-трудового строя».

12 ноября, за два дня до учреждения КОНР, состоялась встреча фон Лампе с Власовым. Эмигрантский лидер настаивал на том, что форма их дальнейшего сотрудничества может быть решена только после того, как Комитет выявит совершенно открыто своё отношение к участникам Белого движения. Генерал Власов, сославшись на то, что изменить уже составленный Манифест слишком сложно, дал фон Лампе слово, что после возвращения из Праги займется следующим воззванием, которое должно быть обращено к белым. Этим пока вопрос был закрыт [424].

Церемония обнародования Манифеста КОНР в Берлине состоялась 18 ноября. Выступая на этом собрании, генерал Власов дал следующую оценку событий февраля и октября 1917 года: «В февральской революции 1917 года народы России пытались сбросить цепи национального, социального и экономического угнетения… На самом своем критическом этапе революция 1917 года была узурпирована кликой демагогов и обманщиков… Этой кучкой демагогов и обманщиков была партия большевиков…» [425]. Данный фрагмент выступления имел принципиально важное значение, поскольку основной политический водораздел в эмиграции был между теми, кто отвергал в революции только «Октябрь», и теми, кто видел катастрофу уже в «Феврале». В качестве главного условия победы возглавляемого им движения, Власов назвал единение антибольшевистских сил. Из контекста видно, что он имел в виду силы разных народов, а не разные политические силы.

На торжествах 14 ноября в Праге, а также на втором заседании КОНР 18 ноября в Берлине, фон Лампе присутствовал в качестве «почётного гостя». В Праге состоялась ещё одна его беседа с Власовым о порядке привлечения в Вооружённые Силы Комитета чинов ОРВС. Руководитель Объединения вновь отметил, что считает необходимым обращение Власова к офицерам и

солдатам Белых Армий, подобно тому, как это было сделано в Манифесте по отношению к офицерам и солдатам Красной Армии. До появления такого обращения фон Лампе предложил чинам Объединения «выждать» [426].

Не полагаясь, очевидно, на оперативность Власова, фон Лампе сам составил от его имени текст обращения, чтобы Власову осталось только его подписать: «Офицеры и солдаты Белой армии, вас, много лет тому назад всей душой вложившихся в борьбу против большевиков, зовём мы в свои ряды. Пусть не будет ни белых, ни красных и в Россию вернутся только верные ей русские люди!» [427] Ни этот текст, ни ему подобный, никогда не был подписан генералом Власовым.

Политическим руководящим органом Комитета стал возглавляемый Власовым Президиум КОНР в составе Е. И. Балабина, Ф. И. Трухина, В. Ф. Малышкина, Д. Е. Закутного, Ф. П. Богатырчука, Н. Н. Будзиловича, С. М. Руднева и Г. Н. Жиленкова. Кандидатами в Президиум были П. Н. Иванов и Ю. А. Музыченко.

На период оформления Комитет состоял из 50 членов и 12 кандидатов, включая представителей 15 народов России. К началу 1945 года численность КОНР увеличилась до 102 членов, но полного списка имен не сохранилось. Из 37 действительных членов, подписавших Манифест, 13 являлись бывшими военнослужащими Красной Армии, 9 – советскими университетскими преподавателями, 7 – представителями старой эмиграции. В составе Комитета были учреждены Национальные Советы [*] народов России. Один из них – Управление Казачьих Войск, возглавил генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов. Это говорит о том, что КОНР признал казачество особым народом. Право представлять казаков получили эмигранты: Балабин в Президиуме и Абрамов в Национальных Советах.

Штаб Вооруженных Сил КОНР возглавил член Совета НТС Трухин. Главное Организационное Управление (политические, национальные, правовые, социальные, экономические и культурные вопросы) – Малышкин, а Центральный Секретариат этого Управления возглавлял эмигрант член НТС Д. А. Левицкий. Идеологический Отдел – член НТС А. Н. Зайцев. В составе Управления существовал Отдел сношений с правительственными

[*] Национальные Советы в составе КОНР выступали за единство российского государства. Поэтому против них вели борьбу сепаратистские организации, например Самостийная Белорусская Рада под председательством Радослава Островского.

учреждениями, возглавляемый Ю. С. Жеребковым – начальником УДРЭ во Франции.

Управление безопасности КОНР возглавлял член НТС – бывший подполковник РККА Н. В. Тензоров. Работу председателя КОНР обеспечивала Личная канцелярия, в составе которой работали эмигранты-солидаристы Д. А. Левицкий и Л. А. Рар. Таким образом, старые эмигранты принимали деятельное участие в работе КОНР. Главным редактором центрального печатного органа КОНР – газеты «Воля Народа», формально был Г. Н. Жиленков, а фактически ведущую роль играл эмигрант член НТС А. С. Казанцев. Старые и новые члены НТС, находясь в процентном меньшинстве, занимали многие ключевые посты Комитета.

Однако, возможности эмигрантов, и, в частности, солидаристов, не следует переоценивать. Казанцев вспоминает: «На следующий день после возвращения из Праги (то есть между 14 и 18 ноября – Ю. Ц.) мне позвонили в редакцию из какого-то учреждения, что отныне весь материал, печатающийся в «Воле народа», я должен присылать на цензуру,.. и что помещен может быть только тот, на котором будет стоять параф цензора… Чтобы иметь возможность выбора при составлении следующих номеров, я собрал все основные статьи, которые были приготовлены чуть ли не на две недели вперёд… Все статьи были присланы обратно, причём минимум две трети их были перечёркнуты с начала до конца красным карандашом. Параф цензора стоял только на материале, который имеется в редакции на всякий случай, если окажется вдруг в номере свободное место… Мы всей редакцией просидели до поздней ночи и постарались сделать всё, что было возможным, чтобы второй номер газеты получился уж не совсем уродливым. С грехом пополам как-то наскребли на восемь очередных страниц» [428]. Из этого видно, что немцы в очередной раз обманули Власова – о самостоятельности, независимости и равноправии КОНР речи быть не могло.

По поводу выхода первого номера «Воли Народа» фон Лампе писал Гегела-Швили 19 ноября: «Когда я прочел первые два номера новой газеты РОА, то увидел, что моё требование об обращении к белым офицерам и солдатам совершенно необходимо. В этой, с позволения сказать, печати, всё сопротивление красным начинается… с кронштадтского восстания, то есть с того времени, как наши были уже на Галлиполи… умолчание тенденциозное и… мало понятное! Его надо как-то пробить, и то обращение, которого я

добиваюсь, и которое мне генерал Власов обещал, будет этим тараном! Иначе положение белых в рядах РОА всегда будет неприятным… Может статься, что успех заставит Власова забыть о данном мне слове. Хочется надеяться, что это не так…» [429]. Недопонимание между представителями старой эмиграции и власовцами на этапе формирования КОНР во многом явилось результатом происков нацистских ведомств, что уже случалось прежде.

25 ноября 1944 года в Праге состоялось собрание станичных атаманов Объединения казаков в Германии и представителей казачества, посвященное учреждению КОНР и провозглашению Манифеста. Председательствовал генерал-лейтенант Е. И. Балабин, в числе присутствующих были: генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов, представители войсковых атаманов: Донского – С. В. Маракуев, Кубанского – генерал-майор В. Н. Шелест, Терского – полковник В. Д. Белый (он же атаман Терской станицы в Праге); атаманы станиц: Донской имени атамана графа Граббе – полковник Н. В. Пухляков, Донской имени атамана графа Платова – сотник А. А. Прокудин, Младо-Болеславской – войсковой старшина И. В. Гаврилов, Кубанской в Праге – подъесаул Г. Ф. Фенев; начальник группы казаков Донского корпуса полковник М. А. Ковалев. Были оглашены письменные заявления атаманов Пильзенской станицы генерал-майора Т. А. Семерникова и Моравско-Остравской – С. Н. Попова, не имевших возможности лично прибыть в Прагу, а также протокол заседания «Пражской имени атамана графа Граббе станицы», приславшей своё постановление.

Станичные атаманы сообщили, что на заседаниях их Правлений и на общих сборах казаков принято постановление приветствовать образование КОНР и его председателя Власова. Станицы также приветствовали вступление в Комитет генералов Балабина и Абрамова, и просили их быть выразителями в КОНР желаний объединённого казачества и их представителями.

Станицы осудили сепаратистское направление в казачестве и высказались за единение со всем русским народом и за единую Россию. Уже после создания КОНР, формально независимого от немцев, сепаратистский журнал «Казачьи ведомости» писал: «Казаки поддержат русскую Освободительную армию и под руководством своих казачьих начальников будут сражаться там, где им будет указано германским Командованием» [430].

Ещё до открытия собрания П. Н. Краснов в категорической форме высказал требование, чтобы вступившие в Комитет Балабин и Абрамов считали себя прибывающими там только персонально, а не в качестве представителей казачества. Такое представительство, по его убеждению, раскалывает казачье движение и идёт против политики Главного Управления Казачьих Войск (учреждения подотчётного немцам). Неадекватность Краснова в оценке происходящих событий проявилась, например, в том, что после Создания КОНР и провозглашения Пражского манифеста, он яростно атаковал Власова, обвиняя его в намерении снова отдать Россию «во власть жидам» [431].

Присутствовавшие на собрании атаманы не поддержали требования Краснова: «Генерал Власов обойдётся без нас – казаков; но мы без Власова не обойдёмся» [432]. Соответствующая резолюция была принята единогласно. По предложению секретаря собрания Маракуева было решено представить Власову протокол собрания, сопроводив его объяснительной запиской о казачестве, как неотъемлемой части русского народа.

Участник казачьего антисоветского движения А. К. Ленивов в своей книге приводит высказывание «казачьего обозревателя», явно сочувствующего идеям казачьего сепаратизма: «… Генерал П. Н. Краснов и генерал Т. И. Доманов вели независимую казачью политику и не входили в подчинение генералу А. А. Власову. Власов не скрывал своего взгляда на будущее казачества, которое считал отжившим меньшинством в своих Родных Краях, которое должно будет подчиниться в будущем большинству из находящихся там переселенцев. Несмотря на это нашлись люди из среды Зарубежного казачества, считающие для себя возможным сотрудничать с Власовым: генерал И. А. Поляков, генерал Е. И. Балабин, генерал Полозов и Атаман Донского Войска по приказу графа Граббе – генерал Татаркин. Под конец войны, 22 марта 1945 года к этой группе присоединился, перейдя от самостийников к Власову, генерал В. Г. Науменко» [433].

30 ноября 1944 года Балабин сообщил в своём личном письме начальнику Штаба Вооружённых Сил КОНР Трухину, что «подсоветские» казаки, на которых опирается Краснов, также безоговорочно идут за Власовым, «…и фантазию о каком-то «Среднеевропейском» казачестве отметают с негодованием» [434]. Здесь под «Среднеевропейским» казачеством подразумевалась идея Розенберга о создании «временной казачьей

территории» в Северной Италии под эгидой Рейха. Эту идею активно поддерживал Краснов, но наиболее последовательные сторонники «Единой и Неделимой России» рассматривали ее как новую разновидность идеологии казачьего сепаратизма.

Обо всех решениях, принятых на собрании станичных атаманов, Балабин полностью информировал Краснова в своём письме к нему от 4 декабря 1944 года [435].

В этот же день Балабин написал письмо Власову, в котором предложил назначить в крупные города – Вену, Мюнхен, Штутгарт, Нюрнберг и другие, представителей КОНР, которые на месте могли бы удовлетворять все запросы, вплоть до принятия заявлений от добровольцев. Это предложение было сделано ввиду того, что «… подъём среди русской эмиграции, и новой, и старой, очень большой…» «Ко мне, – сообщает Балабин, – ежедневно обращаются десятки русских людей за всякими справками о РОА, деятельности Комитета, о том, как поступить в Армию и тому подобном… Такие же заявления поступают от Атаманов станиц из разных городов Германии» [436]. В результате представителем Власова и КОНР в Вене был назначен генерал-майор В. В. Крейтер [437].

Балабин был одним из наиболее последовательных сторонников объединения белой эмиграции вокруг Власова и его Комитета. Он не оставлял надежд и на привлечение Краснова. «Моя мечта, – писал Балабин 23 декабря 1944 года, – и надо это провести и уговорить Петра Николаевича (Краснова – Ю. Ц.) со всем своим Управлением (Главным Управлением Казачьих Войск – Ю. Ц.) перейти к Власову и работать, как он до сих пор работал» [438]. Это отвечало устремлениям и самого председателя КОНР: «Власов рад будет этому и мечтает об этом. Если Петр Николаевич откажется от черновой работы по Управлению – он может быть согласится быть Почётным возглавителем этого Управления и стоять во главе всех казаков. Это мысль генерала Власова, – заканчивает Балабин, – и это я пишу его слова» [439].

Однако эти надежды не реализовались. Спустя неделю, 30 декабря 1944 года, Балабин писал полковнику В. Н. Дронову, что Краснов и возглавляемое им Управление резко отмежевались от Власова, уговоры не привели к желаемому результату. «Власов же, – сообщалось в письме, – скорбит о случившемся и уверен, что человек написавший «От двуглавого орла до

красного знамени», не мог так перемениться, что это временное затмение…» [440]

В случае, если Краснов так и не откажется от своей позиции и «желания поселить всех казаков навсегда в Европе», было принято решение создать при КОНР Отдел по казачьим войскам во главе с генералом Абрамовым. Таким образом, по мнению Балабина, из казачьих вождей в расколе оказались бы только трое – генерал П. Н. Краснов, полковник С. Н. Краснов, и, возможно, Кубанский атаман В. Г. Науменко, «который до конца ещё не определил свою позицию»[441].

16 марта 1945 года в газете «Казачья Земля» было напечатано открытое письмо П. Н. Краснова А. А. Власову: «Глубокоуважаемый Андрей Андреевич! 7-го и 9-го января 1945 года я имел с Вами серьезные беседы о взаимном отношении в общей работе против большевизма, возглавляемых Вами русских вооруженных сил и Казачьих Войск.

Военные обстоятельства и необходимость как Вам, так и мне, уехать в инспекционные поездки, помешали нам закончить переговоры. Вы поняли, что освободить Россию от большевистской власти можно только при помощи иностранной державы и именно Германии. Казаки, как только немецкие войска подошли к их Землям, всем народом перешли на сторону Германии и, вооружаясь чем попало, создали казачьи полки и сотни, сражались плечо к плечу с немцами, как при наступлении Германской армии, так и при отходе ее из пределов СССР. Германское правительство оценило это добровольное сотрудничество с войсками: оно признало казаков своими союзниками, а 10 ноября 1943 года объявило, что оно признает права казаков на их земли, кровью и трудами предков завоеванные, и их права на самобытность существования, то есть создания своих полков со своими казачьими начальниками и управление своими Атаманами.

И цели – уничтожение большевизма в России, и средства – тесное сотрудничество для того с Германией, у Вас и у казаков – одни и те же. Какая же тут может быть размолвка?

Если бы военные обстоятельства не прервали наших переговоров, мы бы с Вами договорились и пошли бы, как и надлежит идти, как всегда шли русский солдат и казак.

Нашей кажущейся размолвкой воспользовались большевики. Через своих агентов и заблудших казаков, авантюристов, личное честолюбие и

выгоды ставящих выше блага Родины, они сеют смуту, говоря, что казакам следует отойти от своих вождей и начальников, идущих с немцами и перейти к Вам, делающим Русское дело без немцев.

Они возбуждают ненависть к немцам, подрывают доверие к Германской армии.

Они говорят, что в Штабе Казачьих Войск и в станицах засели заскорузлые старики, которые только и думают подвести Казачество под протекторат Германии, и одновременно распространяют волнующие казаков слухи об успехах Вашей армии, подошедшей к самой Москве?!

Все это ни Вам, ни казакам не на пользу. Это нужно только большевикам.

Хорошо зная чаяния казаков, свидетельствую Вам: у казаков одна мечта вернуться в родные Края, зажить там своей жизнью, какой они жили до прихода к власти большевиков. Казаки хотят иметь свое самоуправление: Круг (Рада) и выборных атаманов. Казаки ничего не имеют против того, чтобы те, кто жили и живут теперь на их землях, там и оставались жить равноправно с казаками.

Казаки сознают, что после победы Россия останется под наблюдением и покровительством Германии. Казачьи Войска, самостоятельно развиваясь, будут пользоваться помощью немцев, как союзники Германии.

Для успокоения умов, русских и казачьих, мне бы хотелось, чтобы Вы, Андрей Андреевич, таким же открытым письмом ответили бы казакам на следующие вопросы:

1) Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России являются частью Германской армии, Германией содержимой и вооружаемой, как это в казачьих частях, или это – самостоятельная, независимая от Германии, армия, как о том болтают безответственные люди, противопоставляя ее казакам – «продавшимся немцам»?

2) Признаете ли Вы за казаками те права, которые уже признала Германия?

3) Можете ли Вы и Комитет, Вами возглавляемый, оказать казакам на родной земле помощь, защиту и покровительство без помощи Германии?

4) Не считаете ли Вы ошибочным и вредным в теперешнее смутное время раскалывать казаков созданием параллельного Управления Казачьих войск, независимо от Главного Управления Казачьих Войск (во главе с ген.

От кавалерии П. Н. Красновым)?

Я не хочу верить этому и думаю, что только непроверенные слухи и печальное недоразумение, которое Вы прекратите, приступив к общей работе с казаками и их законными начальниками для спасения Родины, при полном уважении старых прав и особенностей казачьего быта.

*Остаюсь искренне уважающий Вас,*

*Начальник Главного Управления Казачьих Войск*

*Генерал от Кавалерии П. Н. Краснов*» [442].

Ответного открытого письма со стороны Власова не последовало. Юридически Вооруженные силы КОНР не являлись частью германской армии и были подчинены германскому командованию только в оперативном отношении. Это было официально признано немцами, хотя стереотипы мышления были сильны – власовская армия продолжала восприниматься как вспомогательные войска Вермахта.

Финансовое обеспечение КОНР и его вооруженных сил регулировало «Соглашение между Правительством Великогермании и Председателем Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенантом А. А. Власовым», подписанное 18 января 1945 года в Берлине: «Правительство Великогермании, в лице Министерства Иностранных Дел, заключает с Председателем Комитета Освобождения Народов России: генерал-лейтенантом *Власовым* нижеследующее соглашение:

1. Правительство Великогермании предоставляет в распоряжение Комитету Освобождения Народов России необходимые для освободительной борьбы против совместного врага, большевизма, денежные средства в форме кредита.

2. Для этой цели в Главной Государственной Кассе открывается счет на имя Комитета Освобождения Народов России. В дебет этого счета предоставляются необходимые суммы из государственных средств для непосредственных финансовых нужд Комитета Освобождения Народов России. Решение об определении размера кредита Правительство Великогермании оставляет за собой.

3. Председатель Комитета Освобождения Народов России назначает финансового уполномоченного с правом подписи, который распоряжается предоставляемыми денежными средствами и является ответственным за финансовое хозяйство Комитета Освобождения Народов России.

4. Комитет Освобождения Народов России обязуется возместить предоставленный ему кредит из русских ценностей и активов, как только он будет в состоянии располагать таковыми. Впрочем, в отношении погашения кредита и нарастания процентов предположено в последствии заключить соответствующее соглашение.

Изготовлено в двух подлинниках, на немецком и русском языках, в Берлине, 18-го января 1945 года.

*За Министерство Иностранных Дел: Ш. фон Мойланд*
*За Комитет Освобождения Народов России: А. А. Власов*» [443].

Барон Штенграхт фон Мойланд был государственным секретарем Министерства Иностранных Дел [*].

Власов вполне мог признать за казаками те права, которые перечислены в германской декларации от 10 ноября 1943 года, но оказать казакам защиту и покровительство на родной земле, Власов не мог ни при помощи Германии, ни без нее.

Наконец, Власов явно не считал ошибочным создание казачьего представительства в КОНР, поскольку оно не могло быть создано без его воли. Таким образом, в своем открытом письме, Краснов поднял такие вопросы, на которые Власов категорически не мог дать ответы, которые устроили бы его визави. Их отношения окончательно зашли в тупик.

Ответ на свое открытое письмо Краснов получил не от Власова, а то казачьего управления при КОНР. Документ, датированный 28 марта 1945 года, был подписан Татаркиным, Науменко и другими. Авторы ссылались на Манифест КОНР как на основной документ, в котором содержатся «совершенно точные, не допускающие кривотолков, официальные разъяснения», в том числе и по вопросам, затронутым Красновым [444].

В ответе подчеркивалось, что союз КОНР с Германией является равноправным, и что именно к такой форме взаимоотношений организаторы Комитета стремились всегда: «… мы боремся за независимую Родину, которая не может быть ни под чьим протекторатом или покровительством, в

[*] Подписание происходило в торжественной обстановке, в присутствии видных представителей обеих договаривающихся сторон. С немецкой стороны здесь находились: начальник отдела протокола посланник А. Фон Дорнберг, посланник В. фон Типпельскирх, советник посольства Г.Хильгер, тайный советник В. Танненберг, государственный секретарь Министерства финансов Ф. Рейнгардт. С русской стороны присутствовали: уполномоченный КОНР при Министерстве Иностранных Дел Ю.С. Жеребков, начальник Финансового управления КОНР профессор С.А. Андреев, заместитель начальника Финансового управления КОНР Ф.Ф. фон Шлиппе, начальник Главного организационного управления КОНР генерал-майор В.Ф. Малышкин.

то время как Вы берете на себя смелость от лица казачьей массы утверждать, что после победы над большевизмом, Россия «останется под покровительством и наблюдением Германии» [445].

Авторы послания упрекнули Краснова в том, что он открыто не признает очевидный факт существования размолвок в антибольшевистском лагере. Они совершенно определенно заявили о том, что казачество не едино, несмотря на общность целей борьбы и общность союзнических отношений с Германией. Резко отрицательную оценку в этой связи получила деятельность крайних «самостийных» элементов: «Эти люди считают казаков не выходцами из среды русского и украинского народов, приобретших в силу некоторых особенностей жизни специфические черты и потому образовавшие особую бытовую группу в нашем народе, а самостоятельным Казачьим народом! Эти люди с серьезной миной говорят о некоей самостоятельной Казакии. Казачья же масса всегда считала себя плотью русского народа, всегда героически отстаивала национальные русские интересы, понимая, что разъединение с русскими может быть только интересно врагам казачества» [446].

Представители Казачьего Управления КОНР писали Краснову, что он неясно представляет себе умонастроения казаков из СССР: «Казачество хочет получить в собственность свои земли, хочет иметь самоуправление, отвечающее казачьим традициям и быту. Это вполне законные требования, но казаки, трезво разбираясь в современной ситуации, сознают, что в России сегодня не может быть восстановлено самодержавие и какие-то сословные привилегии. Россия уже не та, и казаки уже не те» [447]. В открытом письме Власову Краснов не говорил о восстановлении самодержавия и сословных привилегий. Свой взгляд на будущее казачества Краснов основывал на германской декларации от 10 ноября 1943 года. Его проекты возрождения казачьей жизни не выходили за пределы, очерченные Кейтелем и Розенбергом. Высказывание Краснова о том, что он порывает со своим прошлым и служит отныне не России, а только казачеству, было обусловлено потерей надежды на освобождение России от большевизма. Краснов прибег к традиционной тактике: за неимением возможности спасти целое, вести борьбу за спасение части. В этой ситуации не могло быть речи о восстановлении самодержавия. Приписывая Краснову подобные проекты,

Татаркин, Науменко и их единомышленники представляли своего оппонента в качестве политика, утратившего чувство реальности.

Свою окончательную позицию – с кем быть, с Власовым, или с Красновым, Науменко определил еще 23 марта, когда вместе с Поляковым, Балабиным, Полозовым и Татаркиным подписал «Положение об управлении казачьими войсками». В документе говорилось, что «казачество, являясь одной из составных частей России… входит в подчинение Главнокомандующего вооруженными силами и Председателю Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенанту Власову» [448]. Этот документ еще раз выявил глубокое противоречие между казаками-националистами и теми, кто считал казачество неотъемлемой частью русского народа. Краснов оценил документ как «купчую крепость о продаже Казачьих войск» генералу Власову[449].

28 марта 1945 года генерал Власов совместно с Науменко подготовил и подписал приказ № 061-к об учреждении Совета Казачьих Войск [450].

В целях дальнейшего объединения военной эмиграции со структурами КОНР, Балабин предложил Власову включить в Комитет все русские организации в Праге. Результатом этой инициативы явилось назначение Балабина Власовым на должность «главноуполномоченного КОНР в Протекторате Чехия и Моравия»[451]. В конечном итоге и фон Лампе подал заявление о вступлении в РОА. 26 марта 1945 года на последнем заседании КОНР в Карлсбаде он был принят в его состав [452].

Очередной задачей руководства КОНР был перевод под свой контроль Казачьего стана, дислоцировавшегося в Северной Италии. Стоявший во главе Казачьего стана генерал Доманов оставался сторонником Краснова. Официальный представитель ВС КОНР полковник А. М. Бочаров прибыл в Толмеццо 16 марта 1945 года. Власов и Трухин организовали трансляцию на Казачий стан пропагандистских радиопередач из Братиславы и Триеста. В результате среди казаков Доманова появились сторонники немедленной консолидации с Власовым.

В марте 1945 в Казачий стан прибыл Краснов. Одной из мер, направленных против власовской пропаганды стало открытие школы пропагандистов. Программа занятий была составлена близкими к Краснову людьми и с ним согласована. На торжественном открытии школы Краснов выступил с речью, в которой изложил свою политическую концепцию. Он

повторил, что в свое время была Великая Русь, которой следовало служить, но она в 1917 году «заразилась неизлечимым, или почти неизлечимым, недугом». Что в отличие от русских с севера, население казачьих областей «оказалось почти не восприимчивым к коммунистической заразе», и что нужно «спасать здоровое, жертвуя неизлечимо больным», иначе «больной элемент» задавит здоровых (то есть русские северяне казаков)».

Краснов добавил, что во избежание такого развития событий, необходимо найти союзника-покровителя и таким покровителем может быть только Германия, поскольку немцы – единственно «здоровая нация, выработавшая в себе иммунитет против большевизма и масонства». Краснов заявил, что во власовское движение не следует вливаться, но можно говорить о союзе с ним, в случае, если власовцы проявят себя как абсолютно преданные союзники Германии [453].

Меры власовской пропаганды оказались более действенными. Часть казаков из Казачьего стана, преимущественно кубанцев, признала своим атаманом Науменко и потребовала своего перевода в ВС КОНР. 26 марта в Каваццо-Карнико состоялся Общий Сбор Кубанских казаков, проходивший в чрезвычайно эмоциональной атмосфере. Доманов предложил сторонникам Науменко покинуть Казачий стан, но вместе с семьями. В результате лишь около двухсот человек покинули стан и двинулись на соединение с власовскими частями. Сторонники Доманова назвали эти события «кубанским бунтом» [454].

Провозглашение КОНР привело к формальному изменению политического статуса Русского Корпуса. Б. А. Штейфон посетил Власова и заявил ему о своей готовности безоговорочно подчиниться. К этому времени Штейфон был единственным представителем российской военной эмиграции в Югославии, так как постепенно значение всех остальных её органов было сведено к нулю [455]. Формально договор Штейфона с Власовым должен был означать, что Русский Корпус выходит из германского подчинения и включается в состав ВС КОНР. Фактически Корпус остался в подчинении СС.

Столь же формальным было переподчинение Власову Казачьего Стана генерал-майора Т. И. Доманова, Казачьей кавалерийской бригады генерал-майора А. В. Туркула и 15-го Казачьего кавалерийского корпуса, созданного

на базе казачьей дивизии генерал-майора Г. фон Паннвица.

Взаимоотношения Власова и Смысловского не сложились. Как было показано выше, развитие подчиненных Смысловскому формирований и повышение его личного статуса были связаны не только с его профессиональными качествами организатора разведывательной и диверсионной деятельности. Он постоянно подчеркивал безусловную приоритетность военно-политических задач, решаемых Германией на Востоке по отношению к проблемам создания новой российской государственности. Кроме того, Смысловский не стремился к созданию самостоятельных русских военных формирований, которые действовали бы автономно от германского командования. Это составляет полный контраст с позицией генерала Власова, которую тот занимал до конца войны. Принципиальное различие во взглядах белоэмигранта Смысловского и бывшего красноармейского военачальника Власова, в конечном итоге не позволили им объединить свои силы.

Их первая встреча состоялась в конце 1942 года в Восточной Пруссии, уже тогда выяснились идейные разногласия. Смысловский отказался подписать «Смоленскую декларацию», направленную, в частности, против «англо-американских капиталистов». Второй раз они встретились в апреле 1943 года во время поездки Власова по оккупированным территориям, и тоже осталась без результата. Их, третья по, счету встреча состоялась в одной из пригородных вилл Берлина в конце 1944 года. Ее тщательно готовили Трухин и Шаповалов. Смысловский выразил несогласие с политической программой «Пражского манифеста», которую считал социалистической. Он также высказался против очередного призыва к борьбе с «западными плутократами», хотя, вместе с тем, считал необходимым сохранять лояльность по отношению к немецкому командованию. Следует отметить, что пункт о «плутократах» в тексте Манифеста был результатом политического компромисса с Гиммлером, который требовал дополнить документ двумя пунктами: борьбой против правительств Великобритании и США, и против евреев. Первая поправка вошла в документ, вторая – нет.

Несмотря на разногласия с Власовым, Смысловский после войны признал значение его личности: «Сложись политическая обстановка иначе и пойми немцы Власова, РОА одним только своим появлением, одной

пропагандой, без боя могла потрясти до самых основ всю сложную систему советского государственного аппарата» [456].

## Глава 9. Окончание войны и судьба эмиграции.

В данной части исследования речь идет об участии эмигрантов в боевых действиях зимой и весной 1945 года, обстоятельствах интернирования и репатриации эмигрантов англо-американским и французским командованием, политических настроениях эмигрантов в освобожденной от нацистов Западной Европе и создании новых организаций после войны.

В отношении боевых действий против Красной Армии немцы заключили с командованием Вооруженных Сил КОНР особое соглашение. Предполагалось дать власовским войскам возможность проявить себя на Восточном фронте. Лишь доказав свою боеспособность, армия могла рассчитывать на расширение своего состава.

В начале 1945 года по приказу генерала Власова была сформирована ударная группа под командованием полковника И. К. Сахарова. Ее боевой задачей было выбить советские войска с плацдарма на западном берегу Одера. В сражении 9 февраля в районе Карлсбизе группа Сахарова показала себя как боеспособное воинское соединение [*]. План дальнейших военных операций, предложенный Меандровым, предполагал соединение с отрядами Дражи Михайловича, после чего планировалось продолжение борьбы в горах Балкан. Второй план предусматривал продвижение к частям Украинской Повстанческой Армии, находившимся в советском тылу. Неожиданно представилась возможность присоединиться к чешскому восстанию, вспыхнувшему в Праге в начале мая 1945 года. Расчет делался на то, что после ухода нацистов Прагу займут американцы. К вечеру 7 мая 1-я дивизия ВС КОНР Буняченко («Северная группа РОА») после ожесточенных боев с частями СС, освободила почти весь город. Во время сражения командир дивизии поддерживал постоянный контакт с Национальным Чешским Повстанческим Штабом – группой «Алекс». Однако, 7 мая Повстанческий

[*] В ходе дальнейших операций 1-й дивизии ВС КОНР удалось выиграть сражение в районе Фюрстенберга, который представлялся одним из труднейших участков фронта. Боевые действия 1-й дивизии на плацдарме Эрленгхоф были одной из последних наступательных операций против Красной армии на Восточном фронте. В апреле 1945 года дивизия совершила поход на юг, в Богемию для соединения с другими частями ВС КОНР. С учетом сложившейся к тому времени военной ситуации, профессор Й.Хоффманн оценивает этот поход как поразительный ("История Власовской армии". - С. 152).

Штаб удалился с политической сцены, поскольку стало очевидным, что город будет занят не американцами, а Красной Армией. Первую роль стала играть коммунистическая Рада. Ее представитель Смрковский заявил направленному для связи с Радой капитану ВС КОНР Антонову, что чешское политическое руководство «отказывается от помощи предателей и немецких наемников». Утром 8 мая наличный состав 1-й дивизии покинул Прагу и начал двигаться по направлению Бероуна к расположению американских частей. 9 мая в Прагу вошли советские войска [*].

2 февраля 1945 года в Бад-Эльстере на юге Саксонии, Смысловский получил приказ о переформировании дивизии «Россия» в Русскую Армию под шифрованным названием «Зеленая армия особого назначения». В это время у Смысловского появляется новый псевдоним – Артур Хольмстон. После длительных переговоров с ОКХ новая структура получила название 1-й Русской Национальной Армии. Она имела статус союзнической по отношению к Вермахту, ее нейтралитет в отношении западной коалиции был подтвержден официально, как и право пользоваться на немецкой территории русским национальным флагом. Смысловский получил звание генерал-майора. ОКХ планировало ввести в состав армии Русский Корпус Штейфона, и 3-ю дивизию ВС КОНР полковника Шаповалова. Это свидетельствует о том, что и в конце войны в нацистском руководстве не было единого мнения – кого считать центральной фигурой в деле собирания разрозненных русских антибольшевистских сил, хотя в ноябре 1944 эта роль была официально закреплена за Власовым.

Для того чтобы увеличить численность своей армии Смысловский вступил в переговоры с фон Лампе, после чего 2 500 чинов вверенного фон Лампе Объединения Русских Воинских Союзов поступили в распоряжение командующего 1-й РНА. Так как среди советских перебежчиков и военнопленных в 1945 году было мало офицеров, то для заполнения вакансий Смысловскому требовались эмигранты. Офицерами штаба были назначены: подполковник Месснер, подполковник Истомин, майор Климентьев. Офицером контрразведки – майор Каширин, начальником снабжения – подполковник Кондырев, командиром штаб-квартиры –

[*] Наиболее подробно участие 1-й дивизии ВС КОНР в освобождении Праги изложено в монографии Станислава Ауски "Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии" (Сан-Франциско, 1983).

подполковник Колюбакин, командиром 1-го полка – полковник Тарасов-Соболев, 2-го полка – полковник Бобриков. Общая численность 1-й РНА составила около 6 тысяч человек [457].

18 апреля, ввиду очевидной неизбежности капитуляции Германии, Смысловский отдал приказ своей армии о выдвижении в сторону швейцарской границы [458]. Туда же должен был прибыть и Русский Корпус, однако запланированное соединение с ним не состоялось. События, завершающие «послужной список» Русского Корпуса, происходили в период с 1 января по 7 апреля 1945 года. 1-й полк вёл бои на участке Брчко-Челич, находясь, как уже было сказано, в составе корпуса СС. 30 апреля в Загребе Штейфон скоропостижно скончался, во временное командование Корпусом вступил командир 5-го полка Рогожин. 12 мая колонна всех частей Корпуса перешла Драву и сдала оружие англичанам. Корпус расположился лагерем в районе Клагенфурта. 1 ноября 1945 года, распоряжением английского командования, чины Русского Корпуса были переведены на гражданское положение и перевезены в лагерь Келлерберг [459]. Воинская единица прекратила свое существование и превратилась в Союз бывших чинов Русского Корпуса. Началась шестилетняя «эпопея Келлерберга», связанная со стремлением избежать выдачи советской стороне и с постепенной отправкой бывших товарищей по оружию в более спокойные и безопасные точки земного шара.

Кадровый состав 1-й РНА под общим руководством полковников Раснянского и Соболева в походном порядке перешел Альпы и, обойдя горные перевалы Тироля, занятые заградительными отрядами войск СС, вышел в долину Боденсного озера. Многие подразделения армии так и не пробились в назначенный район, погибли или попали в плен к западным союзникам. В районе Кемптена армия Смысловского встретила части 3-й дивизии ВС КОНР. Ее командующий генерал-майор М. М. Шаповалов отклонил предложение о дальнейших совместных действиях. Продолжая выполнять приказ Власова, он направил свои части в сторону Чехословакии. (Под Прагой Шаповалов был захвачен чешскими прокоммунистическими партизанами и передан Красной Армии).

Перед началом выступления к швейцарской границе у Смысловского состоялся телефонный разговор с начальником Штаба ВС КОНР Трухиным и самим Власовым. Командир 1-й РНА отговаривал их идти на восток – в

Чехословакию, на что Власов ответил, что Смысловский – генерал Вермахта, и можете делать, что ему угодно. Это был их последний разговор. Такое высказывание Власова может свидетельствовать о том, что он до последнего момента дорожил своей формальной независимостью от немцев, и, очевидно, был намерен использовать это обстоятельство как главный аргумент в предстоящих переговорах с англо-американским командованием.

В районе города Фельдкирх, самого западного города Австрии, к колонне 1-й РНА присоединились эрцгерцог Альбрехт, Великий Князь Владимир Кириллович со свитой, председатель Русского комитета в Варшаве С. Л. Войцеховский с небольшой группой беженцев и разрозненные венгерские части. В ночь со 2 на 3 мая 1945 года подразделения 1-й РНА пересекли границу княжества Лихтенштейн. После переговоров, в ходе которых русскому формированию было гарантировано политическое убежище, оружие было сдано, после чего утоплено в Боденском озере. Великому Князю Владимиру Кирилловичу и его свите было отказано в убежище, и они были отправлены обратно в Австрию. Со Смысловским в Лихтенштейн прибыло 494 человека. Князь «государства-малютки» Лихтенштейна Франц-Иосиф II, в отличие от Рузвельта и Черчилля, не пошел на поводу у Сталина и не допустил их насильственной репатриации. Факт отказа выдать Смысловского и его людей советским представителям объясняется не только благородством Франца-Иосифа. Смысловский изначально представлял Абвер – военную разведку Германии. Западные союзники были, по всей видимости, не заинтересованы в его выдаче. Возможно, что его агентурную сеть в СССР, предполагалось использовать и после победы над Гитлером. В пользу этой версии свидетельствует факт активного сотрудничества Смысловского с ЦРУ в послевоенные годы.

Наиболее драматично складывалось отступление Казачьего Стана из северной Италии. 28 апреля 1945 года в Штаб Доманова прибыли три итальянских офицера, командированные Центральным партизанским Штабом области Карнико-Фриулия. Они предъявили ультиматум, согласно которому казаки должны были оставить пределы Италии, сдав предварительно все оружие итальянским партизанам. Возможно, стимулом для этого ультиматума послужил захват партизанами Муссолини в районе озера Комо 27 апреля.

Для обсуждения ультиматума был созван Казачий военный совет под председательством П. Н. Краснова. Было принято постановление:

«1) Отвергнуть ультиматум, как предложение, не соответствующее Казачьей Чести и Славе.

2) Отказать итальянцам в сдаче оружия, даже на условиях гарантированного пропуска в Австрию.

3) Прорвать с боем, если таковой будет необходим, кольцо партизанского окружения, согласуя это решение с действиями германского военного командования в Италии и, перейдя Карнийские Альпы, выйти в Австрийский Восточный Тироль» [460].

Получив такой ответ, итальянские партизаны 29 апреля начали массированные атаки на казаков, при явной поддержке всего местного населения. 30 апреля казаки приняли решение об эвакуации Стана из Италии. В тот же день начальник штаба главного германского командования Юго-западного фронта генерал-лейтенант Ретингер подписал приказ о прекращении «состояния огня» на Итальянском фронте для германских армий. 2 мая должна была начаться повсеместная капитуляция германских войск в Италии.

В ночь с 30 апреля на 1 мая все горные высоты около села Каваццо-Карнико, где находился центр Кубанского Отдела казачьих беженских станиц, были заняты партизанскими пулеметными командами. 2 мая Доманов передал партизанам решение Военного Совета, составленного из старших казачьих начальников, о том, что в ночь со 2 на 3 мая Казачий стан начинает полный отход из северной Италии в Австрию.

Отступление, носившее характер массового исхода, осуществлялось в очень трудных условиях: непрерывный дождь, сменяющийся сильным снегопадом, гололедица, высокие альпийские перевалы, узкие дороги, изрытые снарядами и перекрытые обвалами. Во время следования казаки получили сведения от местных германских комендатур, что 2 мая Германия капитулировала. Возникла идея о переходе в нейтральную Швейцарию, но эта страна категорически отказалась принять Казачий Стан. 7 мая казаки прибыли в Австрию. Вслед за ними из Италии двигались английские войска, Доманов выслал им на встречу парламентеров. Командир английской 36-й моторизованной пехотной бригады Джефри Мессон принял сдачу Казачьего Стана в плен, но не дал определенного ответа относительно дальнейшей

судьбы личного состава. На вопрос о возможной выдаче казаков СССР ответил отрицательно. В качестве военнопленных казаки находились в распоряжении командира английской 78-й моторизованной дивизии.

Англичане предоставили в распоряжение казаков северную часть Лиенца – главного города в восточной части Австрийского Тироля. Город расположен при впадении реки Изель в Драву. Мост через Изель служил разграничительной линией между английской и казачьей зонами. По одну сторону стоял английский часовой, по другую – казачий жандарм, оба были вооружены. Генерал Доманов и начальник его Штаба генерал М. К. Саломахин с супругами по указанию англичан были размещены в отеле «Gold Fisch» в двухстах метрах от моста. Штаб Походного Атамана Казачьих Войск претерпел изменения: были упразднены отделы Оперативный, Наградной и контрразведки; остались Строевой, Хозяйственно-административный и комендатура Штаба.

В радиусе 19 километров от Лиенца располагались Казачье юнкерское училище, Войсковая казачья учебная команда, атаманский казачий конвойный конный полк, казачьи строевые части, ведомства, управления, мастерские, лазареты и прочие учреждения. Численность Казачьего Стана на 23 мая 1945 года составила 40 325 человек, включая женщин и детей.

В первый же день пребывания казаков на положении военнопленных, английское командование потребовало сдачи оружия. Личное оружие было оставлено офицерам и одна винтовка на десять казаков для несения караульной службы. В Казачьем Стане англичанами был установлен комендантский час с 20.00 до 6.00, во время которого всем казакам, независимо от званий и должностей, было запрещено всякое передвижение. Отношения между казаками и англичанами носили подчеркнуто корректный характер.

В период пребывания казаков Доманова в плену у англичан состоялась последняя и абсурдная в сложившихся условиях попытка включить Казачий Стан в состав ВС КОНР. 15 мая в район Лиенца прибыли войска Казачьего Резерва под командованием Шкуро. Сославшись на приказ обергруппенфюрера СС Бергера, он изъявил намерение принять у Доманова Казачий Стан в свое распоряжение в полном составе. Шкуро был арестован англичанами и препровожден в лагерь Шпиталь.

Английская комендатура обнародовала объявление, что каждый казак, если он пожелает легализовать свое гражданское положение, может получить соответствующие документы, в которых указывалось, что их предъявитель не принадлежит к составу Казачьего Стана или другой казачьей организации и вообще не является военнослужащим. Этот документ переводил всех желающих в категорию политических эмигрантов 1921 года. Предложением англичан воспользовался генерал И. А. Поляков, других случаев зафиксировано не было [461].

На завершающем этапе войны и после ее окончания представители Власовского движения и эмигранты активно стремились к установлению контактов с западными союзниками. В марте 1945 года «Отдел сношений с правительственными учреждениями» в системе КОНР был переименован в «Отдел внешних сношений». Важнейшим пунктом его организационной программы было назначение официальных представителей КОНР в нейтральных странах. Они должны были заниматься разъяснительной работой о целях Освободительного движения народов России на всех уровнях власти зарубежных стран. Это начинание встретило серьезное сопротивление со стороны нацистского руководства. В феврале 1945 года Ю. С. Жеребков передал представителю Международного Красного Креста меморандум КОНР с просьбой обратить внимание союзных держав на политический характер представляемого им движения. Он ходатайствовал о предоставлении политического убежища военнослужащим РОА, находящимся в плену у англичан и американцев. В меморандуме указывалось, что в случае выдачи в СССР их ожидает смерть. В самом конце войны Жеребков пытался лично прибыть в нейтральную Швейцарию, но ему было отказано в визе. Нелегальный переход границы был пресечен пограничниками и Жеребков был интернирован американцами [462].

Работа в этом направлении не ограничивалась деятельностью Жеребкова. Перед своим отъездом в Прагу 16 апреля, генерал Власов вел переговоры в Карловых Варах с руководителями НТС, было принято решение направить некоторых из них через линию фронта. Оставшиеся в Париже члены Союза Р. П. Рончевский и А. П. Столыпин тоже должны были установить контакты с представителями демократических стран Запада. Их конкретной задачей являлось оправдать работу НТС на занятых немцами

советских территориях и добиваться предоставления политического убежища военнослужащим РОА. Эти попытки, как и усилия Жеребкова, не дали существенных результатов.

По распоряжению Власова, в покидаемых немецкими войсками городах, оставались лица, снабженные письменными полномочиями КОНР. Эти лица, как правило, один старый эмигрант и один выходец из СССР, должны были добиваться приема в штабах англо-американского командования и вести переговоры о капитуляции частей ВС КОНР с единственным условием – невыдачи их советской стороне. Парламентерами к американцам были посланы две группы: генерал-майор В. Ф. Малышкин и капитан В. К. Штрик-Штрикфельдт – балтийский немец, курировавший Дабендорф; член НТС из Франции В. Быкодоров и капитан Н. Ф. Лапин. К англичанам – В. Д. Поремский и подполковник М. К. Мелешкевич. Они выражали готовность предстать перед международным судом и объяснить, почему представляемое ими движение оказалось в союзе с немцами.

Никто из парламентеров не знал, что их участь была давно предрешена правительствами стран антигитлеровской коалиции [*]. По Ялтинскому соглашению между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем от 11 февраля 1945 года, США и Великобритания обязались репатриировать тех лиц, которые 1 сентября 1939 года являлись советскими гражданами и вместе с тем: а) либо были взяты в плен в германской форме; б) либо 22 июня 1941 года были военнослужащими Красной Армии; в) либо доказанным образом добровольно работали с врагом. Генерал де Голль присоединился к Ялтинскому соглашению 29 июня 1945 года.

Практически эта договоренность превратилась в насильственную репатриацию всех без разбора, включая и старых эмигрантов, которые никогда не были советскими гражданами. Выдачи этих людей производились в несколько этапов. В тех случаях, когда лица подлежащие репатриации проявляли нежелание вернуться в СССР, применялись обманные способы и физическое насилие, часто сопровождавшееся большой жестокостью. 12 мая американское командование выдало Сталину 1-ю дивизию ВС КОНР, Штаб

[*] Наиболее информативное исследования на тему репатриации советских граждан и эмигрантов западными союзниками в СССР в конце войны и после нее проведено П.Поляном в монографии "Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация" (М., 1996).

ВС КОНР и руководство движения, включая Власова. В общей сложности около 10 тысяч человек.

9 мая 1945 года Офицерская школа во главе с генерал-майором Меандровым, узнав об участии 1-й дивизии в пражском восстании, а затем, о занятии Праги советскими войсками, сдалась американцам в Чешском Крумлове. Меандров, который был не только начальником Офицерской школы, но и подпольным руководителем находившейся в ней группы курсантов-членов НТС, решил, что теперь настал момент перехода к политическим действиям. Он направил двух членов Союза на поиски руководства организации. Предлагаемая им идея заключалась в том, что военнослужащим ВС КОНР бежать из американского плена не следует. Меандров исключал возможность насильственной выдачи и рассчитывал, что в будущем неизбежном конфликте союзников с большевиками, ВС КОНР сможет сыграть решающую роль. Ответ НТС, изложенный курьеру представителем Союза Байдалаковым, сводился к следующему: немедленно передать Меандрову, что союзники его планов осуществлять не будут, пусть, пока возможно, разбегаются, переодеваются, скрываются [463]. Однако Меандров и многие его подчиненные уходить отказались и были выданы советской стороне в 1946 году.

Поскольку по официальным каналам КОНР и НТС не удалось добиться договоренности с союзниками о невыдаче людей, то предстояло спасать их своими силами. На защиту 2-й дивизии ВС КОНР генерал-майора Г. А. Зверева («Южной группы РОА»), находившейся в Платтлинге, поднялась значительная часть старой мюнхенской эмиграции. С. Б. Фрелих, бывший офицер для особых поручений при Трухине, проделал большую работу в сотрудничестве с молодыми кадрами НТС. Они готовили побег, переправив в концентрационный лагерь, где содержалась дивизия, ножницы и лопаты. Подкоп был готов, но раскрыт накануне побега. Первая выдача личного состава дивизии из Платтлинга произошла 20 января, вторая – 13 мая 1946 года. Ее жертвой стали 3 400 человек.

В районе Лиенца в Австрии 1 июня 1945 года англичане выдали большевикам Казачий Стан Т. И. Доманова. 28 мая, якобы «на конференцию, были вывезены и переданы органам СМЕРШ все офицеры», а 1 июня был предпринят штурм лагеря, более половины состава которого составляли гражданские лица – семьи военнослужащих. 1 430 офицеров Доманова (68%

личного состава) являлись старыми эмигрантами. Выдавая их, англичане «перевыполнили» ялтинские обязательства.

Похожая участь постигла 3-й казачий запасной полк полковника Лобасевича из состава Казачьего Стана. Полк отстал от основной группы при переходе из Италии в Австрию. Был окружен итальянскими партизанами и, после нескольких дней осады, вынужден сдаться в плен. 9 мая личный состав полка был передан англичанам и содержался в лагере для «перемещенных лиц» на территории Италии. Лобасевич был выдан англичанами советским представителям в индивидуальном порядке. Его подчиненные на советском пароходе доставлены в Новороссийск, далее в Ашхабад, в распоряжение СМЕРШ Закаспийского Военного Округа. После шести месяцев следствия они были осуждены к 25 годам принудительных работ в «исправительно-трудовых лагерях» [464].

Подобная практика имела место и в отношении других русских воинских формирований Вермахта и КОНР. Только небольшой части военнослужащих Русского Корпуса удалось доказать, что они не подлежат выдаче.

Репатриации производились из всех районов Германии и Австрии, занятых союзными войсками. Из Франции, Италии (лагеря Баньоли и Римини), Северной Африки, Дании, Норвегии и других стран и регионов. В американской зоне наиболее крупные репатриационные операции произошли в лагерях Дахау, Платтлинг, Даггендорф, Мангайм, Кемптен (август 1945 года) и Бад Айблинг (август 1946 года).

Англичане и американцы знали, что ждет этапируемых ими людей. В Мурманске, Одессе, Любеке расстрелы репатриантов производились на глазах у сопровождавших конвои англичан, что отражено в их рапортах [465]. При встречах с репатриационными комиссиями многие участники Власовского движения и политически активные эмигранты-антикоммунисты заявляли, что сознательно боролись против советского режима, и предпочитают выдаче смерть. Таких «смутьянов» англичане старались репатриировать в первую очередь, прилагая стенограммы их заявлений. Самоубийства среди репатриантов были обычным явлением. В 1947 году, при выдачах из Италии, каждый состав включал в себя вагон-морг, поскольку советские представители соглашались принять мертвых и зачислить каждого из них за выданного пленного [466].

Многие английские и американские военные, в том числе и высшие чины, например фельдмаршалы Александер и Монтгомери, генерал Эйзенхауэр, пытались прекратить репатриации. Но они не смогли противостоять давлению своих правительств [467]. Можно назвать три основные причины, побудившие правительства Запада пойти на поводу у Сталина. Во-первых – необходимость обеспечить безопасность собственным военнопленным, находившихся в немецких лагерях на территории Восточной Европы в зоне дислокации советских войск. Поддавшись шантажу, союзники обменяли свыше 5 миллионов человек, которых требовал Сталин, на 150 — 200 тысяч граждан своих стран [468]. Во-вторых – осуществлять насильственные выдачи заставлял страх перед трудностями, которые бы вызвала необходимость устройства и расселения на Западе столь большого числа новых эмигрантов. В-третьих, солдаты и офицеры РОА и Восточных легионов были вынуждены принимать участие в боевых действиях против англо-американских войск. Этот факт в сочетании с фразами базовых документов КОНР о необходимости борьбы с «плутократами», вполне мог способствовать тому, что власовцы и «легионеры» воспринимались как действительные идейные враги [*].

1 августа 1946 года советская печать сообщила о казни в Москве главных руководителей КОНР И ВС КОНР: А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. И. Трухина, Д. Е. Закутного, И. А. Благовещенского, М. А. Меандрова, В. И. Мальцева, С. К. Буняченко, Г. А. Зверева, В. Д. Корбукова и Н. С. Шатова. 17 января 1947 года появилось сообщение о казни казачьих атаманов: П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро, Т. И. Доманова, С. Н. Краснова, Г. фон Паннвица, а также, князя Султана Келеч-Гирея (Султан-Гирей Клыча), командовавшего Кавказской дивизией.

Лишь немногим участникам Власовского движения удалось остаться на Западе. Повезло группе ВВС генерал-майора В. И. Мальцева, из 5 тысяч

---

[*] По сообщению советского уполномоченного по делам репатриации генерал-полковника Ф.И.Голикова, только к 7 сентября 1945 года западными союзниками было выдано 2 229 552 человека (Хоффманн Й. История Власовской армии. - С. 240). Эта цифра не окончательна, поскольку выдачи продолжались. Согласно другим данным, опубликованным в том же 1945 году, и, следовательно, тоже не полным, "освобождено и репатриировано было 5 236 130 советских граждан" (сюда включены не только выданные Западом, но и захваченные в советской зоне оккупации). "Бывший офицер НКВД, имевший доступ к досье этой организации", сообщил, что в 1943-1947 годах было репатриировано около 5,5 миллионов граждан СССР (Толстой Н. Жертвы Ялты. - С. 453). Профессор Й.Хоффманн сообщает, что 30% военнослужащих РОА и "восточных батальонов" были расстреляны, остальные, выданные позже, получили по 25 лет лагерей. Восточные рабочие получали меньшие сроки, чаще всего 10 лет, или посылались на тяжелые работы (С. 241). Их "преступление" состояло в том, что они заглянули на "другую сторону луны".

человек было выдано не более 10%, включая, правда, и самого командующего [469].

Главное, почему советская сторона настаивала на выдачах – не допустить укрепления эмиграции свежими силами и не выпускать в западный мир миллионы свидетелей своих преступлений. Лишь небольшой части бывших советских граждан удалось стать Второй волной российской эмиграции, которая составила от 450 тысяч до 620 тысяч человек [470].

Белоэмигрантские политические организации и воинские формирования на Дальнем Востоке были разгромлены в августе 1945 года в ходе военной кампании, проведенной СССР против японской Квантунской армии. Лидеры белой эмиграции на Дальнем Востоке Г. М. Семенов, К. В. Родзаевский, А. П. Бакшеев, Л. Ф. Власьевский, Б. Н. Шепунов, И. А. Михайлов были захвачены и, после проведения над ними судебного процесса, казнены. Многие руководители среднего звена и рядовые участники эмигрантских военных и политических организаций были репрессированы.

Главная проблема, помешавшая развитию второй гражданской войны, состояла в катастрофическом запаздывании оформления Власовского движения в единую военно-политическую структуру. Нацистская администрация делала все, чтобы воспрепятствовать консолидации российских антибольшевистских сил.

Обнародование открытого письма Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?», его первая агитационная поездка по оккупированным территориям и открытие школы пропагандистов РОА в Дабендорфе относятся к марту 1943 года. Сталинградская битва закончилась 2 февраля. К тому времени, когда на советско-германском фронте происходили события, вошедшие в историю как «коренной перелом» (апрель-декабрь 1943 года), Власов находился под домашним арестом по распоряжению Кейтеля. 8 июня Гитлер принял решение не сводить разрозненные русские воинские части в единую армию и перебросить их на Западный фронт. Новый этап активной деятельности Власова начался лишь 16 сентября 1944 года после встречи с Гиммлером. К этому времени Красной Армией уже одержана победа в битве на Курской дуге (июль-август 1943), в битве за Кавказ (октябрь 1943), за Днепр (август-декабрь 1943), за Правобережную Украину (апрель 1944), прорвана блокада Ленинграда

(август 1944). Организационное оформление Власовского движения в единую структуру началось только 14 ноября 1944 года созданием КОНР, то есть уже после восстановления довоенной границы СССР и переноса боевых действий в Восточную Европу. Завершение формирования 1-й дивизии Вооруженных Сил КОНР относится к февралю 1945 года.

Вскоре после освобождения Западной Европы от нацистов среди российских эмигрантов, проживающих в этом регионе, обозначилось три политических течения [*]. Первое объединило людей полностью перешедших на оборонческие позиции и отныне настроенных только на безоговорочную поддержку советской власти всегда и во всем. Зародившись еще в довоенные годы, это течение существенно расширилось. Издававшаяся во французском подполье в 1943-1944 годах газета «Русский патриот» в марте 1945 была переименована в «Советского патриота», а Союз Русских Патриотов в Союз Советских Патриотов. К этому течению незадолго до своей кончины в 1943 году примкнул и П. Н. Милюков, который находясь в США, по-прежнему оказывал влияние на либеральные круги российской диаспоры в Европе. Бывший лидер конституционных демократов писал, что диктатура «искупается» достижениями власти, «когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней» [471]. Похожие взгляды высказывал бывший министр торговли и промышленности Временного правительства, входивший в партию прогрессистов, А. И. Коновалов. В день победы над Германией на ограде православного собора на улице Дарю был вывешен красный флаг [**].

Второе течение составилось из лиц, склонных занимать выжидательную позицию и ставить свое отношение к власти в зависимость от ее дальнейших действий. Их мировоззрение можно суммировать следующим образом: 1) непреклонная вражда к советской власти была целиком оправдана тогда, когда эта власть, действуя в интересах мировой революции, жертвовала интересами России; 2) Россия, как показала война, национально здорова и

[*] Полемика между ними отражена на страницах периодических изданий, выходивших как в Европе, так и за ее пределами. Например, в "Новом журнале" (Нью-Йорк), игравшем роль печатного "Гайд-парка" и публиковавшего статьи разных направлений, в 1945 году появилась особая рубрика "Эмиграция и советская власть". В ней помещали свои работы такие видные публицисты, как А.Ф.Керенский, С.П.Мельгунов и др.

[**] Настоятель собора митрополит Евлогий (Георгиевский) был известен своим выступлением на открытии Зарубежного съезда в апреле 1926 года, в котором он с церковных позиций обосновывал необходимость воссоздания в России православной монархии.

сохранила свои внутренние силы; 3) власть, которая оказалась способной организовать духовные и материальные силы страны и российкого народа для победы, не может рассматриваться иначе, как «национальная власть России»; 4) ослабление государственного авторитета опасно не только во время войны, но и в период, когда будут вырабатываться условия мира; 5) перед российской эмиграцией неизбежно встает вопрос о возвращении на родину; 6) отношение власти к населению и, наоборот, населения к власти, станет ясным только после войны, когда минует внешняя опасность; 7) во время войны власть сделала ряд уступок народу, – между властью и народом установлено перемирие; 8) если власть будет продолжать политику постепенного раскрепощения народа, то перемирие станет миром, если же нет, то внутренняя борьба возобновится.

На таких принципах стояла образовавшаяся в 1944 году группировка «Groupe d'action emigres russes», идейно руководимая В. А. Маклаковым. 12 февраля 1945 представители этой группы посетили советского посла в Париже А. Е. Богомолова и провели с ним двухчасовую беседу по политическим проблемам, закончившуюся рукопожатиями. Состав группы был разнообразным, но, в тоже время, довольно представительным. Руководитель – В. А. Маклаков, в прошлом активный деятель правого крыла партии кадетов, депутат Государственной Думы II, III и IV созывов. Маклаков был известен на Западе – с июля 1917 он был послом России в Париже, и выполнял некоторые функции русского представительства, пока в 1924 не установились советско-французские дипломатические отношения. В состав делегации входил А. Ф. Ступницкий, который до Второй мировой войны был активным сотрудником газеты «Последние новости», издававшейся П. Н. Милюковым в Париже. Теперь Ступницкий издавал газету «Русские новости». Он считал себя преемником Милюкова в издательском деле. В. Е. Татаринов сотрудничал в издававшейся до войны газете П. Б. Струве «Возрождение». Ветераны Белого движения считали это издание идейно близким. «Возрождение» выступало в качестве постоянного оппонента по отношению к милюковским «Последним новостям», пока обе газеты не были закрыты в связи с оккупацией Франции. В состав группы входили два адмирала. Один из них – М. А. Кедров, в дни Февральской революции остался верен Престолу. В годы Гражданской войны он был уполномоченным Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака в

Париже, стал фактическим организатором эвакуации войск П. Н. Врангеля из Крыма в 1920 году. В эмиграции Кедров занимал пост второго заместителя председателя РОВС Е. К. Миллера. Другой адмирал, присутствовавший в составе делегации – Д. Н. Вердеревский, принял Февральскую революцию, входил в состав «Совета пяти» («Директории»), созданного А. Ф. Керенским осенью 1917 года. В состав делегации также входили бывшие активисты политических партий левого толка, сохранившие авторитет в соответствующих кругах эмиграции: народные социалисты А. С. Альперин, Д. М. Одинец и А. А. Титов; социалисты-революционеры Е. Ф. Роговский и М. М. Тер-Погосьян; писатель Г. В. Адамович.

Визит на улицу Гренель содействовал расколу российской эмиграции, в том числе и в самом, руководимом Маклаковым объединении. Газета «Русские новости», которая должна была стать главным рупором движения, стала приближаться по духу к «Советскому патриоту» и уже не отражала полностью взглядов руководства организации.

Третье течение российской эмиграции в конце войны объединяло людей, оставшихся на абсолютно непримиримых позициях по отношению к государственному строю СССР. Их мировоззрение строилось главным образом на отрицании тех принципов, которые предлагали новоявленные советские патриоты и «умеренные». С. П. Мельгунов, автор широко известных зарубежной России книг «Золотой немецкий ключ большевиков», «Как большевики захватили власть» и «Красный террор в России», в 1945 году писал: «Только люди с чрезмерно короткой памятью и заглохшей политической совестью могут предать забвению совершенные коммунистической диктатурой преступления перед народом, и звать нас к «искреннему примирению» с ней. Эти лица, в начале войны не верившие в возможность поражения немцев, теперь впали в другую крайность, поспешив оправдать существующий в России политический строй. Большевики давно, начиная с «передышки» Брестского мира, готовились к «священной войне» с международным империализмом; стоит ли удивляться тому, что режим экономически и организационно оказался достаточно подготовленным к войне?» [472].

Идеологи «непримиримых» в российской эмиграции говорили о том, что в обстановке военного времени у населения России не было иного выхода, кроме как идти с властью, фактически управляющей страной. Но это, по их

убеждению, не означало примирения с властью и не давало оснований называть сталинское правительство властью национальной. Идея новых сменовеховцев о национальном перерождении советской власти «непримиримыми» оценивалась как неверная. Интересы коммунистической партии, по их убеждению, на время войны совпали с национальными интересами страны. То, что делала власть в деле организации техники войны, объективно может быть отнесено к категории «заслуг» перед страной, но субъективно «здесь никакой заслуги нет».

Непримиримые писали о том, что Сталин готовился напасть на Европу, но только после того, как Германия и западные союзники взаимно истощат друг друга, для чего и был подписан советско-германский пакт о ненападении. Гитлер, разгадав планы Сталина, нанес превентивный удар, и в новых условиях сталинская мировая агрессия стала выглядеть как оборона.

Применительно к действиям Красной Армии в Восточной Европе, говорилось о том что «российский шовинизм» может быть не менее опасен, чем германский, если его удастся использовать в качестве трамплина для мировой революции в специфической форме «сталинского фашизма».

Суммарные выводы из всего этого могут выглядеть следующим образом: 1) свержение Гитлера ни к чему не приведет, если после исчезновения нацистского режима останется неприкосновенным режим Сталина; 2) если бы Германия вышла из войны победительницей, это не могло бы служить доказательством целесообразности и пригодности немецкого фашизма; 3) российской эмиграции еще рано складывать знамена, история требует продолжения борьбы за всеобщее раскрепощение России.

Сразу после войны какая-либо политическая деятельность в Европе для эмигрантов была крайне затруднена. Американская, английская и французская администрации в зонах оккупации Германии монополизировали всю печать, и без лицензии никто не имел права издавать какие-либо печатные органы. Только две политические организации после окончания войны продолжали свое существование в подполье и нелегально издавали бюллетени. Это украинская организация бандеровцев, организовавшая вокруг себя Антибольшевистский блок народов (АБН) и НТС.

Первые три года после войны организация солидаристов, спасала «перемещенных лиц» и старых эмигрантов от репатриации, налаживала жизнь в беженских лагерях. В организованном К. В. Болдыревым лагере

Менхегоф под Касселем в Западной Германии обосновался центр НТС. Члены Союза устраивали школы и занимались культурно-просветительской деятельностью, постепенно, шаг за шагом, развивали издательскую деятельность. В результате было создано издательство «Посев» и одноименная еженедельная газета в 1968 году ставшая ежемесячным журналом. Первым редактором «Посева» был Б. В. Серафимов (Прянишников) — бывший член КОНР, подписавший «Пражский манифест» псевдонимом «Лисовский», позднее – автор книг по истории российской эмиграции и НТС – «Незримая паутина» и «Новопоколенцы».

С 1946 по 1949 год в Регенсбурге солидаристы издавали газету «Эхо», с 1947 по 1948 в Мюнхене – газету «Новости», с 1946 начал выходить журнал «Грани», которому суждено было сыграть заметную роль в культурной жизни российской эмиграции. Журнал стал первым изданием, публикующим литературные и общественно-политические произведения авторов из СССР, полученные по каналам «самиздата» [*]. Среди первых книг были букварь Вахерова и труд одного из главных идеологов солидаризма С. А. Левицкого «Основы органического мировоззрения».

В Менхегофе 5-9 июля 1946 года собрался Совет НТС. Он увеличил свой состав с 5-ти оставшихся после войны членов до 12-ти. Половина из них была недавними узниками нацистских концлагерей. Был принят новый Устав и Программа. Несмотря на бурную общественную деятельность и приток в НТС молодежи в беженских лагерях послевоенной Германии, ряды Союза поредели. Многие «старые» эмигранты от организации отошли – будущее, к которому они себя готовили в 1930-е годы, не сбылось. Многие же «новые» попали в НТС случайно. Внутренние конфликты в Гамбурге (1947-48), в Париже (1948-49) и Нью-Йорке (1953-54) привели к выходу из организации целых групп. В. Д. Поремский говорил, что число бывших членов Союза намного превосходит число настоящих[473]. И все же, НТС был, пожалуй, единственной довоенной организацией в российском зарубежье, которой, несмотря на все сложности, удалось спаять в своих рядах обе, психологически очень разные, волны эмиграции.

Во второй половине 1940-х центром российской эмиграции в Европе стала Германия, а именно лагеря «перемещенных лиц» – «ди-пи». В них

[*] История издательской деятельности НТС подробно описана в книге "Свободное слово "Посева" 1945-1995. Сборник статей и библиографический указатель". - М.: "Посев", 1995. - 207 С.

зародились первые ветеранские организации власовцев, которые по-разному трактовали Манифест КОНР. В конечном итоге выкристаллизовалось пять основных организаций. Антибольшевистский Центр Освободительного Движения Народов России (АЦОДНР) сделал попытку объединить всех власовцев, монархистов и НТС. Попытка оказалась неудачной, организация очень быстро раскололась на составные части. Комитет Объединенных Власовцев (КОВ) был создан под руководством генерала Туркула, который стремился представить РОД в качестве продолжения Белого движения, «Пражский манифест» им трактовался как непредрешенческий. Союз Андреевского Флага (САФ) под руководством генерала П. В. Глазенапа стоял правее, чем КОВ. Союз Воинов Освободительного Движения (СВОД) и Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР) придерживались либерально-демократических позиций. Каждое из объединений считало именно своих членов наиболее адекватными последователями генерала Власова. Дискуссии на эту тему, развернувшиеся на страницах эмигрантской печати, называли «борьбой за власовское наследство». Все вместе ветеранские организации вели полемику с НТС, пытавшимся удерживать монополию на «власовское наследство».

В условиях «холодной войны» ветераны Власовского движения строили планы на будущее. IV пленум АЦОДНР, состоявшийся в августе 1948 года постановил в случае начавшейся войны «пойти на союз с западными демократическими государствами при условии признания ими самостоятельности Движения, независимости Родины и при ясном декларировании политических целей в войне против коммунизма» [474]. Подавляющим большинством голосов пленум отклонил предложение небольшой группы его участников «создать» в движении своего «вождя». Руководство должно было оставаться коллегиальным и строиться на демократических принципах. Иными словами, план «возобновления» Власовского движения без Власова широкой поддержки не получил.

Продолжал существовать, хотя и утратил былое значение, Русский Обще-Воинский Союз; был образован руководимый генералом Б. А. Смысловским Суворовский Союз, а также Союз бывших чинов Русского Охранного Корпуса.

Советские спецслужбы не оставляли российскую эмиграцию своим вниманием. Ушедший на Запад офицер Советской армии, имя которого

сегодня установить не удалось, написал письмо-предостережение в редакцию эмигрантского журнала «Набат». В нем он изложил по памяти содержание секретной инструкции Отдела Главного Управления МГБ по разложению эмиграции. Это далеко не единственное свидетельство такого рода, но в данном случае мы имеем дело с очень красноречивым источником. Сотрудникам «компетентных органов» предписывалось: «Поддерживать и всемерно усиливать материальные и религиозные разногласия между беженцами разного подданства в прошлом… Необходимо добиться обострения враждебности… «старых» и «новых» и наоборот… Для того, чтобы беженцы стали инструментом нашей внешней политики, следует больше разжигать антагонизм между отдельными политическими группами беженцев, добиваясь обострения между ними в их прессе, жизни и деятельности. Мы должны подменять их борьбу против нас – борьбой между ними самими, стараясь вовлечь в нее массы. Не взирая на все трудности и риск, необходимо также парализовать культурную деятельность эмигрантов. Для этого следует привлекать к художественному творчеству бездарных, лишенных всякого таланта, людей, чтобы они только попусту тратили бумагу, заваливая редакции эмигрантской прессы безвредной для нас работой… Необходимо создавать скандалы с целью убеждения иностранцев в том, что культурная ценность современной эмиграции равна нулю… Нам нужно поощрять преступность в лагерях УНРРА… Наши агенты должны подталкивать кладовщиков, бухгалтеров, комендантов и других ответственных лагерных работников на скользкий путь растраты американских продуктов… Прельщать этих людей деньгами, одеждой и спиртными напитками… Стараться замазывать рты опасным личностям и расчищать дорогу к власти и влиянию дуракам, чтобы их потом использовать в наших интересах. Необходимо добиться состояния общего недовольства и безнадежности, создать среди эмигрантов настроение полного отчаяния…» [475]

Однако, эмигрантская молодежь не теряла присутствия духа. В первом номере за 1948 год «Бюллетень АЦОДНР» (орган Центральной коллегии) поместил передовицу «Единый патриотический фронт». В ней говорилось: «Продолжая дело Освободительного Движения, АЦОДНР твердо и неуклонно стоит на позициях надпартийности». Организация обращалась с призывом «ко всем честным патриотам многонациональной России»

сплотиться и забыть все то, что разделяет эмиграцию: «Антибольшевистский Центр считал и считает, что у подлинных патриотов гораздо больше общего, чем различного, что говорит за абсолютную *возможность создания единого патриотического фронта* в борьбе с большевизмом» [476].

К тому же, при определенном развитии событий, можно было достичь взаимопонимания с серьезными политическими силами зарубежных стран. Лидер Республиканской партии Р. Тафт еще 25 июня 1941 года предупреждал, что с идеологической точки зрения победа коммунистов в войне будет для Соединенных Штатов гораздо опаснее, чем победа фашистов. Он считал, что США допустили ошибку стратегического характера, связав себя с Советским Союзом узами Антигитлеровской коалиции [477].

В директиве «СНБ-20/1» Совета Национальной Безопасности США, созданного в 1947 году и возглавляемого президентом, говорилось: «В настоящее время среди русских эмигрантов есть ряд интересных и сильных группировок… Любая из них была бы более предпочтительной, с нашей точки зрения, чем Советское правительство, для управления Россией… На каждой части освобождаемой от Советов территории нам придется иметь дело с людьми, работавшими в советском аппарате власти. При организованном отходе советских войск местный аппарат Коммунистической партии перейдет, вероятно, на нелегальное положение, как он делал это в областях, которые в прошлую войну были заняты немцами. По-видимому, он будет действовать в виде партизанских банд и повстанческих отрядов. В этом случае относительно просто ответить на вопрос: «Что делать?» – нам нужно только предоставить некоммунистическим (какого рода они бы ни были) русским органам, контролирующим область, необходимое оружие и позволить им поступать с коммунистическими бандами в соответствии с традиционным способом русской гражданской войны.

Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники советского аппарата, которых обнаружат и арестуют или которые сдадутся на милость наших войск или любой русской власти… Мы можем быть уверены, что такая власть сможет лучше, чем мы сами, судить об опасности, которую могут представлять бывшие коммунисты для безопасности нового режима, и распоряжаться ими так, чтобы они в будущем не наносили вреда…» [478].

Что касается старой эмиграции, то ни моральных, ни физических сил для продолжения активной политической деятельности у нее уже не было. 5 августа 1945 года Алексей Александрович фон Лампе писал Ивану Александровичу Ильину: «В ноябре 1943 года, в тот момент, когда я был в служебной поездке в Праге, куда я в первый раз за все мои поездки уговорил

поехать и жену – в Берлин на 170-м налете, который мы переживали, в дом, где я жил, попало 38 зажигательных бомб (букет) и в огне погибла моя квартира и все что в ней было. А было, как Вы знаете, не много дорогих вещей, но много «ценностей». Мало того, в тот же день и час сгорела квартира и подвал дома Бискупского, где находилось мое собрание фотографий о России (22 000 изображений)… и ящик с 70-ю самыми лучшими книгами моей библиотеки… А наше знамя, спасенное из Праги моим помощником, по пути сгорело в вагоне… Офицер, оставшийся в вагоне – погиб… Казалось, что рушилось все, – наше Белое Дело… было захвачено красными руками, будущего не было… мы были близки в эту минуту использовать то, что мне дал по моей просьбе, понимая меня, в Берлине доктор Аксенов…

Я сначала решил оставить все, но потом… решил, что мой *последний долг* еще как-то отдать мои оставшиеся силы тем, кто в них нуждается – бесподданным, которым грозит участь быть выданными на мучительную смерть… Масштаб мой невелик, я не претендую на большее и хочу сделать то, что я могу *успеть* сделать, потому что… я не сомневаюсь, что на этом пути при современном положении сил и навыках большевиков, я *неизбежно* буду присоединен к Александру Павловичу и Евгению Карловичу [*]…

И это заставляет меня думать, что знамя моего Объединения сгорело навсегда… что на том, что я еще смогу сделать – надо кончать и смотреть на это трезво. Мне на днях исполнилось шестьдесят лет. Ну и довольно! За мою жизнь видено и пережито совершенно достаточно, чтобы ею не дорожить…

Какая судьба… – ведь я *последний* преемник Петра Николаевича [**]… А гробница Петра Николаевича в Белграде, уцелела от налетов (я был у нее в 1942 г.) и теперь в руках большевиков…

Вероятно погибли в Берлине братья Глобачев и Аксенов… Умерли в Берлине Вревский, Арцишевский… в пути на юге от последствий налета умер Скоропадский. В Мюнхене в июне я совершенно случайно попал на похороны Бискупского, который умер от второго удара. О *многих* ничего не известно – кто жив, а кто покончил расчеты с жизнью – не знаем.

…Мечтаем свидеться с Вами. Но увы, дорогой друг – в возможность этого как-то не верится. *Зачем* мне ехать за границу? *На что и зачем* я буду

---

[*] Александр Павлович Кутепов и Евгений Карлович Миллер были похищены большевиками в 1930-е годы.
[**] Петра Николаевича Врангеля.

жить там!» [479]

## Источники и литература

### Периодика.


- Борьба. Бюллетень Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР). — Б. м., 1948.
- Бюллетень Антибольшевистского Центра Освободительного Движения Народов России (АЦОДНР). Орган Центральной коллегии АЦОДНР. — Мюнхен, 1948.
- Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии. — Белград, 1943.
- Вестник Общеказачьего Объединения в Протекторате Чехия и Моравия. — Прага, 1940.
- Военный журналист. Орган Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ). — Белград, 1939-1941.
- Возрождение. Орган русской национальной мысли. — Париж, 1927-1940.
- Возрождение. Газета для рабочих промышленных предприятий. — Б. м., 1942-1943.
- Всегда за Россию. Орган РНСУВ. — Любляна, 1941.
- Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 2001-2002.
- За свободу. Орган Русской Народной Армии. — Смоленск, 1943.
- Казачий вестник. Информация Казачьего Национально-Освободительного Движения. — Прага, 1941.
- Казачьи ведомости. Журнал управления по казачьим делам Министерства Восточных Областей. — Берлин, 1943-1945.
- Колокол. Крестьянская газета. (Позже: Газета для крестьян освобожденных областей). — Смоленск, 1942-1943.
- Младоросская искра. Внутрипартийное издание на правах рукописи. — Париж, 1940.
- Морской журнал. Орган Управления Делами Русской Эмиграции (УДРЭ). — Прага, 1941-1942.
- На казачьем посту. — Берлин, 1943-1945.
- Новая жизнь. — Рославль, 1943.
- Новая заря. — Сан-Франциско, 1941-1944.

- Новая Россия. — Париж, 1939-1940.
- Новое время. — Вязьма, 1942.
- Новосель. — Нью-Йорк, 1942.
- Новости за неделю. — Смоленск, 1943.
- Новые вехи. Орган свободной русской мысли. Сборники статей по вопросам философии, социологии, экономики и политики. — Прага, Б. г.
- Новый путь. Орган УДРЭ в Сербии. — Б. м., 1943.
- Новый путь. — Клинцы, 1943.
- Оборонческое движение. — Париж, 1936.
- Огни. Орган русской воли. — Белград, 1941.
- Последние новости. — Париж, 1939-1940.
- Потешный. Журнал Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР). — Б. м., 1942-1943.
- Проблемы. — Париж, 1934-1936.
- Речь. Газета для населения освобожденных местностей. — Орел, 1942-1943.
- Родина. Двухнедельный общественно-национальный журнал. — София, 1940.
- Русский голос. — Нью-Йорк, 1941, 1944.
- Русское дело. — Сан-Франциско, 1940.
- Русское дело. — Сербия, 1943.
- Русское обозрение. — Чикаго, 1941-1944.
- Смоленский вестник. Орган смоленского городского управления. — Смоленск, 1941.
- Часовой. Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. — Б. м., 1929-1941, 1950-1961.


**Сборники документов.**


26. Андриянов В. Память со знаком OST. Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах, письмах и документах. — М.: Воскресенье, 1993. — 106 С.
27. Великая Отечественная: (Сб. документов) / Институт Военной Истории Министерства Обороны РФ, Российский Государственный Военный Архив; Общ. ред. В. А. Золотарев. — М.: Терра, 1996-1997. — (Русский архив).
28. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. / Отв. ред. А. И. Барсуков. — М.: Терра, 1997. — 445 С.
29. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 г. — М.: Терра, 1996. — 445 С.
30. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. — М.: Терра, 1996. — 621 С.
31. Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Сост.: Н. И. Бородин, Н. В. Усенко. — М.: Терра, 1996. — 671 С.

32. Кузнецов Б. В угоду Сталину. Годы 1945-1946. — Лондон (Канада), Онтарио: СБОНР, 1968. — 93 С.
33. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи, дневники, воспоминания. — М.: Терра, 1996. — (Тайны истории. Век XX). — 566 С.
34. Поздняков В. Андрей Андреевич Власов. — Сиракузы (США): Изд. автора, 1973. — 265 С.
35. Поздняков В. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде-Люкенвальде-Дабендорфа-Риги. — Сиракузы (США): Изд. автора, 1972. — 256 С.
36. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 776 С.
37. Ранние идейные поиски российских солидаристов. Курс национально-политической подготовки. — М.: Посев, 1992. — 174 С.
38. Российская эмиграция в Маньчжурии: Военно-политическая деятельность, (1920-1945): Сборник документов / Сост. Е. Чернолуцкая. — Южно-Сахалинск, 1994. — 151 С.
39. Русская эмиграция в Европе (20-е — 30-е годы XX века) — М., ИВИ РАН, 1996. — 268 С.
40. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941-1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д. П. Вертепова. — Нью-Йорк: Наши вести, 1963. — 416 С.
41. Русский Корпус на Балканах (1941-1945). Сборник воспоминаний и документов / Под ред. Н. Н. Протопопова, И. Б. Иванова. — СПб.: Изд. СПб ун-та, 1999. — 460 С.
42. Сборник решений Совета НТС. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. — 319 С.
43. Сборник российских политических программ 1917-1955. — Л.: Посев, 1990. — 99 С.
44. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. ст. и коммент. П. Кнышевского, О. Васильевой, В. Высоцкого, С. Соломатина. — М.: Русская книга, 1992. — (Россия в лицах. Документах. Дневниках). — 348 С.
45. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. Публ. В. Наумова // Новая и новейшая история. — 1996. — № 2, — С. 91-112.
46. Шатов М. Материалы и документы ОДНР в годы Второй Мировой Войны. — Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1961. — 208 С.

**Справочники и библиографические указатели.**

47. Волков С. В. Первые добровольцы на Юге России. – М.: Посев, 2001. – 368 с.
48. Вторая мировая война в работах зарубежных авторов: Библиогр. кат.: Кн. Из фондов Отдела лит. рус. зарубежья / РГБ. Н. — и. отдел национальной и научно-вспомогательной библиографии. — М. Вып. 1: Великая Отечественная война / Сост.: И. В. Балдина и др. — 1996. — 81 С.

49. Вторая мировая война: Указатель книг и статей на рус. языке, опубл. в 1987-1994 гг. / РГБ, Н. — и. отдел национальной и научно-вспомогательной библиографии; (Сост. Т. Я. Бриксман и др.). — М.: РГБ, 1995. — 90 С.
50. Вторая мировая война: Указатель литературы. 1990-1994 гг. (Сост. В. Н. Бабенко, М. Ю. Русанова) / РАН ИНИОН. — М., 1995. — 137 С.
51. Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. — Париж: Passe Militaire, 1968. — 133 С.
52. Клавинг В. В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917-1923 гг.): Энциклопедический справочник. – СПб: Нестор, 1998. – 180 с.
53. Русские во Франции. Справочник / Ред. В. Ф. Зеелера. — Париж.: Изд. С. М. Сарач, 1937. — 86 С.
54. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения. — М.: «Regnum» — «Российский архив», 1997. — 295 С.
55. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. (1917-1996 гг.) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 464 с.
56. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник / Авт. Семиряга М. И., Васильева Н. В., Шинкарев И. И. и др. Под ред. Семиряги М. И. — М.: Воениздат, 1972. — 302 С. (Институт военной истории).
57. Фонды Русского Заграничного Исторического Архива в Праге. Межархивный путеводитель. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 671 с.
58. Шатов М. Библиография ОДНР в годы Второй Мировой Войны. — Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1962. — 224 С.

**Письма и дневники.**

59. Баранов В. Дневник остарбайтера // Знамя. — 1995. — № 5, — С. 135-155.
60. Васильчикова М. Берлинский дневник 1940-1945 / Пред., посл., коммент. и прим. Г. И. Васильчикова. — М.: Наше наследие, 1994. — 320 С.
61. Деникин А. И. Письма 1939-1946 гг. // Грани. — 1988. — № 149, — С. 130-175.
62. Меандров М. А. Письмо (январь 1946 года) // Посев. — 1986. — № 8, — С. 59-60.
63. Осипова Л. Дневник коллаборантки // Грани. — 1954. — № 21, — С. 92-131.
64. Поздняков В. Генералы РОА в американском плену // Новый журнал. — 1972. — № 108, — С. 218-236.

**Интервью.**

65. Киселев А. (протоиерей). Интервью автору 7 декабря 1996, Москва.
66. Пирожкова В. Интервью автору 20 февраля 1995, Москва.

67. Редлих Р. Интервью автору 25 марта 1997, Москва.

**Мемуары.**

68. Авторханов А. Мемуары. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. — 761 С.
69. Алдан А. Армия обреченных: Воспоминания заместителя начальника штаба РОА. — Нью-Йорк, 1969. — (Труды Архива РОА, Т. 3). — 128 С.
70. Артемьев В. Первая дивизия РОА. — Лондон (Канада): СБОНР, 1974. — 182 С.
71. Артемов А. У истоков Пражского манифеста // Посев. — 1996. — № 6, — С. 56-59.
72. Байдалаков В. М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена… Воспоминания председателя НТС 1930-1960 гг. – М., 2002. – 124 с.
73. Белогривс И. Рассказ гренадера // Родник. — 1990. — № 3, — С. 60-67.
74. Богатырчук Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. — Сан-Франциско: СБОНР, 1978. — 323 С.
75. Бутенко В. Возвращенка // Новый журнал. — 1949. — № 21, — С. 219-235.
76. Ващенко Н. См. Палий П.
77. Вельмин А. Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. — 1946. — № 14, — С. 290-306.
78. Вилькицкий Б. Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала / Публикация, предисловие и примечания Юрия Дойкова. – Архангельск, 2001. – 44 с.
79. Войцеховский С. Эпизоды. — Лондон (Канада): СБОНР, 1978. — 131 С.
80. Ганусовский Б. Десять лет за железным занавесом (1945-1955). Записки жертвы Ялты. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. — 197 С.
81. Гелен Р. Влиять на ход истории // Слово. — 1990. — № 5, — С. 67-78.
82. Дубов А. Изменники или патриоты? — Брукфилд: Изд. автора, Б. г. — 76 С.
83. Дудин Л. Великий мираж (третий выход). — Лондон (Канада): СБОНР, 1970. — 70 С.
84. Еременко А. На западном направлении. — М.: Воениздат, 1959. — 482 С.
85. Жадан П. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. — Нью-Йорк: Посев, 1989. — 240 С.
86. Жедилягин Ю. НТС в Вязьме в 1941-1942 годах // Посев. — 1984. — № 7, — С. 41-47.
87. Жеребков Ю. Попытки КОНРа установить контакт с западными союзниками // Зарубежье. — 1979, — № 1-2-3, С. — 15-21.
88. Иванов А. На произвол оккупации // Новый журнал. — 1989. — № 174, — С. 264- 275.
89. Ильинский П. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. Жизнь Полоцкого округа 1941-1944 гг. // Грани. — 1956. — № 31, — С. 94-128.
90. Казанцев А. Третья сила. История одной попытки. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. — 372 С.
91. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам. Воспоминания военного советника. — М.: Наука, 1969. — 394 С.
92. Каров Д. См. Поздняков В.

93. Кашников А. В России 1941-1944 гг. // Грани. — 1991. — № 162, — С. 153-176.
94. Келин Н. А. Казачья исповедь. – М.: Воениздат, 1996. – 480 с. – («Редкая книга»).
95. Киселев А. Облик генерала А. А. Власова. (Записки военного священника). — М., Б. г. — 223 С.
96. Китаев М. Как это началось. Из воспоминаний сотрудника газеты «Заря». — Нью-Йорк: Изд-во Архива РОА, 1970. — (Архив Русской Освободительной Армии. — Вып. 2) — 26 С.
97. Кодов Д. Знаю, что подвиги не забыты // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, С. — 18.
98. Константинов Д. Записки военного священника. — СПб.: Новый часовой, 1994. — 81 С.
99. Красовский О. «Мы их найдем на дне морском…» // Вече. — 1993. — № 49, — С. 193-270.
100. Кромиади К. «За землю, за волю…» На путях русской освободительной борьбы 1941-47 гг. — Сан-Франциско: СБОНР — Глобус, 1980. — 297 С.
101. Кромиади К. Советские военнопленные в Германии в 1941 году // Новый журнал. — 1953. — № 32, — С. 192-202.
102. Лугин Н. См. Черон Ф.
103. Любимов Л. На чужбине (Воспоминания). — М.: Советский писатель, 1963. — 414 С.
104. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. — М.: АПН, 1966. — 301 С.
105. Моисеев М. Былое (1894-1980). — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1980. — 174 С.
106. Мондич М. (Синевирский Н.) СМЕРШ. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. — 216 С.
107. Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. / Предисл. Маршала Советского Союза А. М. Василевского. — М.: Политиздат, 1971. — 464 С.
108. Неймирок А. (Немиров А.) Дороги и встречи. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. — 132 С.
109. Немиров А. См. Неймирок А.
110. Нерсесиан В. Переговоры с руководством немецкой армии в 1938 // Посев. — 1995. — № 5. — С. 107-110.
111. Николаев А. Так это было. Воспоминания. — Ливри-Гарган: Изд. автора, 1982. — 281 С.
112. Новосильцев И. А. А. Власов // Новый журнал. — 1977. — № 129, — С. 183 -190.
113. Орлов В. Из записок гвардейского политработника // Новый журнал. — 1949. — № 22, — С. 246-261; 1950. — № 23, — С. 259- 273.
114. Павлов Б. Воспоминания Ди-Пи // Новый журнал. — 1983. — № 151, — С. 147-164.
115. Палий П. В немецком плену, Ващенко Н. Из жизни военнопленного. — Париж: YMCA-press, 1987. — 276 С. (Всероссийская мемуарная библиотека; Т. 7).

116. Поздняков В., Каров Д. «Республика» Зуева // Новый журнал. — 1952. — № 29, — С. 189- 204.
117. Польская Е. Это мы, Господи, пред Тобою… – Невинномысск, 1998. – 504 с.
118. Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления / Под ред. И. В. Паротькина. — М.: Наука, 1972. — 394 С.
119. Прянишников Б. Незримая паутина. — Сильвер Спринг: Изд. автора, 1978. — 405 С.
120. Прянишников Б. Новопоколенцы. — Сильвер Спринг: Изд. автора, 1986. — 296 С.
121. Рар Г. НТС после войны // Посев. — 1996. — № 6, — С. 59- 63.
122. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. – М.: Голос, 1999. – 318 с.
123. Рубакин А. Над рекою времени. Воспоминания. — М.: Международные отношения, 1966. — 527 С.
124. Самутин Л. В норе // Родина. — 1991. — № 7-8, — С. 96-100.
125. Серебряков С. В плену у немцев // Новый журнал. — 1984. — № 155, — С. 147-167.
126. Синевирский Н. См.: Мондич М.
127. Соколов Ю. С итальянской армией на Украине // Новый журнал. — 1981. — № 142, — С. 110-132.
128. Среченский Ю. Как мы покорялись. — Канада: Заря, 1974. — 76 С.
129. Стеенберг С. Власов. — Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. — 252 С.
130. Стрижков Ю. К. Герои Перемышля. (О воинах 99-й стрелковой дивизии и пограничниках 92-го погранотряда Перемышля). — М.: Наука, 1969. — 157 С.
131. Съезды Совета НТС // Посев. — 1969. — № 11, — С. 15-21.
132. Тельнов Я. А. А. Власов на Северо-Западе оккупированной России // Новый журнал. — 1984. — № 157, — С. 268-271.
133. Трегубов Ю. А. Восемь лет во власти Лубянки. Пережитое. Записки члена НТС. – Москва: Посев, 2001. – 266 С.
134. Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары). Публ. Е. В. Старостина // Отечественные архивы. — 1995. — № 3, — С. 71-86.
135. Трушнович Я. Аресты руководства НТС в Берлине // Посев. — 1992. — № 5, — С. 117-123.
136. Трушнович Я. В Россию через советскую границу // Посев. — 1990. — № 6, — С. 127-134.
137. Трушнович Я. На путях в Россию // Посев. — 1991. — № 6, — С. 114-122.
138. Трушнович Я. Начало военного этапа // Посев. — 1991. — № 3, — С. 117-125.
139. Трушнович Я. Невдалеке от фронта // Посев. — 1992. — № 1, — С. 116-124.
140. Трушнович Я. Первый год войны // Посев. — 1991. — № 2, — С. 135-143.
141. Трушнович Я. Предвоенная обстановка // Посев. — 1991. — № 1, — С. 146-151.
142. Туманова М. «Моей Родине я не изменяла» // Посев. — 1993. — № 4, — С. 109-117.
143. Фрелих С. Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. — Кельн: Markus Verlag, 1990. — 400 С.

144. Цуриков Н. Кровавое воскресенье в Кемптене. Ужас насильственной репатриации // Грани. — 1956. — № 27-28, — С. 164-176.
145. Черон Ф. Немецкий плен и советское освобождение, Лугин Н. Полглотка свободы. — Париж: YMCA-press, 1987. — 294 С. (Всероссийская мемуарная библиотека.; Т. 6).
146. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. — М.: Советская Россия, 1972. — 253 С.
147. Чумаков Ф. Немецкий плен глазами врача. Публ. М. Николаева // Отечественные архивы. — 1995. — № 2, — С. 67-88.
148. Ширинкина А. От Белграда до Орла // Посев. — 1990. — № 6, — С. 137-151.
149. Шостаковский П. Путь к правде (Воспоминания). — Минск: Госиздат, 1960. — 356 С.
150. Штифанов Н. Дабендорф // Новое русское слово. — 8 февраля 1974, — С. 3.
151. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — М.: Посев, 1993. — 448 С.

**Литература на русском языке**
**(монографии и статьи)**

152. Александров К. Власовцы на Одере // Посев. — 2001. — №№ 4, 5.
153. Александров К. Трагедия донского казака Ивана Кононова // Посев. — 2000. — №№ 5, 6.
154. Алехин Г. О казачьей декларации // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, — С. 17.
155. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — Лондон: OPI, 1990. — 253 С.
156. Андреева Е. Жертвы Ялты // Новый журнал. — 1980. — № 139, — С. 274-279.
157. Антропов О. Калмыки в Астраханском Казачьем Войске // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, — С. 6-12.
158. Аронсон Г. Отражения войны // Новый журнал. — 1942. — № 1, — С. 214-222.
159. Аронсон Г. «Парижский Вестник» // Новый журнал. — 1948. — № 18, — С. 330-341.
160. Аронсон Г. По поводу статей Б. И. Николаевского о Власовском движении // Новый журнал. — 1949. — № 21, — С. 272- 281.
161. Аронсон Г. Советский антисемитизм после войны // Новый журнал. — 1953. — № 32, — С. 260-270.
162. Аронсон Г. Что надо знать о Власовском движении // Борьба. — 1948. — № 9, — С. 17-20.
163. Артемов А. «За Россию» // Посев. — 1990. — № 4, — С. 138.
164. Артемов А. НТС и Освободительное движение времен войны // Посев. — 1994. — № 5, — С. 95-115.
165. Артемов А. Освобождение Праги // Посев. — 1975. — № 5, — С. 29-35.

166. Артемов А. Против двух диктатур // Посев. — 1976. — № 8, — С. 59-62.
167. Артемов А. Трагедия Власовского движения // Посев. — 1971. — № 11, — С. 60-61.
168. Артемов А. 25 лет Пражского манифеста генерала Власова // Посев. — 1969. — № 11, — С. 48-51.
169. Ауски С. Казаки. Особое сословие. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб: «Издательский Дом «Нева»», 2002. – 447 с. – (Архив).
170. Ауски С. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. — Сан-Франциско: Глобус, 1983. — 402 С.
171. Б. С. О чем забыл господин Аронсон // Борьба. — 1948. — № 9, — С. 21-27.
172. Балинов Ш. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество»: Доклад, прочитанный 29 марта 1936 в Париже, на публичном собрании, устроенном Обществом ревнителей казачества. — Париж.: Изд. редакции журнала «Ковыльные Волны», 1936. — 27 С.
173. Барихновский Г. Ф. Крах российской белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). — Л.: ЛГУ, 1978. — 160 С.
174. Бахвалов А. Генерал Власов. Предатель или герой? — СПб: СПб ВШ МВД России. 1994, — 128 С.
175. Башилов Б. Правда о бригаде Каминского // Наша страна. — 13 декабря 1952. — № 152.
176. Бетелл Н. Последняя тайна. — М.: Новости, 1992. — 253 С.
177. Бобров М. Как это было? // Российский демократ (Париж). — 1948. — № 1 (15), — С. 15-23.
178. Богдан В. Суворовец // Наша страна. — 12 марта 1989. — № 2014, — С. 3.
179. Болдин Г. 45 дней в тылу врага // Военно-исторический журнал. — 1961. — № 4, — С. 65-87.
180. Болдырев К. Сорок лет организации. Доклад на съезде Северо-Американского отдела НТС 30 мая 1970 года // Посев. — 1970. — № 7, — С. 12-16.
181. Бондаренко М. Путь из казаков в зеки // Новое время. — 1996. — № 3, — С. 42-44.
182. Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Исторические очерки. – М.: Русский мир, 1998. – 320 с. (Всемирная история в революциях и войнах).
183. Бортневский В. Г. Белое дело. (Люди и события). – СПб: Независимая гуманитарная академия. Историко-географический центр «Гея», 1993. – 57 с.
184. Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 1999. – 492 с. – (Библиотека журнала «Новый Часовой»).
185. Брунст Д. Записки бывшего эмигранта // Голос Родины. — Ноябрь 1961. — № 90 (587), — С. 3-5.
186. Вакар Н. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. — 1945. — № 10, — С. 343-348.

187. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. – 387 с.
188. Вишняк М. Гитлер не Германия — Сталин не Россия // Новая Россия. — 1 октября 1939. — № 71, — С. 12-14.
189. Вишняк М. О «советской цивилизации» // Новый журнал. — 1944. — № 8, — С. 252-275.
190. Вишняк М. Правда антибольшевизма // Новый журнал. — 1943. — № 2, — С. 206-224.
191. Вишняк М. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. — 1945. — № 10, — С. 348-353.
192. Власов А. Последний миф // Посев. — 2000. — № 5, — С. 5-9.
193. Вовк А. Из истории борьбы за украинскую государственность: ОУН и УПА в 1940-1950-х годах // История. — Март 1998. — № 10, — С. 8-9.
194. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. – М.: Фокус, 1999. – 381 с.
195. Волкова О. И не друг, и не враг — а как? // Мегаполис-экспресс. — 25 октября 1990. — № 26.
196. Врангель А. Генерал Врангель: Доверие воспоминаний. – Минск: Арти-Фекс, 1999. – 282 с.
197. Г. А., С. Д. Генерал-майор Л. В. Васильев (к 50-летию со дня смерти) // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, — С. 5.
198. Гаврилов Б. Мясной бор — памятное историческое место // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры / Под ред. Э. А. Шулеповой. — М., 1992. — С. 261-277.
199. Гареев М. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 4, С. 42-52.
200. Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. — М.: Политиздат, 1991. — 432 С.
201. Голицин В. Генерал Власов, каким он был // Грани. — 1990. — № 155, — С. 304-318.
202. Градобоев Н. Берлин 1942 года // Новый журнал. — 1971. — № 102, — С. 176-190.
203. Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. – Нью-Йорк: Possev-USA, 1985. – 123 с.
204. Даур. Два примера истории кавказского и татарского отрядов на восточном фронте // Свободный Кавказ (Мюнхен). — Январь 1953. — № 1 (16), — С. 23-26.
205. Двинов Б. Пораженчество и власовцы // Новый журнал. — 1954. — № 39, — С. 253-268.
206. Денике Ю. Гитлеровская война // Новый журнал. — 1942. — № 3, — С. 165-177.
207. Денике Ю. К истории Власовского движения // Новый журнал. — 1953. — № 35, — С. 263-279.
208. Денике Ю. Новые источники и их критика // Новый журнал. — 1950. — № 24, — С. 259-272.

209. Деникин А. Мировые события и русский вопрос. — Париж: Изд. Союза добровольцев, 1939. — 87 С.
210. Денисенко М. Сколько их было? // Родина. — 1991. — № 7-8, — С. 139-140.
211. Дорончeнков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – С. — Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – 214 С.
212. Драгунов Г. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии //Вопросы истории. — 1995. — № 2, С. 123-132.
213. Дробязко С. И. Восточные войска в Вермахте, 1941-1945 гг. // Наши вести. — 1994. — № 436-437, — С. 13-15.
214. Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части Вермахта. – М.: АСТ, 1999. – 46 С.
215. Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия. – М.: АСТ, 1999. – С. 45.
216. Дробязко С. И. Казаки в Вермахте 1941-1945 гг. // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, — С. 13-16.
217. Дробязко С. И. Местное самоуправление на оккупированных территориях РСФСР (1941-1945) // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. Материалы межвуз. науч. конф. 1-3.06.95. — М., 1995. — С. 102-104.
218. Дробязко С. И. Политика коллаборационизма и казачий вопрос в годы Второй мировой войны // Наши вести. — 1996. — № 445, — С. 13-15.
219. Дробязко С. И. Советские граждане в рядах Вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. — М.: РГГУ, 1997. — С. 127-134.
220. Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. — Париж: YMCA-press, 1994. — 433 С. (Исследования новейшей русской истории; Т. 11).
221. Дынник А. Целеустремленная дезинформация // Посев. — 1990. — № 1, — С. 139-144.
222. Единый патриотический фронт // Бюллетень АЦОДНР. — 1948. — № 1.
223. Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — 352 С.
224. Ершов В. Ф. Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности // Кентавр. — 1995. — № 4, — С. 56-70.
225. Ершов В. Ф. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учебное пособие для студентов / Под ред. Е. И. Пивовара. — М., 1994. Гл. 2. — С. 53-77.
226. Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. — М.: МГУ сервиса, 2000. — 294 С.
227. Ершов В. Ф. Русская армия генерала П. Н. Врангеля в Галлиполи в 1920-1921 гг. // Октябрь 1920: Последние бои Русской армии генерала П. Н. Врангеля за Крым. — М., 1995. — С. 105-108.

228. Ершов В. Ф. Русский общевоинский союз и российская эмиграция в 1920-1930-е гг. (К 70-летию образования РОВС) // Новый журнал. — 1996. — № 197, — С. 327-336.
229. Ершов В. Ф. Советские спецслужбы в борьбе против белой эмиграции // Садовое кольцо. — Январь 1995. — № 1 (35), — С. 10-11.
230. Ершов В. Ф. см.: Свириденко Ю. П.
231. Загорский Н. Немецкое управление в оккупированных областях России // Белая Русь (Мюнхен). — № 5, — С. 45-50, 58-67, 87.
232. Зайончковская Ж. Остарбайтеры в Германии и дома // In Memoriam. Ист. сб. памяти Ф. Ф. Перченко. — Спб, 1995. — С. 396-413.
233. Земсков В. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. — 1991. — № 7-8, — С. 111.
234. Из истории «Посева» // Посев. — апрель-май-июнь 1985. — С. 95-114.
235. Ипполитов Г. М. Деникин. — М.: Молодая гвардия, 2000. — 531 С. — (Жизнь замечательных людей. Вып. 790).
236. Каган В. Постскриптум к приказу // Континент. — 1977. — № 14, — С. 301-305.
237. Камышин В. Борьба за власовское наследство // Борьба. — 1948. — № 10, — С. 3-5.
238. Камышин В. О позиции пораженчества // Борьба. — 1948. — № 9, — С. 7-10.
239. Кардин В. Страницы другой войны // Московские новости. — 1994. — № 25, — С. 3.
240. Карпович М. Комментарии по поводу статьи Б. Л. Двинова // Новый журнал. — 1954. — № 39, — С. 269-278.
241. Карпович М. Наши задачи // Новый журнал. — 1949. — № 21, — С. 259-271.
242. Катусев А., Оппоков В. Иуды (Власовцы на службе фашизма) // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6, С. 68-81.
243. Кирилик В. В те дни // Посев. — 1991. — № 4, — С. 107-108.
244. Кирсанов С. Понимание и сочувствие // Посев. — 1969. — № 12, — С. 55-57.
245. Китаев М. Русское Освободительное Движение. — Лондон (Канада), Онтарио: СБОНР, 1970. — (Материалы к истории Освободительного Движения Народов России (1941-1945)). — 79 С.
246. Климов М. Памяти генерала Хольмстон-Смысловского // Наша страна. — 12 марта 1989. — № 2014, — С. 3-4.
247. Ключарев Ю. Что делать? (О вопросах нашей тактики) // Борьба. — 1948. — № 10, — С. 22-24.
248. Кожевников Н. Шестьдесят лет сопротивления // Посев. — 1978. — № 3, — С. 35-43.
249. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / Ленинградский обл. ин-т усовершенствования учителей. — СПб, 1996. — 140 С.
250. Колесников А. РОА — Власовская армия. Судебное дело генерала А. А. Власова. — Харьков: Простор, 1990. — 80 С.
251. Колин А. Власовские руководители перед судом // Посев. — 1986. — № 8, — С. 55-59.

252. Комин В. В. Белая эмиграция и вторая мировая война. — Калинин: Калининградский гос. ун-т, 1979. — 61 С.
253. Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. — Калинин: Калин. гос. ун-т, 1977. — 49 С.
254. Конасов В., Терещук А. К истории советских и немецких военнопленных (1941-1943 гг.) // Новая и новейшая история. — 1996. — № 5, — С. 54-72.
255. Кондратьев В. Оплачено кровью // Родина. — 1991. — № 6-7, — С. 6-8.
256. Коновалов А. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. — 1948. — № 11, — С. 350-356.
257. Константинов Д. Гнусная книжка // Голос зарубежья. — Декабрь 1992. — № 67, — С. 32-34.
258. Константинов Д. Миссия российской эмиграции // Культурное наследие российской эмиграции. Кн. 1. — М., 1994. — С. 221-226.
259. Коняев Н. М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. – М.: Вече, 2001. – 461 с. – (Военные тайны XX века).
260. Кочаровский К. Зарубежье и отечество. В чем мы согласны — что нам делать? — Белград, 1937. — 28 С.
261. Красовский О. Думы на первом марше // Посев. — 1991. — № 4, — С. 104-107.
262. Красовский О. Страшная правда // Вече. — 1990. — № 39, — С. 228-241.
263. Кривошеин И. В затемненном Париже // Голос Родины. — Март 1966. — № 22 (975), — С. 3-5. Кринко Е. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны // Труды аспирантов и соискателей. — Майкоп, 1996, Вып. 4. — С. 32-47.
264. Кринко Е. Кубанская казачья эмиграция: процесс социализации (1920-1940-е гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. — Краснодар, 1996. — С. 21-34.
265. Кринко Е. Ментальность военного времени: настроения населения в 1941-1945 гг. // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научных конференций. — М. — 29-31 октября 1996. — С. 6-11.
266. Кромиади К. Пражский Манифест // Информационный листок СБОНР. — 1973. — № 147, — С. 3-4.
267. Кромиади К. Русская Народная Национальная Армия (РННА). К истории Русского Освободительного Движения // Новый журнал. — 1975. — № 119, — С. 130-147; 1975. — № 120, — С. 195-212.
268. Кромиади К. Формирование РОА на фронте // Новый журнал. — 1975. — № 121, — С. 179-199.
269. Кудренко И. Казачий путь на голгофу // Станица. — 1996. — № 3 (17), — С. 9.
270. Кудряшов Ю. Российское скаутское движение. Исторический очерк. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1997. – 393 с.
271. Лебедев В. Новая стратегия — новая дипломатия // Проблемы, Сб. 2 «Защита страны» — Париж, 1935. — С. 5-56.

272. Лебедев О. Русская эмиграция во время Второй мировой войны и после нее // история. — Май 2000. — № 18, — С. 14-16.
273. Левин И. Генерал Власов по ту и эту сторону фронта // Детектив. История. Политика. — 1995. — № 2, — С. 3-128.
274. Ленивов А. Под казачьими знаменами (1943-1945) // Кубанец. — 1992. — № 1, — С. 19-32; № 2, — С. 34-51.
275. М. Два Рождества // Кубанец. — 1992. — № 3, — С. 8-10.
276. Максимова Э. Скрывшись за своей фамилией // Известия. — 3 апреля 1997. — № 62, С. 5.
277. Манифест Комитета Освобождения Народов России. Публ. К. Александрова // Новый часовой. — 1994. — № 2, — С. 176-184.
278. Марков Ю. Московское Народное Ополчение // Новый журнал. — 1976. — № 123, — С. 165-184.
279. Мартынов А. Власов по ту и эту сторону правды // Посев. — 1996. — № 6, — С. 50-51.
280. Мейер Г. У истоков революции. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. – 256 с.
281. Мельгунов С. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. — 1945. — № 11, — С. 356-365.
282. Минахорьян В. Война и национальный момент // Проблемы, Сб. 3 «Перед грозой» — Париж, 1936. — С. 193-237.
283. Минахорьян В. Ставка закавказских сепаратистов на войну // Проблемы, Сб. 2 «Защита страны» — Париж, 1935. — С. 168-192.
284. Млечин Л. Власов и власовцы // Новое время. — 1990. — № 3, — С. 36-40.
285. Млечин Л. Русские националисты и немецкие национал-социалисты // Новое время. — 1994. — № 9, — С. 44-47; № 10, — С. 50-53.
286. Мурзина Т. Размышления о книге Сергея Фрелиха «Генерал Власов» // Русское возрождение. — 1995. — № 63, — С. 178-191.
287. Мухачев Ю. В. Идейно-политическое банкротство буржуазного реставраторства в СССР. — М.: Мысль, 1982. — 270 С.
288. Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. — М.: Знание, 1980. — 64 С. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История»; № 8).
289. Назаревич Р. Варшавское восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. — 1989. — № 2, — С. 181-210.
290. Назаров М. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь: Кавказский край, 1992. Т. 1. — 414 С.
291. Назаров М. Эмиграция и война // Русский рубеж. — 1991. — № 10, — С. 18-22.
292. Народ и режим в Отечественной войне. К 50-летию начала войны // Посев. — 1991. — № 3, — С. 102-111.

293. На службе России. Народно-Трудовой Союз. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978. — 70 С.
294. Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки / Редкол: Ганелин Р. Ш. (отв. ред.) и др.; Ин-т социол. РАН. Санкт-Петербургский филиал. — СПб, 1992. — 250 С.
295. Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. Сб. / Под ред. Н. Ф. Чистякова, М. Е. Карышева. — М.: Воениздат, 1973. — 352 С.
296. Николаевский Б. Ответ Г. Я. Аронсону // Новый журнал. — 1949. — № 21, — С. 281-292.
297. Николаевский Б. Пораженческое движение 1941-1945 годов и генерал А. А. Власов // Новый журнал. — 1948. — № 18, — С. 209-234; № 19, — С. 211-247.
298. Николаевский Б. Смещение фельдмаршала фон-Браухича // Новый журнал. — 1942. — № 2, — С. 224-250.
299. Новосильцев И. А. А. Власов // Родина. — 1991. — № 3, — С. 36-38.
300. Оболенский С. Национал-социализм и русскость // Русское дело. — 30 января 1940. — № 7, — С. 1.
301. «О всех подозрительных лицах сообщайте немедленно» // Источник. — 1993. — № 2, — С. 89-93.
302. Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. — М.: Военный университет, 2000. — 173 С.
303. Окороков А. В. Молодежные организации русской эмиграции (1920-1945 гг.). — М., 2000. — 111 С. (Серия «Российская Историческая Военно-Политическая Библиотека).
304. Осокин В. Андрей Андреевич Власов. — Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1966. — 36 С.
305. Павлова Т. Реестр через полвека: указатель фондов «Пражского архива» // Мир библиографии. — 1999. — № 6, — С. 63-68.
306. Память их в род и род. Краткая справка о жизни и гибели продолжателя Белого движения генерала Андрея Андреевича Власова. Составлена Конгрессом русских американцев к пятидесятилетию годовщины его мученической смерти в сталинских застенках. Август 1996 года. — Нью-Йорк: Congress of Russian-Americans, 1996. — 12 С.
307. Першин М. Школа политических бойцов // Заря. — 5 ноября 1944. — № 89 (192), — С. 3.
308. Пирожкова В. Потерянное поколение // Голос Зарубежья. — 1994. — № 72-73, — С. 21-28.
309. Плющов Б. Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского Освободительного Движения в годы Второй Мировой Войны (1942-1945). — Сан-Франциско: СБОНР — Глобус, 1982. — 113 С.

310. Поздняков В. Первая Конференция Военнопленных Красной Армии, вступивших в ряды РОД // Новый журнал. — 1972. — № 106, — С. 184-200.
311. Поздняков В. Советская агентура в лагерях военнопленных в Германии (1941-1945 г. г.) // Новый журнал. — 1970. — № 101, — С. 156-171.
312. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. — М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. — 442 С.
313. Полян П. «OST«ы — жертвы двух диктатур // Родина. — 1994. — № 2, — С. 51-58.
314. Попов А. В. Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. – М.: ИАИ РГГУ, 1998. – 392 с.
315. Поремский В. Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции. Избранные статьи 1934-1997. – М.: Посев, 1998. – 286 с.
316. Пушкарев С. Бегство из Праги // Новый журнал. — 1982. — № 147, — С. 91-99.
317. Раманичев Н. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы / Отв. ред. О. Ржешевский. — М.: Наука, 1995. — С. 292-312.
318. Рар Г. «Кто не слышал о власовцах» // Посев. — 1973. — № 5, — С. 39-43.
319. Рар Г. НТС до войны // Посев. — 1990. — № 4, — С. 123-128.
320. Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.). — Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. — 161 С.
321. Редлих Р. Здравый смысл и столкновение двух безумий // Посев. — 1991. — № 1, — С. 115-123.
322. Редлих Р. Из истории недавнего безумия. (Краткий обзор борьбы вокруг восточной политики гитлеровской Германии) // Наши дни. — 1961. — № 5 (25), — С. 19-39.
323. Решин Л. Казаки со свастикой. // Родина. — 1993. — № 2, С. 70-79.
324. Решин Л. «Wlassow-Aktion», или как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941-1945 гг. // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 3, — С. 22-25.
325. Решин Л. Воинствующая некомпетентность // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 2, — С. 51-58.
326. Решин Л. Гросс-предатель // Щит и меч. — 1990. — № 4, — С. 12-13.
327. Решин Л. Как комиссар Кельнер Украину не отдавал Гитлеру // Совершенно секретно. — 1996. — № 3, — С. 3.
328. Решин Л. Надежды маленький оркестрик // Родина. — 1993. — № 4, — С. 99-101.
329. Решин Л. Освободители. Власов и власовцы // Родина. — 1992. — № 8-9, — С. 84-95.
330. Решин Л., Степанов В. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 10-12; 1993. — № 1-3, 5-8, 10-12. Рутыч Н. Между двумя диктатурами // Родина. — 1991. — № 6-7, — С. 32-33.
331. Росс Н. Врангель в Крыму. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. – 362 с.

332. Росс Н. Краткие комментарии к докладу. / Ген. П. С. Махров. Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России // Грани. – № 124. – 1982, с. 190-195.
333. Росс Н. Пути добровольческого движения 1918-1919 гг. – Лос-Анжелос: Изд. Главной Квартиры ОРЮР. Западно-Американский Отдел ОРЮР-НОРС, 1996. – 95 с.
334. Рутыч Н. Первые дни войны — 50 лет назад. Июньский развал // Посев. — 1991. — № 4, — С. 101-104.
335. Рутыч Н. Последние годы генерала А. И. Деникина (материалы к биографии) // Грани. — 1988. — № 149, — С. 176-183.
336. Сабурова И. Друг генерала Власова // Новое русское слово. — 13 ноября 1974. — С. 4.
337. Самарин В. Воспоминания офицера РОА // Посев. — 1970. — № 7, — С. 60-61.
338. Самарин В. За спиной героев. Из опыта минувшей войны // Грани. — 1954. — № 21, — С. 85-91.
339. Самарин В. О Власовском движении // Посев. — 1973. — № 8, — С. 61-62.
340. Самарин В. Очерки о российской эмиграции // Наши дни. — 1962. — № 1 (29), — С. 48-65; 1963. — № 31, — С. 65-83.
341. Самарин В. Третья сила // Посев. — 1975. — № 2, — С. 61-62.
342. Самойлов Е. От белой гвардии — к фашизму // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1987. — С. 111-129.
343. Светланин А. Ставка на противника // Посев. — 1991. — № 4, — С. 108-112.
344. Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920-45 гг. — М.: МГУ сервиса, 2000. — 198 С.
345. Семиряга М. И. Движение Сопротивления: (К 50-летию начала второй мировой войны). — М.: Знание, 1989. — 64 С. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Защита Отечества, 1989, 1).
346. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 863 с.
347. Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. — М.: Наука, 1970. — 351 С. (АН СССР. Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).
348. Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 352 с. – (Историческое расследование).
349. Солженицын А. Та весна. — Гл. 6, Ч. I, — С. 229-271; Обреченные. — Гл. 1, Ч. V, — С. 9-38 // Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. — Париж: YMCA-press, 1987.
350. Соловейчик С. Пангерманизм // Новый журнал. — 1942. — № 3, — С. 208-229.
351. Сопельняк Б. Кровавая услуга Черчилля // Совершенно секретно. — 1995. — № 4.

352. Сопельняк Б. Подарок в 10 тысяч душ // Родина. — 1993. — № 4, — С. 94-98.
353. Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945. — М.: Ex Libris — Слово. 1992, — 441 С.
354. Столыпин А. На службе России. Очерки по истории НТС. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. — 304 С.
355. Столыпин А. О сказанном и недосказанном // Посев. — 1973. — № 7, — С. 54-56.
356. Сухотин И. Миф о «Великой отечественной» // Посев. — Октябрь, ноябрь, декабрь 1985, — С. 82-94.
357. Тараданов Г. Путь к правде // Голос Родины. — Ноябрь 1963. — № 65 (766), — С. 3-5.
358. Титов Ф. Клятвопреступники // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1987. — 193-209.
359. Тишков А. Предатель перед советским судом // Советское государство и право. — 1973. — № 2, — С. 89-98.
360. Толстой Н. Жертвы Ялты. — Париж: YMCA-press, 1988. — 532 С. (Исследования новейшей русской истории; Т. 7).
361. Томанский А. Национал-социализм и казачество // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, С. 19.
362. Торвальд Ю. Очерки к истории Освободительного Движения Народов России. — Лондон (Канада): Изд-во СБОНР, 1965. — 26 С.
363. Труска Л. Война после войны. Еще много лет не смолкали в Литве оружейные выстрелы // Родина. — 1991. — № 7-8, — С. 130-133.
364. Трушнович Я. «Кентавр» о расстрелянном руководителе НТС // Посев. — 1995. — № 5, — С. 103-107.
365. Трушнович Я. К истории Народно-Трудового Союза // Посев. — 1990. — № 1, — С. 51-68.
366. Трушнович Я. Русские в Югославии, 1941-1945 гг. / Коммент. К. Александрова // Новый часовой. — 1994. — № 2, — С. 140-172.
367. Февр Н. Месяц на родине // Возрождение (Париж). — Январь-февраль 1950. — № 7, — С. 7-33.
368. Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. – М.: Терра, 1991. – 184 с.
369. Фесенко Т. Профессор Ф. Богатырчук и его книга // Новый журнал. — 1979. — № 137, — С. 197-201.
370. Филатов В. Сколько было лиц у генерала Власова // Молодая гвардия. — 1995. — № 5, — С. 55-99; № 6, — С. 108-171; № 7, — С. 34-76.
371. Флам Л. Вики. Княгиня Вера Оболенская. — М.: Русский путь, 1996. — 156 С.
372. Хольмстон-Смысловский Б. Война и политика. Партизанское движение. — Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1957. — 314 С.

373. Хоффманн Й. История Власовской армии. — Париж: YMCA-press, 1990. — 381 С. (Исследования новейшей русской истории; Т. 8).
374. Хохульников К. Оборванная песня… // На казачьем посту. — Октябрь 1997 — январь 1998. — № 2-3, — С. 22.
375. Худобородов А. Л. Вдали от родины: Российские казаки в эмиграции / Челябинский гос. пед. ун-т. — Челябинск, 1997. — 112 С.
376. Черепанов М. Преданные Родиной // Посев. — 1995. — № 5, — С. 86-93.
377. Черкасов-Георгиевский В. Генерал Деникин. — Смоленск: Русич, 1999. — 576 С.
378. Чернухин В. На любанском направлении // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 8, — С. 43-45.
379. Черон Ф. Я. — См. Дугас И. А.
380. Шевяков А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920 — 1950-е годы: численность, потери, миграция. Сб. науч. тр. — М., 1994. — С. 195-222.
381. Шкаренков Л. Агония белой эмиграции. — М.: Мысль, 1987. — 238 С.
382. Штифанов Н. «По-дружески» // Борьба. — 1979. — № 74, — С. 3-5.
383. Шульгин В. Письма к русским эмигрантам. — М.: СОЦЭКГИЗ, 1961. — 95 С.
384. Шухов В. Истина победит // Станица. — 1992. — № 1(8), — С. 3.
385. Южин В. О генерале Б. А. Штейфоне // Новый журнал. — 1983. — № 151, — С. 289.
386. Яковлева Т. А. Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П. Б. Струве, П. Н. Милюкова и А. Ф. Керенского. — Иркутск: Изд. Иркут. экономич. академии, 1996 — 216 С.
387. Якушевский А. Предатель или патриот? // Россия и современный мир. — 1997. — № 2 (15), — С. 192-204.

**Диссертации**

388. Дробязко С. И. Восточные формирования в составе Вермахта (1941-1945). Дис. … канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М., 1996.
389. Никитин А. К. Политика нацистского режима в отношении русской православной общины в Германии (1933-1945 гг.) Дис. … канд. ист. наук / РАН. Ин-т всеобщей истории. — М., 1998.

**Авторефераты диссертаций**

390. Ершов В. Ф. Российская военная эмиграция в 1921-1939 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитарный ун-т. — М., 1996.
391. Онегина С. В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции 1925-1945 гг. Варианты российской государственной доктрины. Автореф. дис. … канд. ист. наук / РАН. Ин-т. российской истории. — М., 1997.

392. Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920-1939 гг.) Автореф. дис. … канд. ист. наук / Кубанский гос. ун-т. — Краснодар, 1996.
393. Тетеревлева Т. П. Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы, 1918-1930-е гг. Автореф. дис. … кан. Ист. наук / Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1997.
394. Шабанов Я. В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920-х — 1930-х гг. (По материалам Русского Обще-Воинского Союза). Автореф. дис. … канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
395. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции (1920-1945 гг.). (Социальные, военно-политические и культурные проблемы) Автореф. дис. … канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 1997.

**Литература на русском языке**
**(Коллективные монографии и сборники статей)**

396. Великая Отечественная война в оценке молодых / РГГУ, ИАИ. (Отв. ред. Н. А. Кирсанов). — М., 1997. — 162 С.
397. Великая Отечественная война (историография). Сборник обзоров / Ред. Месяцев Н., Шевырин В. — М.: ИНИОН РАН, 1995. — 198 С.
398. Война и политика, 1939-1941 / РАН. Ин-т всеобщ. истории, Тель-Авивский ун-т, Центр коммингса по исслед. России и стран Вост. Европы; отв. ред. А. О. Чубарьян. — М.: Наука, 1999. — 494 С.
399. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов. // Сост. Карпов В. С., Попов А. В., Троицкий Н. А.; Под общ. ред. А. В. Попова; Предисл. В. В. Захарова; Вступ. статья А. В. Попова. — М.: РГГУ, 1997. — (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. II). — 376 С.
400. Вторая мировая война: Актуальные проблемы. / Отв. ред. О. А. Ржешевский. — М.: Наука, 1995. — 368 С. (РАН. Ин-т всеобщ. истории. Ассоциация историков Второй мировой войны).
401. Другая война. 1939-1945 / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. Сост. и автор предисловия В. Г. Бушуев. — М.: РГГУ, 1996. — 487 С.
402. Европа между миром и войной, 1918-1939 / А. О. Чубарьян, Б. Р. Лопухов, З. С. Белоусова и др.; Редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т всеобщ. истории. — М.: Наука, 1992. — 219 С.
403. Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941-1945 гг.): Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 1 / Под. общ. ред. А. В. Окорокова. — М.: Грааль, 1997. — (Архив РОА). — 416 С.
404. Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 2 / Под общ. ред. А. В. Окорокова. — М. — 1998. — (Архив РОА). — 480 С.

405. Материалы по истории Русского Освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. Под общ. ред. А. В. Окорокова. — М. — Архив РОА. — 1999. — 568 С.
406. Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века). – М.: ИВИ РАН, 1996. – 268 с.
407. Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов / Отв. ред. С. В. Карпенко. — М.: РГГУ, 2000. — 497 С.
408. Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-25 гг. – Последние гардемарины / Владимир фон Берг. – Сфаят / Николай Кнорринг. – Приложения. – М.: Российское отделение Ордена св. Константина Великого при участии журнала «Наше наследие», 1998. – 272 с.

**Литература на иностранных языках.**

409. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. — London: Macmillan & Co LTD; N. Y.: St Martin's Press, 1957. — P. 695.
410. Glad J. Russia Abroad. Writers, History, Politics. – N. Y., Washington: Hermitage & Birchbark Press, 1999. – 736 P.
411. Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. — Freiburg: Verlag Rombach, 1986. — 214 S.
412. Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. — Freiburg: Verlag Rombach, 1986 — 197 S.
413. Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. — Freiburg: Rombach Verlag, 1991. — 534 S.
414. Newland S. — J. Cossacks in the German Army 1941-1945. – London: Frank Cass, 1991. – 218 P.
415. Thorwald J. The Illusion. Soviet Soldiers in Hitler's Armies. — N. Y. & London: A Helen & Kurt Wolff Book Harcourt. Brace Jovanovich, 1975. — P. 342.

---

[1] Цит. по: Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. – С-Пб: “Петрополь”, 1991. – С. 641-642.
[2] Цит.по: Катков Г.М. Февральская революция. – Париж: YMCA-press, 1984. – С. 401.
[3] Цит. по: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: “Кавказский край”, 1992. – С. 22.
[4] Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 гг. – М.: МГУ сервиса, 2000. – С. 9.
[5] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 29.
[6] Поляков Ю.А. Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история. - 1995. - № 3, - С. 32.
[7] Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1987. – С. 37-40; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. - С. 172-199.
[8] Цит. по: Русские без Отечества… – С. 73.
[9] Приказ генерала Врангеля № 35. Сремски Карловцы. 1 сентября 1924 г. // Политическая история русской эмиграции. 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 10-11.
[10] Политическая история русской эмиграции… - С. 7; Шкаренков Л.К. Указ. соч. – С. 124.

[11] Русские во Франции. Справочник / Ред. В.Ф.Зеелер. - Париж: Изд. С.М.Сарач, 1937. - С. 86.
[12] Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). - М.: "Regnum" - "Российский архив", 1997. – С. 41.
[13] Русские без Отечества… - С. 83-84.
[14] Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920-1945 гг.). - М.: Приложение к газете "Станица". - 2000, - С. 3.
[15] Там же. - С. 10.
[16] Там же. - С. 14.
[17] Там же. - С. 26.
[18] Там же. - С. 62.
[19] Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е - 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 2. Под общ. ред. А.В.Окорокова. - М. - Архив РОА. - 1998. - С. 44-52.
[20] Российский зарубежный съезд в Париже. 4-11 апреля 1926 г. // Сборник российских политических программ. 1917-1955. – Б.м.: Посев, 1989. – С. 37.
[21] Там же.
[22] Цит. по: Назаров М.В. Указ. соч. – С. 52.
[23] Российский зарубежный съезд… – С. 38-39.
[24] Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932 / Под ред. Бела Куна. – М.: Партийное издательство, 1933. – С. 47.
[25] Там же. – С. 48.
[26] Там же.
[27] Там же. – С. 28.
[28] Там же.
[29] Шкаренков Л.К. Указ. соч. – С. 60, 122-123.
[30] Цит. по: Рапопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине. Очерки по истории Красной Армии. – Лондон: OPI, 1988. – С. 97.
[31] Там же. – С. 98.
[32] Цит. по: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – С. 66.
[33] Там же. – С. 66-69.
[34] Политическая история русской эмиграции… - С. 69.
[35] Там же.
[36] Орехов В.В. Мысли белогвардейца // Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А.Ф.Киселева. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. - С. 64-65.
[37] Захаров В.В., Колунтаев С.А. Указ. соч. - С. 54.
[38] Зензинов В. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939-1940. - Нью-Йорк, 1944. - С. 5.
[39] Там же. - С. 179.
[40] Российский зарубежный съезд… – С. 38.
[41] Военный журналист. - 1 февраля 1940. - № 9, - С. 2.
[42] Там же, - 15 марта 1941. - № 2, - С. 1-2.
[43] Там же, - 15 февраля 1940. - № 10, - С. 5-6.
[44] Там же, - 15 января 1940. - № 8, - С. 5.
[45] Там же, - 15 апреля 1940. - № 14, - С. 4.
[46] Там же, - С. 3.
[47] Приказ по РОВС генерал-лейтенанта А.П.Архангельского, 6 мая 1939, Брюссель. - Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). - Ф. 5845, Оп. 1, Д. 4, Л. 102.
[48] Письмо генерал-лейтенанта П.Н. Краснова донскому атаману генерал-лейтенанту М.Н. Граббе. 27 ноября 1940 г. – ГАРФ. – Ф. 6461, Оп. 1, Д. 33, Л. 182.
[49] ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 1, Д. 35, Л. 9.
[50] Русские без Отечества… - С. 139-140.
[51] ГАРФ. – Ф. 6461, Оп. 1, Д. 35. - Л. 10.
[52] Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии… – С. 133.
[53] Война Немецкого Народа с Коммунистическим Интернационалом // Морской журнал. - Июль 1941. - № 145 (2), - С. 2.
[54] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 8, Л. 16; Там же, - Д. 24, Л. 155-157.
[55] Морской журнал. - Июль 1941. - № 145 (2), - С. 2.
[56] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 4, Л. 52.
[57] Там же, - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 18, Л. 296.
[58] Там же. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 8, Л. 24.
[59] Военный журналист. - 1 января 1940. - № 7, - С. 2.
[60] Ольденбург С.С. Существо коммунистической власти. Цит. по: Назаров М.В. Указ. соч. – С. 52.

[61] Цит. по: Назаров М.В. Указ. соч. – С. 26.
[62] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 22-24.
[63] Цит. по: Назаров М.В. Указ. соч. – С. 24.
[64] Русские во Франции… - С. 24-26.
[65] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 32-33.
[66] Военный журналист. - 1 ноября 1940. - № 27, - С. 1.
[67] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 268.
[68] Цит. по: Политическая история русской эмиграции… - С. 69.
[69] Прянишников Б. Незримая паутина. – Сильвер Спринг: Изд. автора, 1978. – С. 265-266.
[70] Цит. по: Шкаренков Л.К. Указ. соч. – С. 123.
[71] Ипполитов Г.М. Деникин. – М.: Молодая гвардия, 2000. – С. 435.
[72] Там же. – С. 450.
[73] Деникин А. Мировые события и русский вопрос. - Париж: Изд. Союза добровольцев, 1939. - С. 64.
[74] Деникин А. Указ. соч. - С. 87.
[75] Деникин А. Указ. соч. - С. 65-68, 87.
[76] Колтышев П.В. На страже русской чести. Цит. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941-1945. Воспоминания соратников и документы. Сборник второй / Под общ. ред. Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. – СПб: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – С. 10.
[77] Назаров М. Миссия русской эмиграции.
[78] Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии… - С. 8-9.
[79] Вилькицкий Б. Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала / публикация, предисловие и примечания Юрия Дойкова. – Архангельск, 2001. – 44 с.
[80] Там же. – С. 8-9, 160, 230.
[81] Булгаков С. На пиру богов. PRO и CONTRA. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской ревлюции. – М.: МГУ, 1990. – С. 103.
[82] Цит. по: Политическая история русской эмиграции… – С. 231-232.
[83] Там же. – С. 233.
[84] Цит. по: Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-25 гг. – Приложения. – М.: Российское отделение Ордена св. Константина Великого при участии журнала «Наше наследие», 1998. – с. 225.
[85] Там же.
[86] Там же. – С. 235.
[87] Там же. – С. 60-61.
[88] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986. – С. 748-749.
[89] Там же. – С. 750.
[90] Цит. по: Ор редакции / Ген. С.П. Махров Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России // Грани. – 1982. – № 124, с. 189.
[91] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1, Вып. 1. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. - М.: Наука, 1991. - С. 372.
[92] Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции / Под ред . И.В. Гессена. Т. 5-6. - М.: Терра, 1991. - 1-я паг. С. 206.
[93] Цит. по: Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943-45 гг. // Кубанец. - 1992. - № 3, - С. 60.
[94] Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. Т. 1-2. – М.: Терра, 1991. – 1-я паг. С. 149.
[95] Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское… - С. 193.
[96] Там же. – С. 206.
[97] Там же. – С. 191.
[98] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 232-233; Шкаренков Л.К. Указ. соч. – С. 138-139.
[99] От атамана Общеказачьего Объединения генерал-лейтенанта Е.И.Балабина, 23 июля 1940 // Вестник Общеказачьего Объединения в Протекторате Чехия и Моравия. - Июль 1940. - № 1, - С. 1-2.
[100] Письмо полковнику С.Н.Краснову. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 34, Л. 73.
[101] ГАРФ. – Ф. 6461, Оп. 2, Д. 3, Л. 54.
[102] Там же. - Д. 18, Л. 274.
[103] Там же. - Д. 34, Л. 137.
[104] Там же. - Л. 111-112.
[105] Там же. - Д. 33, Л. 152.
[106] Там же. - Л. 159.
[107] Там же. - Л. 160.
[108] Там же. - Д. 34, Л. 89.
[109] Там же. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 4, Л. 186.
[110] Письмо генерал-майора М.М. Зинкевича членам Галлиполийского Союза в Праге.11августа 1941 г. – ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 4, Л. 52.

[111] Там же. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 34. Л. 113.
[112] Там же.
[113] Письмо генерала П.Н.Краснова генералу Е.И.Балабину от 11 июля 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 212.
[114] Там же.
[115] Там же.
[116] Там же.
[117] К казакам // Балинов Ш. Русское "оборончество" и казачье "пораженчество". - Париж: Ковыльные волны, 1936. - С. 3.
[118] Балинов Ш. Указ. соч. - С. 11.
[119] Там же, - С. 24-25.
[120] Казачий вестник. - 22 августа 1941. - № 1, - С. 1.
[121] Из письма генерал-лейтенанта Е.И.Балабина станичникам. 22 июля 1941. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 223.
[122] Там же, - Л. 227.
[123] Казачий вестник. - 22 августа 1941. - № 1, - С. 7-8.
[124] Казачий вестник. - 22 августа 1941. - № 1, - С. 2-3; Там же, - 15 октября 1941. - № 2, - С. 1-2.
[125] Там же, - 15 ноября 1941. - № 4, - С. 2.
[126] Распоряжение представителя ОКНОД в Болгарии И.М. Евсикова. 12 июля 1941 года. София. - ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2, Л. 8.
[127] ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2, Л. 11.
[128] Там же.
[129] "Информационный Бюллетень" Центрального Правления Союза Казаков в Болгарии № 8/20. Протокол № 8. - ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2, Л. 14.
[130] ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2, Л. 15; Там же. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 249.
[131] ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2. Л, 30.
[132] Казачий вестник. - 22 августа 1941. - № 1, - С. 2-4.
[133] Там же. - 1 ноября 1941. - № 3, - С. 5.
[134] ГАРФ. - Ф. 5762, Оп. 1, Д. 2, Л. 30.
[135] Там же. - Л. 31-32.
[136] Там же. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 4, Л. 71-74; Там же. - Д. 5, Л. 24, 189, 203-204.
[137] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 30.
[138] Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции. - Челябинск: Факел, 1997. – С. 88.
[139] Семенов Г.М. О себе. (Воспоминания, мысли и выводы). – М.: “Издательство АСТ”; “Гея интэрум”, 1999. – С. 289.
[140] Там же. – С. 305.
[141] Там же. – С. 307-308.
[142] Там же. – С. 310.
[143] Там же.
[144] Там же. – С. 311.
[145] Там же. – С. 314.
[146] Цит. по: Худобородов А.Л. Указ. соч. – С. 91
[147] Худобородов А.Л. Указ. соч. – С. 91.
[148] Худобородов А.Л. Указ. соч. – С. 83.
[149] Цит. по: Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е – 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4. – С. 42-43.
[150] Там же. – С. 108.
[151] Назаров М.В. Указ. соч. – С. 50.
[152] Цит. по: Мейер Г. У истоков революции. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. – С. 142-143.
[153] Столыпин А.П. На службе России. Очерки по истории НТС. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. – С. 6-11.
[154] Ранние идейные поиски российских солидаристов. - Курс национально-политической подготовки. - М.: Посев, 1992. - С. 137.
[155] Там же, - С. 148.
[156] Там же, - С. 164.
[157] Программные и уставные документы НСНП (Национального Союза Нового Поколения). 1935 г. // Политическая история русской эмиграции… - С. 361.
[158] НТС: Мысль и дело. 1930-2000. - М.: Посев, 2000. – С. 91.
[159] Там же. – С. 90.
[160] Трушнович Я. В Россию через советскую границу // Посев. - 1990. - № 6, - С. 127-130; Прянишников Б. Незримая паутина… - С. 172-175.
[161] Прянишников Б. Новопоколенцы. – Сильвер Спринг: Изд. автора, 1986. - С. 170.

[162] Оборонческое движение (Париж). - Май 1936. - № 1, - С. 8.
[163] Там же.
[164] Цит. по: Агурский М. Идеология национал-большевизма. – Париж: YMCA-press, 1980. – 76.
[165] Цит. по: Политическая история русской эмиграции… - С. 200.
[166] Ширинский Ю. Предпосылки эмигрантского оборончества // Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 5.
[167] Там же.
[168] Там же.
[169] Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 5.
[170] Письмо генерала Зинкевича членам Галлиполийского союза в Праге, 11 августа 1941. - Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 4, Л. 52; Военный журналист (Белград). - 15 января 1940. - № 8, - С. 4-5; Информация Управления III Отдела РОВС в Болгарии, 17 февраля 1942. - ГА РФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 23.
[171] Слоним М.Л. Плакальщики и ругатели // Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 4.
[172] Алексеев Н.Н. Мания величия // Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 4.
[173] Там же.
[174] Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 7.
[175] Деникин А. Мировые события и русский вопрос... - С. 65.
[176] Семенченков А. Казачество и оборончество // Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 4.
[177] Грехов Г.А. Письмо добровольца // Оборонческое движение. - Май 1936. - № 1, - С. 5.
[178] Винклер О. Национал-социализм и Россия // Проблемы (Париж). - 1934. - Сб. 1. Угроза войны, - С. 77-118; Минахорьян В. Война и национальный момент // Проблемы. - 1936. - Сб. 3. Перед грозой, - С. 193-237.
[179] Лебедев В. Новая стратегия - новая дипломатия // Проблемы. - 1935. - Сб. 2. Защита страны, - С. 15.
[180] Проблемы. - 1935. - Сб. 2. Защита страны, - С. 3.
[181] Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е – 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения... Вып. 2. – С. 40; Политическая история русской эмиграции…- С. 728.
[182] Врангель П.Н. Воспоминания. – Ч. 1. – М.: Терра, 1992. – С. 45.
[183] Там же. – С. 44-45.
[184] Там же. – С. 108.
[185] Там же. – С. 207.
[186] Сообщение по Юго-восточному Отделу ОРВС, Прага, 1 сентября 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 5845, Оп. 1, Д. 4, Л. 15.
[187] Цит. по: Назаров М. Миссия русской эмиграции... - С. 301.
[188] Русские во Франции. Справочник... - С. 44.
[189] Военный журналист. - 15 декабря 1940. - № 30, - С. 5.
[190] Там же. - 1 ноября 1940. - № 27, - С. 2.
[191] Там же. - 15 декабря 1940. - № 30, - С. 6.
[192] Выступление начальника Управления Делами Русской Эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова в Париже 22 ноября 1941г. - ГАРФ. – Ф. 6461,Оп. 2, Д. 18, Л. 297298.
[193] Памятная записка А.П. Архангельского правительству Германии. 28 июня 1940 г. // Политическая история русской эмиграции… - С. 65-66.
[194] Часовой. - 25 февраля 1941. - № 258, - С. 13.
[195] ГАРФ. – Ф. 6461, Оп. 2, Д. 18, Л. 297-302.
[196] Там же.
[197] Там же.
[198] Там же.
[199] Там же.
[200] Там же.
[201] Там же.
[202] Потешный. - Февраль-март 1942. - № 25-26, - С. 2.
[203] Там же, - С. 25.
[204] Вельмин А. Русское население в Польше во время немецкой оккупации // Новый журнал. - 1946. - № 14, - С. 215.
[205] Николаевский Б. Пораженческое движение 1941-1945 годов и ген. А.А.Власов // Новый журнал. - 1948. - № 18, - С. 215.
[206] Вельмин А. Указ. соч. - С. 295.
[207] Там же. - С. 299.
[208] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 3, Л. 142.
[209] Там же.
[210] Там же. - Д. 8, Л. 11.

[211] Там же. - Д. 3, Л. 142.
[212] Там же.
[213] Там же. - Д. 3, Л. 58.
[214] Там же. - Д. 5, Л. 133.
[215] Послание В.В. Бискупского станичным атаманам в Германии, Словакии и Венгрии от 25 декабря 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 357.
[216] Письмо Е.И. Балабина от 13 ноября 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 349.
[217] Информация Управления III Отдела РОВС в Болгарии от 17 февраля 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 23.
[218] Выписка из письма В.К. Витковского одному из начальников групп I Отдела РОВС от 7 июля 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 18, Л. 291.
[219] Письмо атамана Объединённой казачьей станицы в Бельгии войскового старшины А. Голубова – М.Н. Граббе от 1 июля 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 34, Л. 83-84.
[220] О жизни русской военной эмиграции в разных странах. Информационная сводка Управления I Отдела РОВС на 1 февраля 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 10.
[221] Сообщение начальника Юго-восточного Отдела ОРВС капитана 1-го ранга Подгорного. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 24, Л. 153.
[222] Секретное распоряжение А.А. фон Лампе от 5 января 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 5845, Оп. 1, Д. 4, Л. 7.
[223] ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 10.
[224] Совершенно секретное сообщение генерала Е.И.Балабина атаманам станиц: полковнику Дронову, И.Д.Ткаченко, генералу Т.А.Семерникову. Без даты (приблизительно конец 1941 года - Ю.Ц.). - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп.1, Д. 5, Л. 360; ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 23.
[225] Письмо Е.И.Балабина от 18 декабря 1941 года. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 5, Л. 380.
[226] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 24, Л. 191.
[227] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 5, Л. 136.
[228] Там же. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 11, Л. 31.
[229] Цит. по: Столыпин А. Указ. соч. - С. 66.
[230] НТС: Мысль и дело 1930-2000. - М.: Посев, 2000. - С. 23. (Серия "Библиотечка россиеведения" Выпуск 4).
[231] Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. - London: Macmillan & Co LTD; N.Y.: St Martin's Press, 1957. - P. 526.
[232] Прянишников Б. Новопоколенцы... - С. 152.
[233] Назаров М. Указ. соч. - С. 299.
[234] НТС. Мысль и дело… - С. 22; Околович Г. Борьбу против диктатуры мы считали всегда своей первой задачей. Интервью журналу "Посев" // Посев. - 1977. - № 2, - С. 51-52; Столыпин А. Указ. соч. - С. 73; Прянишников Б. Указ. соч. - С. 181.
[235] Казанцев А. Третья сила. История одной попытки. - Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. - С. 132.
[236] НТС: Мысль и дело… - С. 24.
[237] Основным источником о деятельности Смысловского, являются его же произведения – Хольмстон-Смысловский Б.А. “Избранные статьи и речи” (Буэнос-Айрес, 1953). Наиболее информативными исследованиями проблемы сегодня являются работы Г.В. Алехина “Генерал Б.А. Смысловский и Русское Освободительное движение” (Наши вести. – 1994. – №№ 434-436) и С.И. Дробязко “Эпопея генерала Смысловского” (Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4).
[238] Цит. по: Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского. – С. 119.
[239] Там же. – С. 120.
[240] Там же. – С. 121.
[241] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия. – М.: АСТ, 1999. – С. 20-21.
[242] Там же. – С. 122.
[243] Там же. – С. 124.
[244] Захаров В, Колунтаев С. "Русская Национальная Народная армия" в действии: надежды и разочарования / Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е - 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения... Вып. 2. - С. 62-78; Кромиади К. Русская Народная Национальная Армия // Новый журнал. - 1975. - № 119, - С. 130-147; № 120, - С. 195 - 212.
[245] Цит. по: Кромиади К.Г. "За землю, за волю…" На путях русской освободительной борьбы 1941-1947 гг. - Сан-Франциско: СБОНР - Глобус, 1980. - С. 54.
[246] Кромиади К.Г. За землю, за волю… - С. 60.
[247] Там же. – С. 63.
[248] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия… – С. 22.
[249] Кромиади К.Г. За землю, за волю… - С. 66.
[250] Там же. – С. 72-73.
[251] Там же. – С. 75-76.

[252] Дробязко С.И. Восточные войска и Русская Освободительная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. – С. 59.
[253] Кромиади К.Г. За землю, за волю... – С. 72.
[254] Там же. – С. 77.
[255] Дробязко С.И. Восточные войска… - С. 59.
[256] Кромиади К.Г. За землю, за волю… - С. 79.
[257] Там же. – С. 80.
[258] Цит. по: Русские без отечества… - С. 150.
[259] Там же.
[260] Цит. по: Андреев В.А. Русское зарубежье и вторая мировая война // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 2. - С. 148.
[261] Там же. - С. 149.
[262] Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России... – С. 102.
[263] Назаров М. Указ. соч. – С. 32.
[264] Цит. по: Гиренко Ю.С. Сталин – Тито. – М.: Политиздат, 1991. – С. 94.
[265] Ковалевский Д. Во имя Родины... // Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941-1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. - Нью-Йорк: Наши вести, 1963, - С. 11-13.
[266] Материалы по истории Русского Освободительного движения… Вып. 1. – С. 391.
[267] Скородумов М.Ф. История возникновения Русского Корпуса в Сербии // Русский Корпус… Под ред. Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. – С. 44.
[268] Там же. – С. 45.
[269] Цит. по: Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 14.
[270] Цит. по: Русский корпус… Под ред. Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. – С. 31
[271] Цит. по: Русский корпус… Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 37.
[272] Русский корпус… Под ред. Н.Н. Протопопова и И.Б. Иванова. – С. 431.
[273] Руыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии… – С. 279-280.
[274] Потешный. - февраль-март 1942. - № 25-26, - С. 25.
[275] ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 18, Л. 291-293; Русское дело. - 12 сентября 1943. - № 15, - С. 3
[276] Русский Корпус...Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 18.
[277] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия… - С. 20.
[278] Русские без отечества… - С. 153.
[279] Русские без отечества…- С. 154.
[280] О жизни русской военной эмиграции в разных странах. Информационная сводка I Отдела РОВС на 1 февраля 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 10.
[281] Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 61-65, 79.
[282] Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 138-141.
[283] Русские без Отечества… - С. 154.
[284] О Русском Охранном Корпусе в Сербии, 24 января 1943 года. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 9, Л. 77-78.
[285] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия… - С. 20.
[286] Ведомости Русского Охранного Корпуса. - 17 февраля 1943. - № 61.
[287] Потешный. - Февраль-март 1943. - № 34, - С. 28.
[288] Начальникам частей и групп III Отдела РОВСа. Атаманам казачьих станиц и хуторов в Болгарии. - ГАРФ. - Ф. 6461, Оп. 2, Д. 35, Л. 15.
[289] Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 115; Русские без Отечества… - С. 155; Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская Освободительная Армия… - С. 20.
[290] Русские без Отечества… - С. 155.
[291] Подушкин К. Заполье // Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 130-135; Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии. - 26 мая 1943. - № 75, - С. 6.
[292] Русский Корпус... Под ред. Д.П. Вертепова. – С. 18-19.
[293] Там же. - С. 165.
[294] Русские без Отечества… - С. 156.
[295] Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М.: Военный Университет, 2000. - С. 53.
[296] Информация Управления III Отдела РОВСа в Болгарии от 17 февраля 1942 года. - ГАРФ. - Ф. 6461,Оп. 2, Д. 35, Л. 41.
[297] Цит. по: Александров К. Трагедия донского казака Ивана Кононова // Посев. – 2000. - № 5, - С. 43.
[298] Дробязко С.И. Казачьи части в составе Вермахта. – С. 183.
[299] На казачьем посту. - 15 декабря 1943. - №16, - С. 3-4.
[300] Там же. - 15 ноября 1944. - № 38, - С. 11.

[301] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части Вермахта. – М.: АСТ, 1999. – С. 22.
[302] На казачьем посту. - 25 апреля 1943. - № 1, - С. 5.
[303] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 9, Л. 66.
[304] На казачьем посту. - 25 апреля 1943. - № 1, - С. 6.
[305] Там же. - 15 августа 1944. - №32, - С. 11-12.
[306] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части Вермахта… - С. 22.
[307] На казачьем посту. - 1 сентября 1943. - №9, - С. 12.
[308] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 9, Л. 107.
[309] Там же.
[310] Дробязко С.И. Казачья эмиграция во второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… - Вып. 4. – С. 65-66.
[311] Там же. – С. 66.
[312] На казачьем посту. - 25 апреля 1943. - № 1, - С. 4.
[313] Там же. - 15 октября 1943. - № 12, - С. 4.
[314] Там же. - 1 сентября 1943. - № 9, - С. 12.
[315] ГАРФ. – Ф. 5761, Оп. 1, Д. 9. - Л. 211.
[316] Там же. - Л. 107.
[317] Там же. - Л. 211.
[318] На казачьем посту. - 1 мая 1944. - № 25, С. 2.
[319] Там же. - 1 июля 1944. - № 29, - С. 12.
[320] Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части Вермахта… - С. 26.
[321] На казачьем посту. - 15 ноября 1943. - № 14, - С. 4.
[322] Там же. - 15 ноября 1943. - № 14, - С. 2.
[323] На казачьем посту. - 15 ноября 1943. - № 14, - С. 3; Парижский вестник. - 20 ноября 1943. - № 75, - С. 1.
[324] На казачьем посту. - 1 января 1944. - № 17, - С. 11.
[325] Письмо Е.И. Балабина П.Н. Краснову. 6 мая 1944 г. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, С. 189.
[326] Там же.
[327] На казачьем посту. - 1 января 1944. - № 17, - С. 12.
[328] Там же. - 1 февраля 1944. - № 19, - С. 2.
[329] Там же. - 1 марта 1944. - №21, - С. 2.
[330] ГАРФ. – Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 152.
[331] Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии… - С. 168-169; Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. – С. 385.
[332] Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. – С. 387.
[333] Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. – С. 378; Памяти казачьих вождей // На казачьем посту. – Октябрь 1997 – январь 1998. - № 2-3, - С. 3.
[334] На казачьем посту. - 1 апреля 1944. - №23, - С. 3.
[335] Письмо генерал-лейтенанта Е.И. Балабина генерал-майору В.А. Дьякову. 24 марта 1944 г. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 101.
[336] Там же.
[337] Казачьи ведомости. - 1945. - № 1(15-16), - С. 3-4.
[338] На казачьем посту.-1 сентября 1944. - № 33, - С. 2.
[339] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 208.
[340] Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4. – С. 367.
[341] На казачьем посту. - 15 июня 1944. - № 28, - С. 8-9; Там же. - 1 июля 1944. -№ 29, - С. 3; Там же. - 1 февраля 1945. - № 3(43), - С. 2.
[342] Там же. - 15 октября 1944. - № 36, - С. 1, 10-11.
[343] Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943-45 гг. // Кубанец. – 1992. - № 3, - С. 49.
[344] На казачьем посту. - 15 января 1945.- № 2(42), - С. 10-11.
[345] Там же. - 1 января 1945. - № 1(41), - С. 13.
[346] Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 50-51.
[347] Приказ генерала Е.И.Балабина Общеказачьему Объединению в Германии от 22 сентября 1944 года.- ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 300.
[348] На казачьем посту. - 1 октября 1944. - № 35, - С. 2.
[349] ГАРФ. – Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14. - Л. 221.
[350] На казачьем посту. - 15 ноября 1944. - № 38, - С. 2.
[351] Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е – 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4. – С. 109-111.
[352] Захаров В.В., Колунтаев С.А. Указ. соч. – С. 108; Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920-45 гг. – С. 186.
[353] Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - М.: Мысль, 1987. - С. 179-180.

[354] Шкаренков Л.К. Указ. соч. - С. 194.
[355] Шкаренков Л.К. Указ. соч. - С. 192.
[356] Комолова Н.П. Русское зарубежье в Италии (1917-1945 гг.) // Русская эмиграция в Европе (20-е - 30-е годы XX века). - М., ИВИ РАН, 1996. - С. 97-102.
[357] Материалы по истории Русского Освободительного Движения…Вып. 1. - С. 364-365.
[358] Дорбязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 2. – С. 178-179, 189.
[359] Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. - М.: Посев, 1993. - С. 54-55.
[360] Цит. по: Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. – М.: Наука, 2001. - С. 198.
[361] Thorwald J. The Illusion. Soviet Soldiers in Hitler's Armies. - N.Y. & London: A Helen & Kurt Wolff Book Harcourt Jovanovich, 1975. - P. 119. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. - London: Macmillan & Co LTD, N.Y.: St Martin's Press, 1957. - P. 566-569.
[362] Цит. по: Редлих Р. Из истории недавнего безумия. (Краткий обзор борьбы вокруг восточной политики гитлеровской Германии.) // Наши дни. - 1961. - № 5, - С. 32-33.
[363] НТС: Мысль и дело 1930-200. - М.: Посев, 200. - С. 23.
[364] Цит. по: Столыпин А. На службе России… - С. 87-88.
[365] Столыпин А. Указ. соч. - С. 81.
[366] Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение... - С. 29, 243.
[367] Столыпин А. Указ. соч. - С. 92-93.
[368] НТС. Мысль и дело… - С. 15.
[369] Схема национально-трудового строя. - Б. м., 1944. - С. 91.
[370] Там же. - С. 20-24.
[371] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 24.
[372] Окороков А.В. Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4. - С. 161, 185-186, 187.
[373] Окороков А.В. Учебные структуры - С. 176-177.
[374] Андреева Е. Указ. соч. - С. 251-252.
[375] Артемов А. НТС и Освободительное движение времен войны // Посев. - 1994. - № 5, - С. 107.
[376] НТС: Мысль и дело… - С. 24.
[377] Цит. по: Прянишников Б. Новопоколенцы… - С. 172.
[378] Воспоминания Н.А. Троицкого о РОА и второй эмиграции (1990-1993). - ГАРФ. - Ф. 10015, Оп. 1, Д. 75, Л. 74-76.
[379] Там же. - Л. 76.
[380] Там же. – С. 118.
[381] Столыпин А. На службе России… - С. 119.
[382] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 86.
[383] Там же, - Л. 22.
[384] The Journal of Modern History, vol. XXIII, № 1. - March 1951. - P. 58-71.
[385] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 10, Л. 149.
[386] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 9, Л. 140.
[387] Письмо А.А. фон Лампе неизвестному адресату от 30 мая 1943 года. - ГАРФ - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 116.
[388] Там же.
[389] Там же.
[390] Там же.
[391] Там же.
[392] "Новый путь". - 23 мая 1943. - № 20 (67), - С. 1-2.
[393] Информация III Отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) от 10 июня 1943. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 26, Л. 224-225.
[394] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 26, Л. 224.
[395] Там же. - Д. 9, Л. 206.
[396] Там же.
[397] Там же.
[398] Информация командира Донского Корпуса от 17 марта 1943. - ГАРФ, Ф. 5761, Оп. 1, Д. 9, Л. 206.
[399] Одесса. - 4 марта 1943. - № 52, - С. 1-3.
[400] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 10, Л. 326.
[401] Заря. - Апрель 1943. - № 29, - С. 1-4; Поздняков В. Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной Армии, ставших в ряды Русского Освободительного

Движения // Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде-Люкенвальде-Дабендорфа-Риги. - Сиракузы (США): Изд. автора, 1972. - С. 185-186.

[402] ГАРФ - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 26, Л. 224-225.

[403] Андреева Е. Указ. соч. - С. 189.

[404] Окороков А.В. Учебные структуры… - С. 193.

[405] Там же. – С. 195.

[406] Там же. – С. 196-197.

[407] Там же. – С. 197.

[408] Столыпин А. На службе России… - С. 127.

[409] ГАРФ - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 249-249а.

[410] Там же, - Л. 262.

[411] Там же, - Л. 119.

[412] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 26, Л. 261.

[413] Письмо генерала А.А. фон Лампе к полковнику Гегела-Швили от 22 октября 1944. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 271-272.

[414] Там же.

[415] Там же, - Л. 273.

[416] Там же. - Л. 279.

[417] Там же. - Л. 285.

[418] Там же. - Л. 284.

[419] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 329.

[420] Там же, - Л. 327.

[421] Там же, - Л. 340.

[422] ГАРФ. – Ф. 5761, Оп. 1, Д. 24, Л. 1-2об.

[423] Окороков А. Комитет Освобождения Народов России // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 1. - С. 106-181.

[424] Сообщение генерала А.А. фон Лампе начальникам Отделов Объединения Русских Воинских Союзов (ОРВС) от 12 ноября 1944. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 283.

[425] Материалы по истории Русского Освободительного Движения … Вып. 1. - С. 127.

[426] Сообщение генерала А.А. фон Лампе начальникам Отделов ОРВС от 19 ноября 1944. - ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 280.

[427] ГАРФ. - Ф. 5796, Оп. 1, Д. 21, Л. 281.

[428] Казанцев А. Третья сила. История одной попытки... - С. 200.

[429] Там же, - Л. 282.

[430] Казачьи ведомости. - 1945. - № 1 (15-16), - С. 2.

[431] Денике Ю. К истории Власовского движения // Новый журнал. - 1953. - № 35, - С. 278.

[432] Протокол собрания станичных атаманов Объединения казаков в Германии и представителей казачества по поводу учреждения Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и провозглашения Пражского Манифеста от 25 ноября 1944, Прага. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 352-355.

[433] Цит. по: Ленивов А.К. Под казачьем знаменем в 1943-45 гг. // Кубанец. – 1992. - № 3, - С. 55.

[434] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 356.

[435] Там же, - Л. 361.

[436] Там же, - Л. 367.

[437] Сообщение генерала Е.И.Балабина станичному атаману Венской станицы есаулу Голубову от 22 декабря 1944. - ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 328.

[438] ГАРФ. - Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 391.

[439] Там же.

[440] Там же, - Л. 400.

[441] Там же, - Л. 401.

[442] Цит. по: Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 56-57.

[443] Цит. по: Красовский О. Страшная правда // Вече. - 1990. - № 39, - С. 230-231.

[444] Цит. по: Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 58.

[445] Там же.

[446] Там же.

[447] Там же.

[448] Цит. по: Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 56.

[449] Там же.

[450] Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 59.

[451] Секретно. Начальнику Организационного Управления КОНР, 12 декабря 1944. - ГАРФ, Ф. 5761, Оп. 1, Д. 14, Л. 381.

[452] Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. - М.: РГГУ, 2000. - С. 163.

[453] Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 60.
[454] Там же.
[455] Черепов В. Тревожные дни в долине реки Ибра: 3-5 августа 1944 // Русский Корпус... - С. 229-277.
[456] Хольмстон-Смысловский Б. Война и политика. - С. 34-35.
[457] Там же.
[458] Хоффманн Й. История Власовской армии. - Париж: YMCA-press, 1990. - С. 71.
[459] Русский Корпус…Под ред. Вертепова - С. 331-335.
[460] Цит. по: Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 61.
[461] Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 63-65.
[462] Жеребков Ю. Попытки КОНРа установить контакт с западными союзниками // Зарубежье. - 1979. - № 1-2-3, - С. 18-21.
[463] Комментарии редколлегии "Посева" / Письмо генерала М.А. Меандрова // Посев. - 1986. - № 8, - С. 59.
[464] Ленивов А.К. Указ. соч. – С. 61-62.
[465] Хоффманн Й. История Власовской армии… С. 240.
[466] Толстой Н. Жертвы Ялты. – М.: Русский путь, 1996. - С. 140-141, 145, 151-152, 204, 206, 239, 338.
[467] Бетелл Н. Последняя тайна. - М.: Новости, 1992. - С. 222-226.
[468] Толстой Н. Жертвы Ялты… - С. 9, 59, 380, 389.
[469] Хоффманн Й. Указ. соч. - С. 99-100.
[470] Александров К. М. Из истории послевоенной эмиграции // Посев. – 2001. - № 7, - С. 39.
[471] Новое русское слово. - 19 марта 1945 г.
[472] Мельгунов С. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. - 1945. - № 11, - С. 356-365.
[473] НТС: Мысль и дело… - С. 30.
[474] Бюллетень АЦОДНР. - 1948. - С. 16-19.
[475] В.Г. Предостережение. Письмо в редакцию (Из журнала "Набат", № 1(5), 1947, С. 69-73) // Личная папка Б.В. Прянишникова. - ГАРФ. - Ф. 10032, Оп. 1, Д. 1, Л. 60-62.
[476] Единый патриотический фронт // Бюллетень АЦОДНР. Орган Центральной коллегии АЦОДНР. - 1948. - № 1, С. 1.
[477] Омеличев Б.А. Омеличев Б.А. С позиций силы и угроз // Военно-исторический журнал. – 1989. - № 8, - С. 14.
[478] Цит. по: Омеличев Б.А. Указ. соч. - С. 16.
[479] Цит. по: Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 4. – С. 543-549.